

A vibrant pink hibiscus flower is the central focus, set against a dense background of green foliage and tree trunks. The flower has five petals and a yellow center. The text is overlaid on this natural scene.

Expedition to Timor Leste

*by UA4WHX, WA4WHX, US5ETV
January-February, 2012*

*Part 2
Lost in the mountains*

Прежде всего, конечно, нужно было оглядеться и познакомиться со страной, по которой ей предстояло путешествовать.

– Совсем как на уроке географии, – подумала Алиса, поднимаясь на цыпочки, чтобы заглянуть подальше. – Главные реки? Никаких. Главные горы? Всего одна – и я на ней стою. Как она называется? По-моему, никак. Главные города?.. Ой, кто это там?

Льюис Кэрролл.
Алиса в Зазеркалье

О радио и не только...

Участники играли все сразу, не дожидаясь очереди, все время ссорились и дрались из-за ежей, и вскоре Королева была в неистовой ярости, металась, топала и не переставая орала: "Отрубить голову, отрубить..."

Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране Чудес

После двух недель пребывания в Эрмере уверен, что у наших хозяев сложилось некоторое слегка извращенное мнение о нашем хобби. Трудно понять, чем там занимается человек, я или Владимир, который часами сидит с каменным лицом (явно слегка не в себе!) за аппаратом, одной рукой крутит ручку трансивера, другой рукой что-то передает на ключе. Постоянно что-то набирается на клавиатуре. К слову сказать, никто из домашних не пытался нас расспрашивать в таком состоянии: "А чем это вы тут занимаетесь?". В таком состоянии ничего внятно объяснить невозможно – когда ты в наушниках и весь мир жаждет связи с тобой, представителем этой далекой страны, тут не до объяснений. Можно и нагрубить в таком состоянии. Кто работал, тот знает. Нико тоже любопытствовал, задавал вопросы, но только мне (мы с ним общались больше). Я не был многословен, и у него изначально было мнение, что мы связываемся через интернет. Слово такое ему было знакомо, вот и воспринимаешь то, что ближе. Все, что я говорил ему, да и не только ему, все это казалось слушателю чуть ли не внеземной технологией. Прямо как мне в детстве, лет в десять, когда я впервые начал интересоваться карточками, которые приходили отцу в подтверждение радиосвязей...

Мы сделали небольшую перестановочку в комнате, чтоб сидеть и работать было удобнее. Все остальное второстепенно. Столик возле дверей был свободен, другой, рядом, был выше и массивнее. Последний был до предела завален книгами, учебными материалами и еще каким-то печатным мусором. Мы разместили аппаратуру на столике, что был посвободнее. Клеенка, которой он был накрыт, от времени стала липковатой и блеклой. Стол удобен для школьника средних классов, но не для здоровых дядек. Я попробовал поработать на ключе за этим столом – ощущение не очень, все что-то мешает, рука не скользит по клеенке, сидишь полусогнутый. Так долго не высидишь, а работать предстоит часами. Владу не нравится тоже. Не долго думая, делаем рокировку столами. Стребаем все содержимое – буклеты, книжки, брошюры – и кладем на "детский" столик, переставляем их местами. Неудобно! Стол стал близко к дверям, поставить стул мешает широкое ложе. Не проблема, перемещаем столик, заваленный макулатурой, в проход между кроватью и шкафом. Смотрится, мягко говоря, не очень, но обстановка в комнате никого не волнует. Сидеть за трансивером стало удобно. На столе и на полу возле стола в направлении двери просто завал из проводов и кабелей. На полу находится также два удлинителя. Один из них подключен к электросети дома, второй – к генератору. Когда в поселке гаснет свет, мы все переключаем в другой удлинитель и заводим генератор. Часть проводов, кабель, выходят из комнаты к другому, и, наверное, единственному удлинителю в доме. Этот удлинитель действительно самый важный в доме – в него включены телевизор, блок от спутниковой антенны, уличное освещение и еще бог знает что. Втыкать свои вилки в него необходимо аккуратно – одно неловкое движение и в доме гаснет свет. Выбивает пробку. Что-то там замыкает, но лезть туда не сильно-то хочется.

В первые дни нашего пребывания вся семья вечером подтягивается к телевизору – это основное развлечение во многих домах в Эрмере. Начинается «культурная программа» вечера с просмотра каких-то шоу местного производства, плавно перетекает к выпуску новостей и, если повезет, к футболу или спортивной программе о футболе. Надо отметить, очень и очень многие взрослые и подростки являются страстными болельщиками. И вот вечером, когда в поселке есть свет, возле телика собирается полукругом вся семья, за исключением девочек. В доме их было две, Карла (Carla, 12 лет) и Соня (Sonia, около 15 лет), но я ни разу не видел их сидящими у телевизора. Видно у женщин свои интересы. Увлечение футболом настолько серьезное, что я с удивлением обнаружил: в семье знают Шевченко, форварда из Украины. И это, пожалуй, все, что им ведомо о моей стране.

За телевизором начиналось обсуждение каких-то футбольных моментов и дверь в наш "шэк" приходится закрывать – эти беседы мешают приему. Но не долго мы "мучились"! Мачта с антеннами ВЧ диапазонов, где мы работаем по вечерам, находится в непосредственной близости от мачты с ТВ антенной, а полотна антенн проходят возле спутниковой антенны. Как только мы начинаем передачу, а работаем в телеграфном pile-up, телевизор начинает притухать, программа сбивается или пропадает звук. В общем, кайф от просмотра ТВ исчезает. При этом телевизор издает доселе неслыханные звуки, вызванные наводками на антенну. Вскоре обитатели дома понимают, что никакими настройками или переходами на другой канал от этой проблемы не уйти. Вижу, как рассеиваются ряды желающих еще посмотреть телик. Чудо! Мы вылечиваем дом от телевизионной мании. Через дня три-четыре телевизор включают только посмотреть новости и то, не каждый день. Ну не в кайф смотреть на постоянно мигающую картинку. Ничего, это не навсегда! Что это по сравнению с кайфом, который получает сидящий в тесноватой спальне?! Правда его, оператора, не видно, да и не слышно ничего, но заглянули бы вы в его глаза!! А какой адреналин!!! Не всегда экстаз сопровождается истомными воплями!..

Это еще не все неудобства, не все, своего рода, побочные явления. Генератор, стоящий перед домом, мешал приему. Не то, чтоб он шумел, нас отделяла от него угловая стенка дома. Но агрегат имел "фон", легкий шум, накрывающий весь диапазон, что значительно снижало наши возможности по приему. Кайф уже был не тот, не тот привкус эйфории. Как от молока, которое слегка начало скисать, как от красивой девушки в помятом платье или как от проповеди без ссылок на Святое Писание.

Генератор необходимо переместить подальше от антенн. Единственным подходящим местом был задний двор дома. Решено, тащим генератор туда. Хватаем его за ручки и объезжаем вокруг дома, впритык пролазим через калитку и попадаем во внутренний дворик. Места там хватает, но я высказываю опасения, что шум работающего генератора будет сильно мешать обитателям дома: окна обеих комнат, куда перебрались все дети и сам сеньор Абилю с женой, выходят во внутренний двор, как раз рядом с местом, куда мы поставили бензоагрегат. Над генератором находится навес, и поэтому звук от работающего агрегата кажется еще сильнее. Генератор работает всю ночь до часов десяти утра. Если закрыть окна в комнаты, где спят обитатели дома, будет не так громко, но... даже не представляю, как там спится им?!. Никогда не спрашивал об этом, и без этого понятно, удовольствия тут мало. Каждый вечер, после ужина, кто-то пробует включить телевизор, пробует немного смотреть, но спутниковые каналы начинают сбиваться

(Тимор, 4W0VB, в эфире!), телевизор выключают и идут в свои комнаты. Перед этим, по традиции, сложившейся годами, закрывают входную дверь на защелку. Дверь не имеет замка, только небольшая щеколда. Зачем замок?! В доме постоянно кто-то есть, ведь семья большая – у сеньора Абилю десять детей, и он вовсе не рекордсмен поселка Эрмера. К тому же, в дом можно зайти через калитку со стороны огорода. Там все всегда открыто. Ну нет воров в поселке, все знают друг-друга!

...Дверь на ночь запирают. И это удивительно, ведь ночью я или Влад постоянно выходим на улицу, и все об этом знают. Но все равно, запирают. Привычка? Переключение диапазонов вручную, поэтому выходить надо. Возле бамбуковых мачт висят связки кабелей с коаксиальными разъемами. Выкручиваешь кабель и вкручиваешь в разъем другой антенны, дверь постоянно открыта. Бояться нечего, ночью один человек постоянно за трансивером, дверь из спальни в холл перманентно открыта. Ночью, кроме геконов на стенках и меня, бегающего, время от времени, по холлу, бодрствующих никого нет. Поселок с приходом ночи вымирает. Тишина просто зачаровывает. Иногда слышно собак в поселке и рыбу в пруду возле дома. Когда я выхожу на крыльцо, в пруду что-то плюхает – похоже на всплеск воды от дернувшей на глубину рыбки. Больше никаких звуков – ни тебе привычного для наших сел шума гоняющих мотоциклов, ни пьяных криков подростков, ни дикового смеха возвращающихся с вечерней дискотеки девушек-старшеклассниц... Ничего!

Ночные дежурства в эфире за мной. Я сижу с полуночи до пяти утра. Ох и тяжело! Не спать ночью для меня не в диковинку. Но я почти никогда не сплю днем, не могу заставить себя. Когда вокруг всего столько интересного – не до сна. На ночь я обычно раза три-четыре заправляюсь крепким чаем. Но не в Эрмере. Чай я приготовить не могу – все готовится на костре, а в доме все спят. Несколько раз накануне вечером просил приготовить мне КРЕПКИЙ чай, но получается обычный. Не взбадривает. Если нет pile-up, бороться со сном трудно, очень трудно. В вечернее время, когда я сажусь за трансивер, в часов одиннадцать-двенадцать, работаю на 18 – 10 Мц до часа ночи. Проход, затем, начинает сворачиваться и становится скучновато. И начинается борьба со сном. В эфире работаю постоянно, выхожу на крыльцо переключить диапазон, но связи в лог идут медленно. Пайл-апа нет, зовут, практически, по одному. На 80 метров прохождение надо угадать. Как правило, на восьмидесятке начинают звать очень слабо слышимые станции в районе четырех утра по местному времени. До этого часа есть серьезная "опасность" заснуть. Несколько раз я отключался, и если не сидячее положение, наверное бы заснул. А так... так ловлю себя пару раз на том, что позывной в окно журнала вбил, а в журнал сохранить забыл... Или испытываешь какое-то пограничное состояние между сном и реальностью, просто переходишь в какой-то нереальный мир. Тогда встаю и хожу по холлу, выхожу на крыльцо. Пару раз чуть не раздавил спящую прямо под дверями собаку. Черт бы ее побрал, этого только не хватало! Надо бы поаккуратнее, это ведь не мачту в кусты завалить – хозяйка может и не простить такого! Стараюсь быть повнимательнее. Геконы, которые чувствуют ночью себя хозяевами, снуют по стенам в холле и в спальне. Иногда раздаются странные звуки – самцы-геконы борются за территорию или за самку, но спать это не мешает. Когда наступает пять утра и приходит Влад, я переползаю на кровать, снимаю рубашку и отключаюсь...

Pile-up. Немного о работе в эфире. Мне нравится японский, американский пайл-апы. Но хуже всех работают станции из Европы. Да, коллеги, это так. Японские станции, если число зовущих не достигло определенной критической массы, зовут практически по очереди. Нет взаимных помех друг-другу или настойчивой передачи своего позывного «напролом». Чувствуется японская дисциплина. Влад говорил о некоем японском кластере.. Не знаю, как им удастся, но японский пайл-ап довольно организованный. Связи проводим на одном дыхании, все дисциплинированы, за малым исключением. Некоторые станции во второй половине экспедиции зовут повторно, но с QRP.

Владимир за работой в RTTY, 18 января 2012. Ermera

Через несколько дней с момента начала работы в поселке все меняется. Видимо, кто-то пустил слух, что стиль работы 4W0VB отличается от работы UA4WHX. (И это - правда, наш стиль немного отличается. Об этом - ниже). К тому же, дня через два после начала работы из Эрмеры мы устанавливаем еще одну позицию – ставим трансивер в холле – и работаем несколько дней параллельно, за исключением ночи. Это можно проследить по спотам, нас слышат одновременно на двух диапазонах. Когда я в эфире

меня иногда спрашивают имя. Говорю «Влад»: Владимир просил не раскрывать наш секрет во время экспедиции. Вероятно, поэтому кто-то начал думать, что работает «пират». Японские станции нас начинают массово звать повторно на одном и том же диапазоне. Кошмар! Вначале на такое внимание не обращаешь, не беда, если кто-то ошибся и сделал повторное QSO. Но явление приобретает массовый характер, встречаются уникалы, которые проводят по 4 QSO на одном диапазоне одним видом излучения. Мы решаем бороться с этим – информация дается в интернет: за повторные QSO все связи будут удаляться из лога. Если вижу, что станция зовет повторно, я передаю «QSO b4», «PSE NO DUPE QSO». Видимо, не все понимают смысл этих предупреждений и все равно передают рапорт. Такие повторные связи я в лог не вношу. Это начинает надоедать. Влад особо настырных удаляет из лога, обнуляет все связи. Таких около пяти станций, не больше. Надо что-то делать, ибо не пробьются те, кому Тимор действительно нужен. Через несколько дней безобразие с повторными связями прекращается, явление становится не массовым. Тем не менее, на 80м нас все равно продолжают звать повторно. «Переживают» за НЧ диапазон? Влад говорит, что это «японская тактика» - не дать пробиться Европе. Кто его знает...

С американскими станциями работать просто приятно. Операторы имеют в массе своей высокую квалификацию. Я практически не повторяю позывных, все слышат с

первого раза. Просто класс! И это при том, что я работаю на скорости 150 – 160 знаков в минуту! Слышно не всех одинаково, многие станции идут на 5 баллов, но когда я выхватываю часть позывного, остальные молчат и ждут завершения QSO. Чем организованнее операторы на том конце pile-up, тем быстрее работа. Вместе со Штатами проход открывается на Южную Америку. Там самые активные – Бразильские станции. Но половина из зовущих вообще не слышат, как я им отвечаю. Я повторяю раз, и два, и три, и четыре... Часто и это не помогает. Приходится бросать и работать дальше. Стараюсь никого не упустить. Если выхватываю часть позывного, стараюсь принять до конца. Иногда это долго, Американские станции порой проходят с QSB или на фоне пульсирующей помехи. Иногда оператор делает ошибку: когда я переспрашиваю пару раз его позывной, он снижает скорость. Это еще сильнее затрудняет прием – становится труднее разобрать знаки при пульсирующем затухании сигнала или при QSB.

Европейский pile-up... Это постоянная борьба мощностей с привкусом некой доли хамовитости. Из Европы приятно работать со станциями из Чехии, Словении, Великобритании. Операторы из этих стран имеют высокую квалификацию, чувствуется, что у многих хорошие антенны. Отвечают, как правило, с первого раза.

Неприятно удивляют станции из Италии – при хорошей слышимости их сигнала на Тиморе, много станций на мой ответ не реагируют и продолжают звать, звать напролом. Я, понимая тщетность QSO после неоднократных повторов позывного какого-нибудь IT9... , оставляю попытки и продолжаю работу. Но такая «глухая» станция постоянно мешает – сигнал громкий, а оператор не слушает и даже не пытается. Иногда я пробую отвечать повторно такой станции, и какое облегчение, если «глухарь» меня услышал! Я вношу его в лог, но мы ставим пометки за отвратительную работу или за неуважение к коллегам. «Неуважение» заключается в назойливой передаче в момент, когда пытаешься выхватить позывной слабой станции, префикс которой ну никак не похож на префикс упряма с ломовым сигналом. Иногда, некая станция проводит QSO вслепую. Я передаю позывной с вопросом – требуется еще раз повторить его. Вместо этого станция дает мне рапорт и завершает QSO. При этом с моей стороны не прозвучало еще ни рапорта, ни полного позывного зовущего. Я передаю позывной станции и рапорт, повторяю при необходимости, и если человек не реагирует на это – QSO не засчитывается. Я вношу позывной в лог с пометкой. Также поступает Влад. Мне запомнилось несколько позывных из Украины, работающих «вслепую», наверное, потому, что всегда обращаешь внимание на работу земляков. Не стану их называть, возможно, это был просто неудачный день...

В Эрмере у нас нет интернета. В поселке вообще нет интернета, даже мобильного. Естественно, кластером мы не пользуемся. Когда кто-то, по прошествии нескольких QSO, кидает нас в кластер, это чувствуется. Моментально возрастает количество зовущих. Я обычно перехожу на работу сплитом. Выстраиваю работу так, чтобы зовущие меня станции давали позывной один раз. Этого достаточно. Я всех слышу! Проблема в том, что не все слышат с первого раза, когда я отвечаю. Встречаются такие, кто проводит QSO, и вроде все нормально, адекватно реагирует, а через минут пять снова начинает меня звать. Почему?! Речь о европейском pile-up... Попадаются Big Gun-ы, которые в разгар работы просят перейти на другой диапазон. *А подождать?* Я могу и перейти, но не в разгар же пайл-апа! Подобные ситуации возникали только в европейских пайл-апах.

Возникают иногда неприятные ситуации, связанные с работой другого DX на этом же диапазоне. Работаешь себе в pile-up, полчаса или час, и вдруг кто-то начинает упорно передавать, что 4W0VB мешает, например, VP6T, которого еще нет, но его ожидают на моей частоте. Или pile-up моей станции стал мешать другому DX, который разместился на соседней частоте гораздо позже... Какой там "Code of Conduct"?! Анонимная станция начинает упорно мешать работе. Разве не все равны в эфире? Почему такое brutальное отношение к коллегам?

Как писал выше, наш принцип работы прост – работа до последнего зовущего на диапазоне. Пайл-апы мы отрабатывали полностью. Селекцию по континентам, за редким исключением, не делаем. Отвечаем всем зовущим, не важно, Япония, США или Европа. Только один или два раза за все время я работаю направленно на NA: бывает, что проход на Северную Америку совмещен с Азиатским, и я пытаюсь выхватить "Small pistols" из восточного побережья и юга США. Это удается делать, потому что японцы дисциплинированы в массе своей, ждут.

Pile-up, который мы раскошегарили на диапазоне, не бросаем, даже если по времени стоило бы перейти на 80м или на 160м. Там прохода может и не быть, а темп потеряешь, изменится прохождение на диапазоне, где я "сизжу", и т.д. Тем более, на НЧ диапазонах работать могут не многие. Поэтому просьбы перейти на НЧ, как правило, игнорируются в pile-up. Чуть погодя, всю ночь периодически или постоянно, если позволяют условия, сидим на 80м. В ночное время на 3.5Мц станции даже из Японии или Австралии идут очень слабо, на четыре-пять баллов. Не в первые дни, конечно. Но "сливки" быстро снимаются. С рассветом ситуация улучшается, но к этому моменту приходит черед Владимира, и я с удовольствием уступаю место. Спать хочется!

Я встаю часов в девять утра. Влад за ключом, но к этому времени DX-прохождение заканчивается, а жители Страны Восходящего Солнца уходят на работу. Прохождение сворачивается. Влад еще переходит на SSB и работает в основном с японскими станциями. Я только и слышу: "го кью дес"... "аригато за мачита". Он не уgomонится, пока не закончатся и зовущие микрофоном. Закончились желающие? Переходит на другие диапазоны, пробует телеграфом (обычно, почти никто не зовет, проход свернулся), затем микрофоном...

Я к этому времени привожу себя в порядок, ощущение – как после легкой пьянки. Асоко, сын хозяев, уже приготовил нам завтрак и даже все накрыл на стол в холле. Замечательно! Вот это парень! На столе, накрытом скатертью, стоит чайный сервиз (довольно приличный сервиз, без дураков!), тарелка со свежими булочками-хлебом (хлеб домашней выпечки, по форме напоминающий небольшую булочку) или нарезанным и поджаренным хлебом, тарелка с яичницей на троих. Еще – иногда ананасовый джем, иногда бананы, купленные кем-то из домашних или принесенные их родственниками, или вареная кукуруза, или обжаренные ломтики плода хлебного дерева. Все всегда съедаем. Кофе с утра помогает проснуться. То, что надо! "Догоняемся" упаковочками вафельек, коробку которых мы купили в местном магазине.

Если есть еще зовущие, Влад сидит за трансивером, тогда едим без него. Вот это настоящий радиолобитель! Я сажусь с Ирой и получаю удовольствие от завтрака. Вскоре

присоединяется и Влад. Он просит Ирину посидеть еще в RTTY, и она садится за компьютер. Мы же обсуждаем работу ночью и утром и планируем работу на день.

Работать цифрой мы все начали впервые именно на Тиморе. Компьютер и софт предварительно настроены и опробованы перед поездкой. Поэтому практически нет никаких проблем с работой, только опыта маловато. Из дома я провел около 30 QSO RTTY, но работа в pile-up совсем другое дело. В RTTY масса зовущих станций. В первое время работаем без сплита, и на частоте творится что-то невообразимое. В этой каше отвечаем только тем, чей позывной программа (MixW) выхватила полностью. Кто громче, тот и пробился. Я знаю, что мы отвечаем медленно, но для нас это первый опыт. Немного набив руку, работать начинаем сплитом. Около половины QSO в RTTY, по моим ощущениям, провела Ирина. Я и Влад тоже приложили руку к этому делу... Меня, по правде, не впечатлила работа цифрой. Нет такого драйва, как при работе телеграфом: принимает компьютер, ты просто щелкаешь мышью по позывному и еще по двум-трем кнопкам на панели. Вот и все.

Практически все слышат, кому я отвечаю. Было, правда, несколько станций, например, девятый район России, которые не реагировали на ответный рапорт и продолжали звать, но таких было немного. Иногда, начинаешь отвечать какому-то китайцу с позывным ВН7... (третья категория в Китае), а он в ответ вываливает целую биографию о себе: антенны, аппаратура, программное обеспечение, гарнитура, личные данные и данные из его лицензии, погоду в его городе... И весь мир замер в ожидании! Распечатка такого текста, пожалуй, заняла бы полторы-две страницы. Ну ничего, даешь его позывной, TU, QRZ? И снова pile-up. Вы не поверите, но pile-up кончен; через нескольких более-менее напряженных дней работы в RTTY и в PSK-31, мы вырабатываем основную массу зовущих станций. Потом, продолжительные CQ в пустоту. Не зовет даже Япония. По активности Японских станций четко прослеживается время начала и конца рабочего дня. Да, цифровыми видами работает гораздо меньше станций, чем CW и SSB.

Как говорил выше, мы установили второй трансивер на обеденном столе в холле. Обеденный стол стоял неудобно, далеко от окна и мы его переставили. Безусловно, обедать было удобно, но тянуть провода через холл – перебор. Не беда, что на этом столе нам накрывали завтрак и ужин, можно есть и за журнальным столиком. Все хорошо, но теперь к телевизору доступ абсолютно закрыт. Я работаю за вторым местом по вечерам, когда открывается проход на Европу и, затем, на Штаты. Телевизор находится в паре метров за моей спиной. Никому и в голову не приходит его включить, когда я работаю. Не знаю, чем теперь наши домашние развлекаются по вечерам, но связь с миром для них временно отрезана. (Ну, не совсем отрезана, есть ведь еще мобильные телефоны. Однако, много ли вы будете звонить при цене 20 центов за минуту?) Чем-то напоминает историю «Лисичка со скалочкой»? Телевизор всего лишь ненужный атрибут цивилизации в этом горном раю. Просто люди привыкли ежедневно видеть горы, джунгли, спускающиеся на поселок облака, дышать чистейшим воздухом, и не понимают, чем действительно богаты... К тому же, в большой семье не скучно и без телевизора!

Ну что там по ящику можно увидеть? Президента? Да, сидим как-то возле телевизора, показывают в новостях какого-то дядьку, в костюме, но без галстука, ворот рубашки расстегнут, он окружен журналистами, тянущими к его лицу аудиорекодеры. Мне

говорят – это президент Тимора! А у меня впечатление, что это а-ля шеф полиции, забежал в местный пивбар, а его оттуда вытянули назойливые журналисты, поспрашивать про городские сплетни. На экране я даже не замечаю секьюрити, - атрибут европейских президентов. Такой себе «рубаха-парень», доступный, дающий интервью не в каком-то зале со специально отобранными журналистами, усевшись в кресло за несколько тысяч долларов, а так, прямо на улице, где-то по дороге между «дворцом» и рынком.

...Или увидеть иногда родного брата?.. Я чуть со стула не упал, когда сеньор Абилио, сидевший рядом со мной и смотревший выпуск вечерних новостей, вдруг говорит мне, что сейчас показывают его родного брата. Да, действительно похож! А выступает перед журналистами в этот момент Глава Центризбиркома, если перейти на привычную нам терминологию. В стране выборы через несколько месяцев, и брат с. Абилио отвечает за избирательную кампанию в стране. Брат не троюродный, не из дальних и почти забытых родственников, а родной. Чудеса, да и только!

Я расположился за вторым местом в холле. Вечером в эфире работаем одновременно с Владом. Подбираем антенны так, чтоб не было взаимных помех. Обычно какой-то из топ-бэндов на одном месте, - 21Мц или 18Мц или 24Мц, и 10Мц или 14 Мц – за другим местом. Приоритет тому диапазону, у кого там в данный момент мощный pile-up. Другой оператор подбирает антенну так, чтобы не мешать приему соседа. Если подобрать не получается, работает только один, нет проблем. В качестве компенсации для второго – ужин по расписанию, в 19.30 – 20.00 вечера. Часто бывает так, что никто – ни я, ни WHX, не можем встать к ужину. Pile-up затягивает, знаете ли. Никто и не собирается бросать работу. Помните, работа до последнего зовущего!.. Ире ничего не остается, как ждать, сама она не ужинает. Хозяева – это другое дело, им спать надо ложиться вовремя, и костер не может гореть весь вечер. Нас обычно спрашивают, а можно ли подать ужин к столу? *Да нет проблем, можно подать через полчаса!* Накрывают на стол, пока мы работаем в эфире. Смысла откладывать ужин нет никакого, все равно ужин уже приготовлен и его не будут разогревать, если он подостыл: готовка на костре отличается от приготовления на газовой печи. Хозяйка дома добавляет в салфетницу салфеток, порезанных днем пополам для экономии, и вместе с Асоко выносит в пластиковом ведре рис, еще несколько тарелок с составляющими к рису (нехитрую подливку) и тарелку с кусками курицы или с жареными сосисками, разрезанными пополам. Все тарелки накрывают салфетками. Еще раз говорят, что ужин готов, и удаляются. Когда один из нас освобождается, я или Влад (или мы одновременно, что, впрочем, бывает редко) садимся с Ирой за ужин.

Через дней пять-шесть после начала работы в параллельном режиме, второй трансивер выходит со строя. Я так и не понял, что было не так? На время грозы вся аппаратура отключается от антенн, а ливень в обеденное время, скорее, правило, чем исключение. Во втором трансивере, за которым я работал в холле, исчезла выходная мощность. Исчезла как-то неожиданно, не во время работы. В очередной раз я включил аппарат... а «выхода» нет. Когда работал в последний раз, несколько часов назад, было все в порядке. *Пороблэно!* (украинский – Навели порчу!) Не иначе, как кто-то усердно и негативно думал о том, что не может посмотреть ТВ! Второе место пришлось убрать, и... снова можно смотреть телик! Пусть с помехами от передачи, но все же... Теперь можно

посмотреть не только новости, но и программу о футболе! Жизнь налаживается, народ потянулся к голубому экрану!

Генератор нас очень выручает. И обитателям дома от него тоже есть польза. Мы запитали их домашний супер-переходник, тот, от которого идет шнур на телевизор и на освещение в холле, на улицу и в кухню. И когда весь поселок засыпает, ввиду отсутствия электричества, наши смотрят какие-то программы, ужинают в кухоньке за занавеской, заряжают мобильники и mp3-плееры, - короче, вкушают блага цивилизации. Надеюсь, это хоть какая-то малая компенсация за временные неудобства. Генератор «ест» около 1 литра в час. Его требуется «подкармливать». Мы просим у хозяев канистры – необходимо регулярно покупать бензин. Нам дают две пластиковые канистры по 25 литров. Отлично. Бензин в поселке нужен: в Егмега приходят автобусы, микролеты; у некоторых жителей даже есть мотоциклы. Бензин покупают в небольшом количестве, например, полутора литровой бутылки вполне достаточно для того, чтоб накормить «стального коня». Если Вы хозяин микролета, то придется купить пятилитровую канистру. Продать могут прямо с канистрой. В такой пятилитровой пластиковой канистре мы покупали масло (подсолнечное?) в магазине, для готовки. И вот мы берем две канистры и идем на «заправку». Оптовые покупатели! Влад предварительно расспрашивает Асоко и хозяйку о цене на топливо, это важно, чтоб знать, честны ли с тобой. Нам говорят, что цена - \$1.25 за литр.

Счастливая мама. Егмега

Мы проходим по центральной улице к автостанции, а по факту, - к перекрестку возле мини-базарчика, куда приходят автобусики, выгружают и забирают новых пассажиров. Тут все рядом, и до перекрестка нам пройти минуты две. Сворачиваем налево на единственную улицу, пересекающую главный «highway» Эрмеры. «Заправка» тоже единственная в поселке, альтернатив нет. Заправка – это чей-то дом, передняя часть которого отведена под «техническое помещение». Две части дома вообще ничем не разделены. У стенки со стороны входа стоит пара бочек с горючим, тут же стоят штук пять пластиковых бутылок с бензином и несколько пустых 5-литровых канистр. Мы заходим, здороваемся. Никакого наплыва покупателей не наблюдается, сразу даже и не понять, кто же торгует бензином. В доме-заправке находятся человек пять мужчин разного возраста, от 16 до 35 лет, как мне кажется. Некоторые сидят, идет о чем-то беседа. Во второй половине дома несколько пустовато. Я вижу тумбочку, на которой стоит чайник и несколько чашек, несколько стульев, какое-то подобие шкафа, на полу – пара матрацев,

накрытых покрывалом, примятые подушечки. На этой «подстилке» спит молодая женщина с ребенком полутора-двух лет. В помещении легкий запах бензина – окна и двери ведь открыты! Излишне говорить, что ни цены, ни марки бензина нигде не указано. Да какая там марка! Просто бензин из бочки – вот такая марка! Ну не важно, мы цену-то знаем. Владимир говорит, чтоб заливали 40 литров. Мальчуган приступает к работе: вставляет шланг в бочку и всасывает в себя воздух, чтоб полилось топливо. Сплевывает на пол капли бензина, попавшие в рот. Ира морщится от увиденного – от этого можно и рак заработать! Топливо наливают вначале в пятилитровые канистры, видимо, это давно выверенная мера. Затем, с маленькой канистры бензин сливают в наши баки. Влад о чем-то оживленно общается с присутствующими на «заправочном пункте», я выхожу на улицу. Там играют какие-то детишки, я вижу красивую женщину с ребенком, прошу разрешения ее сфотографировать и делаю несколько кадров... В электронном письме,

Учительница местной школы со своими детьми. Ermera.

которое я получил еще в Дили, мой коллега по работе передал вопрос от сотрудниц – они интересовались, красивые ли на Тиморе женщины? Весело читать подобные вопросы. Конечно красивые! Нет, не то чтоб поголовно, но да, красивых женщин много, безусловно. Добавьте к этому «особую» рисовую диету, - ежедневное меню не на любителя побаловать свой живот, - и вы поймете, что женщины еще и стройные. Добавьте еще католическое воспитание, воспитание в уважении к старшим, воспитание в вере в Господа, которое является частью повседневной жизни и культуры, и вы получите верную жену.

... Тем временем, наши канистры заправлены. Я даю 50 зеленых.

– Нет, 52 доллара! – говорит пацан.

То ли брат, то ли дядька, сидящий рядом, поддерживает его (это и оказался хозяин «точки»).

– 52 доллара, сеньор!

– Почему \$52, ведь вы продаете местным бензин по \$1.25. А нам хотите толкнуть по \$1.30! – возмущается Влад. – Это просто воровство с вашей стороны!..

Люди, находившиеся в заправочном пункте в момент нашего прихода, тоже включаются в спор. Дело чести отстоять интересы земляка! Поднимается такой себе галдеж. Влад обращается к «посторонним» и спрашивает, *а кто, собственно, продавец-то?* Остальных просит помолчать.

Очень вероятно, что нас обманывают, поэтому важно, чтобы все присутствующие поняли, и рассказали другим, что просто так с нами играть ценами недопустимо.

От поднявшегося шума просыпается женщина с ребенком, спавшая на матрацах в жилой части «заправочной станции». Ребенок начинает плакать. Не задумываясь, женщина обнажает грудь и прикладывает малыша. Малыш ее успокаивается. Все происходит как-то обыденно, молодая женщина не думает скрывать все подробности, которые посторонним мужчинам, обычно, у нас не показывают... У меня широко раскрываются глаза! Нет, женщина не прячется – наоборот, подходит ближе к нам и вслушивается в непростой спор... (Это был первый раз, когда я наблюдал кормление ребенка «на людях». Далее, я видел подобное неоднократно. Это в культуре, никто на это не реагирует, а женщины подобного «естественного процесса» не стесняются –

«Бензиновый барон» из Ermera

происходит ли это в доме в присутствии гостей, или на рынке, или даже в церкви на проповеди – не имеет значения. Я видел все это).

Спор за цену продолжается минут десять или пятнадцать. Продавец говорит, что \$1.25 за литр – старая цена, которая была на прошлой неделе. На этой неделе – \$1.30! Вот такое краткое резюме. Влад просит меня сходить в дом и привести кого-то, кто смог бы подтвердить цену на бензин. Я возвращаюсь в дом и вижу, что в гости зашел сосед, сеньор Габи (Gabriel). Рассказываю о ситуации и еще раз спрашиваю, какова же настоящая цена? Все говорят – \$1.25. Это для вас, мол, цену подняли. Я прошу сеньора Габи сходить со мной к заправке. Дедушка быстро допивает свою колу и идет со мной.

Присутствие уважаемого сеньора не очень-то смущает продавцов, те продолжают настаивать на своей цене. Более того, убеждают дедушку, что это новая цена. Сеньор не знает, чему верить, и говорит, что уж и не знает.... Может цена

действительно изменилась?

Не стану передавать все детали баталии за справедливую цену... да и где вы видели справедливость в этом мире?! Мы покупали бензин долго, в жарких спорах, Влад не сдавался (какое красноречие было проявлено!). Торговцы тоже... Всем известно, что альтернатив этой заправке в поселке нет. До ближайшего поселка, Глено, около 40 минут на автобусе по горной дороге... Мы взяли бензин по \$1.30... но нас запомнили. Мы заправлялись еще два или три раза. Цена более не изменилась.

Эрмера

Она осмотрелась и тут же заметила, что комната на деле совсем не такая обыкновенная и скучная, какой казалась из-за Зеркала. Портреты на стене возле камина были живые и о чем-то шептались, а круглые часы, стоявшие на каминной полке (раньше Алиса видела их только сзади), улыбнулись ей.

Льюис Кэрролл.
Алиса в Зазеркалье

Через неделю произошло очень важное событие для Эрмеры – в поселок впервые дали электричество на постоянной основе. Такое, казалось бы, не приметное событие может очень изменить ритм и сложившийся уклад жизни. Наверное, первым это почувствовал как раз хозяин "заправочного пункта" – мы перестали тратить на горючее, а были мы действительно крупными покупателями для него.

Амета – соседская девочка из Ермера. Я сделал ее фото на рынке, в руках у нее замороженный фруктовый сок в полиэтиленовой оболочке

Есть электричество – можно покупать стиральные машинки, холодильники... Есть холодильник, и можно не готовить каждый день. Это вроде как блага цивилизации, но все это вносит новое в привычный уклад жизни. Пока это неуловимо, а через несколько лет? Может быть, в местные магазины завезут, например, мороженое и дети перестанут покупать замороженный в полиэтилене фруктовый сок, который привозят по пятницам в рыночный день? Или жители поселка обзаведутся электрическими печками, и сойдет "на нет" торговля дровами, которые покупают для приготовления пищи. Да мало ли что может измениться! Ведь и Эрмера когда-то была другой. Не такой, а лучше. Следы бывшего рассвета видны и ныне. В районе перекрестка на центральной улице, в сторону, противоположную дороге на "заправку", расположен парк. Вернее, то, что от него осталось. Осталось несколько каменных скамей вдоль дорожек и сооружение, которое

когда-то было фонтаном. Еще – вытоптанная трава и кучки мусора. Какие-то подростки постоянно сидят на лавочках: то ли после школы отдыхают от наук, то ли коротают время в ожидании микролета. Ни цветов, ни зеленых насаждений не осталось. О том, что это был парк, гласит сохранившаяся каменная табличка с затертыми буквами с обращением к жителям Эрмера. Каким-то образом к созданию этого парка приложила руку компания из Сингапура...

Прогуливаясь по центральному "хайвею" Эрмера, - а мы любили пройтись вдоль торговцев и небольших лавочек с небогатым ассортиментом, посмотреть на людей, отметить для себя что-то новое и купить каких-нибудь бананов для разнообразия меню, - Влад как-то заметил, что дорожное покрытие возле одного из магазинов сохранилась, похоже, еще от португалов, которые покинули страну в далеких семидесятых... Да, кладка под ногами смотрелась необычно, не по-современному и добротно. Дикий тесаный камень наколот в форме плит, и эти пластины, толщиной около двух сантиметров, плотно подогнаны друг к другу и уложены на ребро. Выглядит очень красиво и надежно. На общем фоне разбитой дороги каменная кладка выглядела как коврая дорожка в пыли общей безысходности. Такое чувство, что злой рок преследует живущих вдоль центральной улицы: все дома выглядят плохо. Даже не совсем так: магазинчики-дома, сплошной стеной расположившиеся вдоль дороги, смотрятся просто убого – большой контраст на фоне великолепной церкви, стоящей на возвышенности в начале улицы, и административного здания в противоположном конце. Чем дальше от центральной улицы,

Ermera. Центральная улица.

Одна из улиц на выезде из Эрмера

Этот дом в конце центральной улицы Эрмера служил еще португальской администрации

По виду, это дом небедной семьи

тем лучше выглядят дома и дорога. Да, была индонезийская оккупация, да, еще каких-нибудь лет двенадцать назад шла война за независимость и Эрмера была одним из центров партизанского движения, но жизнь в мирное время тоже нелегка. На периферийных улицах поселка заметны следы бывшего расцвета: стены вдоль дороги, повторяющие рельеф холмистой местности, вымощены из дикого камня; в архитектуре некоторых домов прослеживается "колониальный" стиль. Такие дома, конечно, не назовешь убогими, но их и не много. Вдоль дорог вымощены водостоки. Дожди идут почти ежедневно, но луж и грязи в поселке нет: вода стремительным потоком по каналам уходит в речки, которые огибают Эрмеру с двух сторон.

Прогуливаясь как-то по окрестностям, мы поднялись по дороге, ведущей к поселковой больнице. В двадцати метрах от нее – руины какого-то дома, рядом могила... Удивляют некоторые обстоятельства: дом этот, разрушенный и без крыши, был сделан очень добротно, из камня и внутри отделан кафелем. Влад заметил остатки водопроводных труб, которые вмонтированы в стены дома (это необычно для Эрмеры, в поселке я такого не видел – вода подается нерегулярно и набирают ее из колонки). В этом доме были ванна и туалет (!), чего не было даже в доме наших гостеприимных хозяев (хотя их дом выглядит очень прилично на общем фоне). Дом располагался на живописной возвышенности, возле него до сих пор сохранилось красивое озеро и резервуар с водой: в доме было стабильное водоснабжение! Даже теперь, когда остались одни стены, все в этом месте напоминало о былом великолепии, не сравнить с современными дощатыми постройками в центре Эрмера... Для нас

Дом местного предпринимателя. Ermera

Руины «дома на холме» (см. текст). Ermera

Озеро возле «дома на холме» (см. текст). Ermera

было загадкой, почему дом забросили, почему кто-нибудь не поселился там. Я спросил об этом Нико. Все, что я смог понять – в доме кто-то жил еще в девяностых, но этого человека (или всех обитателей дома, уж не помню точно) расстреляли как предателя за сотрудничество с оккупационной индонезийской администрацией в конце девяностых, а дом разрушили. Каждый делает свой выбор и платит свою цену...

Подавляющее число жителей в Эрмере живет куда более скромно. Я не могу с определенностью сказать, чем же зарабатывают на жизнь обитатели этого горного поселка. Возле их жилищ нет больших огородов (у наших хозяев был сад-огород, но его, кажется, недостаточно, чтобы прокормить большую семью), птицы не много, коров пасется единицы... В семьях много детей, и женщины, как правило, привязаны к дому. Есть магазинчики, их много, для большинства хозяев это семейный бизнес. Но ассортимент скромный. В большинстве случаев, магазин – это часть жилища или отдельная пристройка. Часто там работают дети или подростки. Мужчины ездят куда-то на работу на грузовиках – в соседний поселок Глено, в Дили или может на сельхоз работы? Я не знаю. В горах есть участки, где растет кукуруза («батар» на тетуме) и кава, много кавы. Но более всего – кофе. Нико рассказывал, что сам он подрабатывает на сборе кофе в июле-августе, это сезонная работа, которая, по его словам, неплохо оплачивается. Местный школьный учитель в Эрмере получает 75\$ – 85\$ в месяц.

За покупками мы ходим на базарчик, расположившийся по обочинам дороги в центре поселка.

Рынок в стране не сформирован, поэтому цены на продукты какие-то странные – яйца по 2\$ десяток, один огурец (не килограмм!) – полдоллара – доллар (огурец крупный, весом, приблизительно, грамм 300-400); хлеб пекут местные торговцы, выглядит он как булочки и стоит 50 центов за десяток. Рис все берут мешками или мешочками. Полторалитровая бутылка питьевой воды, привезена из Индонезии, – 1.0\$. (А ведь в горах недалеко от Эрмера текут речки с чистой прохладной водой. Я пил!) Бананы продают по-разному, от 0.5\$ до 1.5\$ за пучек (один-два килограмма). Молока в продаже нет – не принято пить молоко, да и холодильников в домах нет. Я много раз видел пасущихся коров, но все они были не дойные. Мясо, буйволятину или говядину, продают только рано утром и в рыночный день, в пятницу, 5\$ за килограмм.

Запросы у нас небольшие, на рынке нам нужно только что-нибудь к рису, ну, травы какой-нибудь, которую мы отдаем Асоко, и он над ней потом колдует. Колдует, надо заметить неплохо – получается нечто съедобное. Три пучка "травы" еле влезают в пакет, который продавец всегда дает с покупкой. Стоит эта зелень один "зеленый" - вот такой равноценный обмен. Еще иногда, когда есть, я беру "дутуситаси неа" (полдоллара за кучку), - так называются морские водоросли, пригодные в пищу "как есть", соленые от природы и, очевидно, богатые йодом. (Я стал фанатом этой морской травы!).

На рынке можно в любой день купить бетель и все, что связано с его употреблением. Бетель, по иному – мускатный орех, это тонизирующее средство. Продают эти орешки подсушенными, порезанными пополам и нанизанными на прутик (своеобразная мера с установившейся ценой, орешки на палочке длиной 30 сантиметров - полдоллара). Любителей «держать себя в тонусе» всегда заметно по ярко красному окрасу десен и слизистой рта, частое употребление вызывает также потемнение зубной эмали. Берешь такой орешек (половинку), кладешь его в лист, напоминающий лист подорожника, и присыпаешь гашеной известью, заворачиваешь. Начинаешь жевать. Приготовьтесь к довольно неприятному горьковатому вкусу. Глотать разжеванную кашицу не обязательно, желаемый эффект будет достигнут и без этого, через пару минут. Полость рта и язык немного деревенеют, появляется легкая эйфория... Теперь кашицу можно сплюнуть, что и делают большинство «любителей пожевать». Слюна имеет ярко-красный кровавый

оттенок. Когда я впервые увидел в районе базара подобные «следы», подумал, что тут зарезали курицу – откуда-то текла кровь на асфальт... Все оказалось гораздо прозаичнее.

Весьма необычно для европейца видеть в свободном употреблении такое тонизирующее средство, но это, очевидно, не запрещено церковью, которая имеет здесь очень сильное влияние. Жуют "волшебный орешек", почему-то, в основном женщины. Для мужчин есть что-то покрепче. Спиртное в магазине, безусловно, есть, но купить

Продавцы бетеля в рыночный день. Эрмера

бутылку виски или вина за 8 – 12 \$ – слишком большая роскошь. Вообще, меня удивило, что за все время пребывания в Эрмере я не видел ни одного пьяного. Ни разу! Я выходил на улицу в сумерках, поздним вечером – и ничего, тишина в поселке! Хоть бы кто затянул песню нетрезвым голосом или решал проблемы в пьяном угаре... Только мерно гудит бензоагрегат, вырабатывающий электричество для освещения церкви, иногда еще слышно собак...

Кстати, собаки в Эрмере особенные. Это не преувеличение! Мы поняли это в первый же день пребывания в поселке, когда ставили бамбуковую мачту. Было около семи вечера, мы в больших потугах заносили 16-метровый бамбук вдоль дома хозяев.... и в этот момент в церкви, находящейся метрах в тридцати от нас, зазвонили в колокола. Положено им звонить в это время. Как только раздался звон колоколов, собаки – хозяйские и просто уличные – начали выть. Не просто выть, а выть с подвыванием. Я видел, как с улиц к церкви сбегаются другие псы и тоже воют, этот звук сливается в своеобразный собачий хор под аккомпанемент колокольной трели. Это было настолько неожиданно, что мы остановились и наблюдали это необычное зрелище. Влад заметил, что он много чего видел, но такое – впервые. Как только звон колокола прекратился, собаки перестали выть. В церкви в колокол звонили еще в шесть утра. В шесть утра повторилось то же самое, и так каждый день!

– На такое зрелище можно туристов водить! – восторженно говорит Владимир. – В мире такого больше нигде нет!

Я тоже под впечатлением. Спрашиваю Нико (ну кого еще спросить? По-английски никто не говорит), что тут происходит, почему так собаки себя ведут? Все собаки! Феномен какой-то! Ну, конечно, он рассказал красивую легенду о том, что собаки, мол, воют по душам павших героев, погибших в борьбе за независимость. Как бы там ни было, но под впечатлением от увиденного можно уверовать и не в такое.

Ее величество, Католическая церковь

*– Звери, в школу собирайтесь!
Крокодил пропел давно!
Как вы там ни упирайтесь,
Ни кусайтесь, ни брыкайтесь –
Не поможет все равно!
Громко плачут Зверь и Пташка,
– Караул! – кричит Пчела,
С воем тащится Букашка...
Неужели им так тяжело
Приниматься за дела?*

Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране Чудес

"Вы верите в Бога?", - таким вопросом меня часто останавливали на Сумской, - одной из центральных улиц Харькова, - когда я просто прогуливался по городу. (Я учился и некоторое время работал в Харькове). Передо мной стояли парень с девушкой, улыбались и старались вовлечь в беседу на религиозную тему. Почему с девушкой? Прекрасный пол, если действительно прекрасен, притягивает внимание. А если вопрос от

девушки, то не так просто заставить себя его проигнорировать. Поэтому, если не вопросом остановить, то хотя бы другими "подручными средствами". На войне как на войне, все способы хороши! Практикующая ячейка баптистов, Свидетелей Иеговы или еще какой-нибудь Церкви Возрождения дала важное поручение, которое и старались выполнить эти ребята: заинтересовать, пригласить, стать ближе, стать родными... пополнить ряды прихожан.

Не так это делается! Грубо работаете. В нужде и безысходности обращается человек к вере в зрелом возрасте. В центральной части миллионного Харькова таких найти тяжело. Да и переключить сознание непросто, мешает блеск огней большого города. В Эрмере, на Восточном Тиморе, церкви не нужно отлавливать людей на улице, задавая такие, почти интимные вопросы, как вопросы веры. Церковь, культура, традиции органически связаны в жизни людей в поселке. По статистике, на Восточном Тиморе 95% населения относят себя к католической церкви. Не врет, похоже, статистика.

В семье, где мы жили, были школьники – Карла и ее два старших брата. Все ходили в среднюю школу (secondary school). Перед занятиями школьники, все кто есть в поселке или пришли с близлежащих хуторов, идут в церковь – в восемь утра начинается проповедь. К сожалению, я ни разу не смог попасть на эту церемонию: один раз была возможность зайти вовнутрь с фотоаппаратом, но я постеснялся своего "прикида" (шорты, рубаха выцветшего оттенка, резиновые тапки; еще – слегка "помятое" лицо после ночных бдений). Все школьники одеты в форму. Эта форма довольно разнообразна, в зависимости от класса бывает белый верх/ черный низ, зеленого, желтого, бело-синего оттенков... Красиво! Несмотря на общий невысокий уровень дохода, дети и подростки, идущие в школу, выглядят аккуратно, просто приятно смотреть. И вот вся эта бело-зелено-голубая масса школьников утром стекается к церкви. Входят через парадные двери, но есть еще и боковые: это для тех, кто опаздывает на проповедь. Когда начинает говорить пастор, через центральные двери не входят. Проповедь длится около двадцати минут, после этого, все расходятся по классам и школам. В Эрмере есть начальная и средняя школы, расположены они в противоположных концах поселка. Детей действительно много, поэтому школы работают в две смены.

Школьницы возле церкви. Эрмера

По пути в школу. Эрмера

Я сижу перед входом в храм и почти исподтишка "расстреливаю" из фотоаппарата опаздывающих школяров. При виде фотоаппарата девочки обычно стараются отвернуться (стесняются), но тут не до этого. Внутри пастор уже начал речь, усиленную динамиками – церковь не отстает от прогресса. Иногда своды церкви оглашают какие-то изречения из Святого писания, повторенные десятками голосов за святым отцом. Под конец проповеди – молитва. Я слышу многократно произнесенное хором "Амен!" Всё, наставления даны, и толпа вываливается из двух дверей на улицу. Кто поменьше – идут налево по дороге, ведущей на холм мимо нашего дома и дома пастора. Кто старше, проходят по центральной улице в самый ее конец, идут мимо магазинов, административного здания, полицейской станции и вот она, средняя школа.

Не расслабляться! Вечером, в пять или шесть часов, снова встреча с пастором. На площадке перед церковью в преддверие заката всегда полно детишек, любят малыши играть там. Место действительно хорошее, находится на возвышенности относительно поселка. Возле церкви, к одной из сторон примыкает небольшой полузаброшенный садик, есть чистые дорожки и участки с какими-то овощами. За церковью идет дорожка на холм через сад прямо к дому священника. Рядом с его домом еще одно строение, которое служит для приготовления пищи по праздникам и бесплатных обедов для пришедших исповедаться. Но об этом позже.

Перед церковью, с правой стороны, стоит какой-то дом, назначение которого я не совсем понял. Я вижу, что днем там все время есть какие-то люди, но дом не жилой. За этим домом...

Школьные подруги

... Я так и не заглянул, что там, за домом. Вышел я однажды вечером, когда стемнело, на крыльцо подышать прохладным воздухом. Делать нечего: Владимир отрабатывает pile-up, Ира гоняет какую-то игрушку на айпode, ужин еще не накрыли... Стою возле озерца, слышу, поют! Вот оно! Наконец-то, в поселке кто-то не выдержал и "надрался"!! Слушаю: песни иногда прерываются смехом и разговорами, потом снова поют. Странно, но я слышу только женские голоса. Первая мысль – у кого-то гулянка в поселке, ведь в этот вечер электричество не отключали, можно позволить себе лечь спать позже. Я иду на голоса. Пение доносится где-то из-за дома, того необитаемого, что стоит рядом с церковью. За этот дом заворачивает дорожка. Я подошел поближе, но зайти в открывшийся моему взгляду двор не решился. Я слышал только женские адекватные голоса. Это настораживало. Если бы я вынырнул там из темноты, это был бы эффект акулы в рыбном

косяке. И я бы ничего не смог объяснить, знаете ли. Поэтому любопытство пришлось умерить, и, постояв немного в темноте за углом, я вернулся в дом.

Где там Нико, Асоко?! Утром спрашиваю о "хоре девочек".

- Это не праздник, просто сестры поют "для поддержания духа" – поясняет Асоко.

Сестры – это девочки школьного возраста, не из местных, эрмерских, которых родители отдали на пансион при церкви. Девочки, живущие в доме, принадлежащем церкви, так же как и другие, ходят в школу, но за ними присматривают старшие сестры (старшие сестры – это послушницы или монахини, не знаю). Живущие при пансионе изучают более углубленно библию и все, что связано с христианством, помогают в церкви. По окончании этой "вечерней школы" дальнейшее образование будет не обязательно связано с католицизмом, хотя, для многих служение церкви рассматривается как хорошее продолжение карьеры. Под завершение нашего пребывания в Эрмере я имел удовольствие говорить с одним из сыновей с. Абилю, который приехал к родителям на несколько дней. Абе, так его зовут, прекрасно говорит по-английски, лучше всех, с кем мне пришлось до сих пор общаться в Эрмере. Он сказал, что основным документом до совершеннолетия – это свидетельство о крещении. Я видел эту бумагу. Это форма на листе стандартного размера, скреплена печатью с церковной символикой.

Наша хозяйка образованный человек – сеньора директор школы! Наша хозяйка – обладательница очень ценной вещи. У нее в доме есть печатная машинка (я по глупости подумал вначале, что этот атрибут прошлого жаль выкинуть из дома, вот и стоит она на письменном столе в холле, пылится). Каково было мое удивление, когда хозяйка, практичная женщина, начала печатать на ней! Впрочем, не стоит так удивляться: компьютер для большинства вещь супер дорогая. Хозяйка закрылась у себя в комнате и дня три что-то набивала на клавиатуре. Печатала она формы свидетельств о крещении для группы школьников. Подработка от церкви? Не знаю точно, но если учесть, что школа тесным образом связана с церковью, это может быть и обычный школьный документ, вроде табеля, - рутинная работа учителя.

Встреча Викария

– По местам! – крикнула Королева громовым голосом, и мигом подчиненные разбежались во все стороны, наталкиваясь друг на друга и спотыкаясь. Вскоре порядок был налажен, и игра началась.

Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране Чудес

А как насчет участия школы в массовых мероприятиях церкви? Вот где настоящий сюрприз для меня! Вот как нужно работать с массами!

Эрмера жила в ожидании важного события. Нам повезло увидеть настоящий праздник в поселке, от начала до конца. Это все по настоящему, это не Потемкинская деревня, не показная экзотика. Это не для туристов....

Кто-то сказал мне, что в воскресенье, 22 января, в поселке большое событие, и все к нему готовится. Я не придавал особого значения услышанному. Ну что тут может произойти? Ну, соберутся в церкви, послушают, повидают друг друга... и по домам.

В субботу я выхожу днем в магазин и вижу, что центральная улица украшена. По бокам вбиты бамбуковые столбики, между ними полукругом загнут бамбук потоньше, на котором закреплены широкие желтые и зеленые листья в виде колец. Смотрится нарядно! Не проспать бы завтра.

Воскресное утро для меня настало в 8.30. Первого всегда вижу Влада, он дорабатывает остатки утреннего пайл-апа. Вскоре подали завтрак. Нравится мне эта своевременность с едой. Все готовят вовремя, Асоко старается! В доме чувствуется движение. Я вижу мелькающих по дому наших школьников. По дороге, проходящей мимо окон холла, видно немало нарядно одетых людей, идут к центру. Удивляет, как при такой нелегкой жизни и скудности материальных средств люди так нарядно хорошо одеваются. Приходит Нико. Подвигаю стул, и делим с ним завтрак.

Сегодня я не хочу выглядеть как бомж. Сегодня в Эрмере праздник. Из нормальной одежды только та, в которой я ехал. Надеваю джинсы и ботинки – теперь на уровне, готов идти. (Правда, ботинки и лето – сочетание еще то...) Жду Влада с Ирой, но они немного задерживаются. Я выхожу вместе с Нико. По дороге к центру выясняю, что же отмечают сегодня? Нико говорит, что встречаются... тут идет набор каких-то непонятных предложений, и, наконец, он говорит, что не знает как это по-английски, но на местном это.... О, я слышу знакомое слово! Да-да, что-то церковное, что-то из рассказов Эдгара По об испанской инквизиции! *Викарий!* Ну конечно, это кто-то из небожителей от церкви. Кто-то очень важный для людей Эрмеры, если встречаются его всем поселком.

На улице происходило что-то невероятное. Такой массы экзотично и, вместе с тем, красиво одетых людей я еще не видел. Я говорил, что в семьях много детей, и сейчас все дети тут, на улице. Не просто шатаются, нет, все выглядит очень организовано. Первыми мне встречается группа девочек лет семи, одетых в традиционные ярко-оранжевые сари. Красиво – не то слово. Делаю первые кадры. Дальше – больше. Дети начальной и средней школ стоят вдоль центральной улицы, все одеты в форму – белую, зеленую, голубую. Заметны и учителя. На улице большое оживление, слышен чей-то голос из мегафона со стороны церкви. Вдоль улицы снуют женщины в традиционных одеждах, о чем-то говорят. В массе людей заметны служители церкви в белых и красных одеяниях, они помогают организации. Я замечаю пастора, он активно бежит от одной группы школьников к женщинам-музыкантам, к толпе мужчин и снова к школьникам. От него исходят какие-то указания, но я не понимаю тетум.

Меня просто начинает накрывать волна эмоций. Столько разных лиц, какое разноцветье национальных убранств! Я не хожу, а просто плаваю в эфире звуков народной музыки, предпраздничного гомона сотен людей, и свежего горного воздуха. Наконец, толпа организовывается в колонну, стоящую в два ряда по обочинам дороги. Многочисленные зрители стоят за рядами школьников и других участников праздника. Сама дорога свободна для начала церемонии. По центру иногда ходят взрослые, по-видимому, учителя, и помощники пастора. Ну и я, конечно! Я в среднем на полторы-две головы выше

Девочки-танцовщицы на центральной улице Ermera.

присутствующих, такой себе представитель племени Титанов. Я одет не по-местному, у меня фотоаппарат. Я чувствую себя корреспондентом "New York Times"! Хожу и снимаю все, что хочу. Никто не убегает и почти никто не отворачивается от объектива, как в обычные дни. (Девочки местные стеснительные, мне не всегда удавалось сделать фото – о позировании на камеру не могло быть и речи). Нико стоит где-то за рядами школьников. Я прошу его подойти и спрашиваю: "Откуда ждать пришествия-то?" Тут я замечаю, что он дрожит от холода, как цуцик после дождя.

- Ну дела! Замерз что ли? – спрашиваю.

А он даже зубами прицокивает. Кивает. Ну, прошел маленький дождик, я уже на такое и внимания не обращаю – тепло здесь. Я вижу группу девочек-танцовщиц – они вообще босиком и в открытой одежде... Не хватало только, чтобы моего единственного переводчика болезнь подкосила! Помочь надо. Не вовремя, но нечего делать.

- Пошли, - говорю, - дам тебе свой свитер, прилетел я в нем.

Помощь ближнему – богоугодное дело! Мы ретируемся с праздника, идем напрямик через чьи-то дворы. Приходим. Двери закрыты – все ушли на праздник. Не беда, это только парадный вход, двери на заднем дворе не закрывают. Попадаем в дом без проблем, и Нико получает свитер. Сразу оделся и озноб прошел.

Школьницы средней школы. Ermera

Дождь празднику не помеха. Школьницы средней школы.

Школьницы начальной школы. Ermera

- Так где встречают Викария?

- На въезде в поселок! – Нико готов показать.

Опять проходим по центральной улице. Возле церкви стоит много людей. Тут и взрослые-танцовщицы, и "живой оркестр" из женщин в синих блузах и традиционных юбках, в руках у одних – медные литавры, у других – бабадоки (*тетум* – барабан из кожи свиньи, во время игры удерживается под мышкой); тут много зрителей в самых разнообразных нарядах. Кто-то постоянно отбивает праздничные ритмы на музыкальных инструментах: разогреваются перед началом праздника. Я замечаю детей лет семи, облепивших здоровенный напольный барабан и жаждущих выбить из него хоть какую-то мелодию. Их никто не отгоняет. *Рано еще, пацаны! Да и палочки для вас тяжелые!*

Мы двигаемся к выходу из поселка. Проходим несколько групп танцовщиц, юных и не очень. На шее у каждой – традиционный шарфик ручной работы. Он не от холода – нет холодов на экваторе; это необходимый элемент для танца. Женщины любят носить такие вещи, это так же необходимо и красиво, как полосы на шерсти тигра или как макияж для европейки. Все смотрится уместно и естественно.

Подходим к развилке на центральной улице и сворачиваем направо. Дорога идет слегка дугой, между чьих-то домов к выезду из Эрмера. Проходим под высокой деревянной конструкцией в виде арки, символизирующей "врата града Эрмера". На арке, украшенной колечками из листьев пальмы и

Местный пастор дает последние указания

Прекрасная дама в ожидании скорого
"Чуда"

бахромой из листьев тростника, приветствие

SEJA BEM VINDO AMO VIGARIO PAROQUIAL ERMERA

И ниже

HAU MAI ATU EMA HETAN MORIS (JO. 10:10)

...Одним словом, "Добро пожаловать, дорогой наш человек!" (хотя, слов пять...). Приведена цитата из послания Иоанна (?).

Подходим к мосту через речку. Здесь, по-видимому, и есть условная граница – дальше домов нет. По пути обгоняем две колонны воинов. Одна колонна сформирована из мальчиков пяти – десяти лет. Малыши одеты в традиционную форму солдат Тимора. Вооружены. В руках у каждого "катана" – что-то среднее между ножом на медведя и мечем. Чтоб не было неожиданностей, все сделано из дерева. Впереди колонны идет командир, за ним барабанщик, за тем – остальные. В первых рядах – самые маленькие, все выстроены по росту. Юбки носят не только в Шотландии. Юбки – традиционная одежда тиморских мужчин, из-за которой они вовсе не смотрятся женственно. Юбка эта, к слову, довольно универсальный элемент одежды. Она представляет собой ткань ручной работы, сшитую в виде тубы. Размер тубы в диаметре больше размера в поясе, по длине туба также может быть больше требуемой длины. Мужчина надевает такую юбку, делает складку в районе талии, подгибая ткань, и запихивает излишек за пояс. Все. Юбку для взрослого можно одеть и на ребенка, сложив тубу в два слоя и проделав ту же операцию. Можно в поясе дополнительно подвязаться шарфиком. Все просто и универсально. Одну и ту же вещь можно одеть, практически, на любого.

Командир и барабанщик отряда юных
воинов

"Команданте" готов к любой встрече

Начать можно и с бамбукового ножа...

...чтобы потом уверенно держать
настоящее оружие (воин в традиционном
убранстве)

Одетые традиционно воины Тимора замерли в ожидании гостей высокого сана. Эрмера.

«Золотые голоса» Эрмера. Встреча Викария.

Впереди отряда юниоров движется колонна воинов в традиционных одеждах и с настоящим оружием. Впереди командир, одетый не менее экзотически, чем и все его войско. У «команданте», правда, самая большая катана, самый видный амулет, – символ Восточного Тимора, – медная бляха на бечевке, самый «оторванный» вид. Он командует так, что эрмерские псы умолкают, лучше на дороге ему не попадаться. Я отошел с дороги и стал снимать из-за кустов.

Отряд подходил к мосту. «Команданте» что-то проорал, отряд остановился, бойцы сделали еще несколько шагов на месте и с эффектным звуком шлепка подошвы об асфальт замерли. Снова команда от «старого волка» - воины развернулись лицом друг к другу и опустили оружие острием к земле. Можно слегка расслабиться.

Настал черед «отряда бойскаутов». Последняя дробь барабана, и следует команда. Малыши-воины остановились сразу за взрослыми. Командир не менее серьезен, его команды не оставляют места для сомнений. *Молодец! Папка будет доволен!*

Два отряда стоят возле моста, по обе стороны дороги, очевидно, демонстрируя преемственность поколений и преданность традициям. Так, наверное, одевались многие поколения отважных воинов. Может быть, покажется примитивно оружие? Но то, что маленькое государство, несмотря на многолетнюю оккупацию, кровью добилось независимости, о чем-то, да говорит... Ждем гостей!

Я вижу движущуюся колонну машин по дороге вдоль пропасти. Это ОНИ. Командиры отдают приказы, и их отряды становятся по стойке «Смирно». Важный момент! К мосту подтягиваются встречающие: местные представители католической церкви, «хор Пятницкого» - группа мужчин, поющих традиционные песни, еще какая-то делегация встречающих. Где-то метрах в тридцати от воинов вдоль обочины стоят школьники, много школьников; в центре дороги выстроилось несколько групп танцоров и музыкантов. Все начинает оживать. Я ухожу с передового края – буду только мешать – и перемещаюсь в направлении предстоящего движения служителей божьих. Передо мной – танцовщицы – уже танцуют. Это что-то! Движения в танце бесхитростные, но в том-то и прелесть, танцевать могут даже дети, и они – основные исполнители. Танец – стилистическое представление процесса посева и сбора риса, насколько могу судить об увиденном. Девушки двигаются в энергичном циклическом ритме танца в две колонны, руками держат концы шарфика, размахивая ими в такт из стороны в сторону. Где-то рядом стоит группа музыкантов, таких групп вдоль улицы несколько, танцуют и играют сразу все участники.

Я не вижу, как происходит сама встреча гостей, их движение практически остановилось, а вокруг собралась большая толпа. Мне это удобно, я успел отойти в сторону и теперь снимаю на видео танец. Лишь бы хватило заряда батарей в фотоаппарате! Танец – это представление, практически, исключительно сделанное женщинами и девочками; они по очереди демонстрируют свое искусство перед священниками. Двигаясь в танце в две колонны, подходят к викарию, затем, разворачиваются и также в танце отходят. Так продолжается некоторое время.

Традиционный танец в исполнении юных танцовщиц выглядит особенно эффектно.

Викарий (первый ряд слева) с товарищами по цеху. Девочки в форме – почетное сопровождение дорогих гостей. Крайний справа во втором ряду – брат Нико

Такие улыбки за деньги не купишь! Справа, почти вне кадра, идет Викарий.

Священнослужители стоят и смотрят, кто-то разговаривает по мобильному телефону, но большинство наслаждаются моментом. Как и все остальные. Это общий праздник, не видно, чтоб кому-то было скучно или не интересно. Наконец, святые отцы (пишу «отцы», но не старые они, нет у них седых бород, движения их бодры и уверенны, а на лицах улыбки. Их белые скромные одеяния однозначно наводят на мысль: это лишь простые служители божьи, все в руках Его) возобновляют движение в направлении церкви. Пред ними танцуют, так в танце неспешно и движется вся процессия.

Перед основной группой во главе с Викарием на центральной улице собралось масса народа. Вся улица заполнена людьми. Влад делает несколько панорамных незабываемых кадров с высоты церковного двора (один из кадров использован для QSL за экспедицию).

Торжественное шествие подходит к ступенькам, восходящим к площади перед храмом. Танец не останавливается ни на минуту, вот что значит войти в ритм. Так в танце группа поднимается по ступеням, и уже на площади танец останавливается. В одной из танцовщиц Нико узнал директора школы в Миртуту (я был в этом селении, в школе, и сам видел эту женщину в комнате преподавателей). Не удивляюсь – у нас на Украине есть, например, поющий Ректор (Киевского института культуры)... Талантливые люди могут проявлять себя в самых неожиданных областях...

Все, кто присутствуют на празднике, устремляются в церковный двор. Двор находится позади церкви, окружен холмом, расположенным полукругом. Часть холма срезана, а место расчищено. Скамьи для зрителей вырублены в скальной породе. Места на каменных скамьях занимают многочисленные школьники и зрители. По другую сторону двора расположен "президиум" (стол, накрытый белой скатертью, графин с водой... Много я не мог рассмотреть - далеко), там располагаются гости от католической церкви. Возле президиума находится, по одну сторону, живой оркестр и "хоровая капелла" – группа поющих школьников. По другую сторону – несколько скамей вдоль стены утеса. Высоко в скальной породе утеса сделана ниша. В нише – статуя Девы Марии высотой около метра (ночью это место подсвечивается). Еще выше, на краю утеса на высоте около десяти метров сделан постамент из дикого камня. Там стоит статуя Христа с поднятыми руками. Христос смотрит на собравшихся во дворе церкви. Под статуями написаны хорошо читаемые изречения из Евангелие. Смотрится красиво.

Школьники рассаживаются организованно, группируясь по классам. Это видно по однотонной форме. Зрители сидят где осталось место. Вдобавок, многие стоят во дворе, весь двор – это одна разноликая масса людей: здесь не только жители Эрмера, - пришли также люди с ближайших хуторов. Я стою рядом с девочками-танцовщицами в ярко-оранжевых сари. Их учитель танцев, экзальтированно одетый парень (который настолько понравился своим видом Владу, что тот нащелкал с ним с десятков кадров) в национальном наряде, темных очках и с закрепленным к головному убору гербом Тимора, находится в паре метров от меня. По другую сторону от меня – воины, недавно принимавшие участие во встрече посланников божьих. Мужчины садятся прямо на пол, складывают оружие в небольшую кучку: оно уже точно не пригодится, народ готовится услышать речи духовных лидеров.

Влад просит фотоаппарат, в его камере сели батарейки. Я с удовольствием отдаю ему Canon, и он начинает "охоту за лицами" – становится перед зрителями, сидящими на скамьях, и выхватывает интересных людей из народа. Хорошо у него это получается, ничего не скажешь.

Перед президиумом стоит трибуна. На нее поднимается пастор местной церкви и держит речь. Говорит долго, говорит не просто, его речь то и дело прерывается песнопением, хор подхватывает. Я не понимаю языка, долго слушать не имеет особого смысла. Да и спросить некого – Нико нет рядом. По всему видно, что речи будут пространные, что в речах не единожды будет помянута сила божья, по воле которого все присутствующие и собрались у этой обители. В некоторых местах тирады пастора публика подхватывает его слова и повторяет за святым отцом, видимо, хорошо известные изречения из святого писания. Иногда, все хором выдыхают – "Амен!!!" Речь разнообразят музыкальные включения, кто-то невидимый поет чистым высоким голосом. Люди слушают и внимают... Таково начало церемонии представления пастве нового Викария.

К этому времени я нафотографировался. Влад и Ира ушли чуть раньше. Я решил тоже уйти, представление обещало затянуться надолго. До дома 30-40 метров. Речи слышно даже через открытые окна, когда сидишь за столом в холле. Я немного проголодался. Меня встречает всегда улыбающийся Асоко и предлагает чай-кофе.

Учитель танцев на празднике в Ermera...

...и его ученицы

Да, конечно, милый друг! Ты, как всегда, вовремя!

Влад ушел спать, необходимо передохнуть перед вечерними пайлапами. Я пью чай с вафелькой, включаю на подзарядку батареи и переписываю фото с карты памяти на ноутбук. Проходит часа два...

Звуки церемонии не утихают. Однако!.. Пойду-ка я еще посмотрю! Обуваю ботинки и выхожу. Возле паперти, на бетонном ограждении сидит группка парней. Вижу среди них Нико, и сажусь рядом. Обмениваемся несколькими фразами. Основная масса людей находится, по-прежнему, внутри церковного двора. Церемония продолжается. Изредка выходят люди, скорее, по необходимости. Все внимание – ораторам. Я сижу с камерой в руках и смотрю по сторонам. Вижу, как идут две девчонки из группы танцовщиц, поднимаются по лестнице с центральной улицы и направляются в сторону собрания. В этот момент проповедник (мне его не видно) у микрофона что-то говорит, и все сидящие рядом со мной, включая Нико, замолкают, скрещивают пальцы рук, опускают взор и начинают шепотом произносить молитву. Девочки, шедшие в направлении церковного двора, останавливаются, тут же опускаются на колени и прижимают ладони в молитве. У меня широко раскрываются глаза. Вот так, где застал призыв, там и молятся! Вот она, сила слова и веры! Женщины, стоявшие немного поодаль от нас, возле стены дома, и о чем-то непринужденно болтавшие, опустились на колени и полностью отдались молитве... Происходит это чуть более минуты.

За миг до танца

Я быстро сдергиваю защитный колпачок с объектива и делаю несколько снимков не вставая – не хочу показаться ханжой, и без того чувствую себя неловко. Когда хвала Господу воздана, девочки поднимаются с колен и следуют своей дорогой.

Иду в толпу собравшихся. Еще кто-то выступает. Под торжественную музыку из церкви в президиум что-то вносят. Это небольшая процессия, в ней участвуют местные

Девочки остановились там, где их застал призыв к молитве

школьники, часть которых облачена в чисто белые одеяния; вторая же часть – и я замечаю среди этой группы Карлу – одета в белые одежды с широким голубым воротом, в руках у каждого – канделябр... Не зная всех тонкостей церковного обряда, трудно понять, что же происходит, каков смысл этих действий. Я не понимаю... я далек от всего этого... Процессия подходит к президиуму и становится в два ряда по обе стороны от широкого стола. Так и стоят, пока читают какой-то текст, что-то происходит там... Постояв немного, девушки со свечами уходят, уходят так же торжественно. Карла проходит мимо, замечает меня с камерой и – как привычна эта реакция – почти машинально пытается скрыть лицо... хотя бы за подсвечником (см. фото).

Церемония продолжается. В какой-то момент я понимаю, что объявили о начале святого причастия. Местные служители церкви, включая пастора, но не гости, спускаются с возвышенного места, где стояли до сих пор, и подходят к собравшимся. У каждого священника в руках пиала или другая емкость, предположительно, с кусочками хлеба – "тела Господнего". Народ выстраивается в очереди за причастием. Происходит все довольно быстро – слишком много желающих (буквально все присутствующие выстроились в очередях) – человек подходит, происходит краткая "беседа",

Собрание духовных отцов народа. Ermera

Карла – участница церемонии встречи
Викария.

священник дает из пиалы хлеб и верующий отходит. Стоят в одной очереди взрослые и дети, воины с церемонии встречи и домохозяйки, девочки-танцовщицы и сморщенные старухи в одеждах с национальным орнаментом... Все живут с Богом в сердце. Здесь не место сомневающимся, тут нет места для сомнений, здесь вера в святого отца своего ничуть не меньше, чем в Господа.

Я слышал на этом празднике речь настоятеля - духовного лица, по сану выше Викария, который приехал для представления своего помощника. На вид Big Boss-у около 35 лет. Я не понимал его речей, иногда лишь проскальзывали слова, которые имеют аналогичное звучание в испанском, и тогда я мог о чем-то догадываться. Речь его была хорошо поставлена, он шутил перед публикой, он говорил и о серьезных вещах, он приводил слова из Святого писания. Его лицо озаряла улыбка, а в глазах горели "искорки". Он не похож на пузатого депутата, его слова доходят до простых людей. Он не фанатик веры. Его работа – овладевать сердцами, проникать в душу. И он справляется.

Его представитель в Эрмере, Викарий, выглядит чуть моложе, 30 – 33 года. Я уходил и, наверное, пропустил его речь. Нет сомнений, что и он выступал. Викарий остался жить в поселке. Это предусматривает его служение. Поселился он в доме пастора, который стоит сразу за церковью на холме (на высоте уровня крыши храма). Гуляя как-то, я прошелся мимо этого дома. Дом пастора – это несколько строений, назначение которых мне не очень понятно. Полукругом дом огибает сад с апельсиновыми деревьями, манго и свити. К церковному двору ведет

Святой отец держит сосуд с хлебом для причастия. Праздник встречи Викария.

аккуратная асфальтированная дорожка. По этой дорожке можно также пройти к начальной школе, минуя обитель служителя церкви, чем каждый день и пользовались школьники, выходя из храма после утренней мессы.

В очереди за причастием.

К часам четырем дня торжественное собрание паствы подходит к завершению. Завершается торжественная часть, но если кто хочет исповедаться – милости просим! Святые отцы куда-то теряются из моего поля зрения. Я вышел на паперть с огромной пестрой толпой верующих. Никто не спешит. Здесь прямо возле церкви встречаются родственники, которых в любой семье великое множество. Если возраст родичей заметно разнится, тот, кто младше, подходя, целует руку старшему, потом они обнимаются. Такова форма уважения к старшим. Я останавливаюсь возле церкви и наблюдаю за танцами. Одновременно играют и танцуют женщины из группы "народной самодеятельности". Ощущение такое, как-будто "номера" исполняют специально для меня: я все снимаю на видео и делаю несколько фотографий, на танцующих так явно больше никто не таращится. Музыканты от народа в ритме танца выстраиваются парами и двигаются так друг за другом по невидимому кругу: кто-то отбивает дробь на бабадоке, кто-то колотит в медный «пятак», остальные берутся за полы широких шарфов, повязанных на поясе, взмахивают ими и тут же опускают к земле. И это «шоу»

Причастие

Настоятель округа Эрмера

Викарий (в желтом облачении слева) и настоятель после торжественной мессы

Женщина с бабадоком.

совершенно бесплатно! Мотив имеет ритмику, выступление меня заводит – был бы барабан у меня, я бы подыграл! Наконец, танцовщицы «сбили оскмину», танец закончился и женщины, явно довольные собой, о чем-то беседуют улыбаясь. Снято!

Тут я замечаю Нико, он подходит ко мне и куда-то зовет.

- Пошли, я познакомлю тебя с братом!

- Ты же говорил, что он живет в Дили! – говорю я

- Он сегодня приехал, пойдем.

Мы пересекаем двор перед церковью и подходим к небольшой машине на два места, с фургончиком. Багажник открыт, внутри лежит пачка больших настенных перекидных календарей. Рядом с машиной стоит священнослужитель среднего для Эрмера роста. Одет в белое одеяние, но на голове что-то типа фуражки-кожанки темного цвета, обувь черная (в белых тапочках ходить как-то не к случаю). Облегающий балахон выдает явные признаки сытой жизни. Мы подходим. Нико знакомит: «Это..., мой брат!» (не помню имени) Жмем руки, но дальнейший разговор не очень-то клеится, брат говорит по-английски слабо. Спрашивает меня, какова моя вера, откуда я и все такое. К фургончику постоянно кто-то подходит – оказывается, брат продает календари. По пять «зеленых» за штуку! Народ не выстраивается в очередь, хотя берут довольно активно! (Хозяева нашего дома купили тоже!). Подходит какой-то мужик с тремя «баками», явно жена просила купить «чё-нить, но подешевше». Сует он трешку и хватается за календарь, лежащий рядом в стопке.

- Куда! Тут только три доллара! – бдит юный слуга Господень и перехватывает руку ловкача. – Еще два давай!

-Та... ну... это... нет у меня больше. Продай за три, прошу! – говорит покупатель, явно жаждущий скидки...

Я смотрю, как же разойдутся?

- Бог милостив, пусть будет за три! – выдавливает юнец, явно не хотевший как-то упасть в моих глазах.

...Наверное, понятно, что диалог я придумал, разговаривали-то на тетуме. Но деньги я видел и наблюдал то, что происходило! Разговор мог быть именно таким... Должна же церковь как-то зарабатывать на свое процветание, а то, что католическая церковь на Тиморе процветает, нет у меня сомнений. Более того, вижу ее положительную роль в культуре и жизни людей. Церковь задает ритм жизни, под ее покровительством проводятся праздники, сохранены традиции, духовных лидеров слушают и уважают, в поселке нет пьянства и морального падения, женщины скромны и одеваются не вызывающе, не вульгарно; дети воспитываются в уважении к старшим – это, безусловно, видно в повседневной жизни. Альтернативы церкви, по крайней мере, не видно. Да и какие еще нужны альтернативы?! Люди на улице улыбаются мне, чужеземцу. Они не выглядят озабоченными, погрязшими в повседневных проблемах больших городов. Зачем что-то кардинально менять? Перемены ведь могут быть губительны и необратимы...

Мы с Нико отходим от его брата, занятого реализацией «товара». Брат явно умнее моего товарища, смекнул вовремя, где перспектива карьерного роста. В отличие от Нико. Нико выглядел эдаким бездельником, «вольным стрелком» по жизни (нет, не вольным философом, до этого он явно не дотягивает) с кучей свободного времени (что мне на руку!) при отсутствии перспектив на день грядущий; немного жуликоват, но... позже о нем.

Сейчас же я с Нико идем на церковный двор, где только что происходила месса. Народ уже разошелся кто куда. Я хочу получше рассмотреть президиум. Еще не успели убрать все атрибуты недавнего собрания: стол по-прежнему накрыт красивой белой скатертью, на которой у каймы сделана надпись – цитата из Евангелие; стоят стулья, почетное место украшено цветами и ленточками. Не далеко от места заседаний почетных гостей начинается лестница, ведущая на холм. *Интересно бы было по ней взобраться!* Пока я рассматриваю обстановку несколько людей поднимаются по крутым ступенькам куда-то вверх. *Любопытно, какой там вид открывается?!* Предлагаю подняться!

Взбираемся высоко на холм. На его вершине – площадка, с которой открывается прекрасный вид на центральную часть поселка. На площадке – строение, похожее на вытянутый сарай, но построенный аккуратно, имеет оно большие окна типа фрамуг, все открыто. В доме у стены стоят скамьи, на них сидят несколько человек в ожидании чего-то. Немного вглубь помещения я вижу Викария, его «шефа» и еще одного или двух людей, одетых в белое. Сидят они каждый за своим маленьким столиком, напротив каждого из них по одному прихожанину. Беседуют. Из-за «сарая» доносится запах дыма – готовится пища.

- Что тут происходит? – обращаюсь я к Нико.

- Исповедь! Все желающие могут сюда прийти. – говорит он. – После исповеди проходят вон через те двери, – он указывает мне на двое дверей позади священников, – и там – что-то типа столовой под открытым небом, кормят там бесплатно, – выдает Нико.

Я хочу в бесплатную столовую! Я думаю, как мне пройти через исповедующихся сразу на «камбуз»?

- А можно как-то обойти этот домик и сразу попасть, туда, где кормят? – вопрошаю я.

Нико мотает головой. – Только как все, через вот этот вход.

Пока я стою и думаю – пришли ли эти люди действительно исповедаться или просто захотелось поесть «на дурняк» - к «дому-сарая» подходит очередной прихожанин и заходит вовнутрь. *«Интересно, что-то народ сюда не валит!..»*, - мелькает мысль. К пришедшему подходит какой-то священник, похожий на дежурного в комендатуре, и я четко вижу, как «новичок» дает «дежурному» деньги...

- А почему это, вон тот человек, что сейчас только зашел, дает деньги? – с удивлением спрашиваю у Нико. – Ты же сказал, что обед здесь бесплатный?!

- Ну да, бесплатный! Это не плата, это помощь церкви. Тут все помогают! – выпалил Нико.

Мне сразу перехотелось «халявного» обеда. По крайней мере, я получил ответ на вопрос: что первично – обед или исповедь?

Я, было, разворачиваюсь, чтобы уйти, но откуда-то из-за домика-исповедальни «выныривает» пастор. Он видит нас и приглашает зайти, очиститься от грехов, освободить душу, так сказать. Я вежливо отказываюсь (Нико переводит). Но пастор настаивает, говорит, чтобы мы не стеснялись, нас рады тут видеть! ...*Как же мне «съехать»?*

- Извините, - говорю, - не смогу исповедаться по-нормальному, не знаю ничего, кроме английского. Не поймут меня! Да и не собирался я на исповедь! Зашел сюда, чтоб на Эрмеру с высоты взглянуть! (звучит как «Извините дурака – языков не знаю! Заблукал я, отче, но дорогу уже разглядел, не волнуйтесь!»)

Пастор улыбается и проходит мимо.

Все, хватит. Я, кажется, уже нагулялся! Мы спускаемся «на грешную землю», я благодарю Нико за экскурсию, и мы прощаемся до завтра.

* * *

Запомнилось мне фото, сделанное во время одного из походов по окрестным хуторам и поселкам. Нико был гидом. Мы только что прошли мимо кучки ребятишек, игравших на поляне. И тут кто-то из них увидел у меня в руке фотоаппарат. Паренек схватил своего друга и побежал за мной, не отставал, просил сфотографировать их обоих... Только дома я обратил внимание, как паренек держит пальцы (см фото). В разных странах есть характерные жесты, которые любят делать перед камерой. Например, два пальца в виде латинской буквы «V» (Victoria - (лат.) победа) или - пальцы в кулак, указательный палец вверх, что в мусульманских странах означает «Мохаммед – единственный пророк Аллаха»...

Паренек на фото сделал такой же знак, как на иконах изображают перста Иисуса. Таким жестом благословляют, изгиб каждого пальца имеет свое значение для верующего, это азы веры, если хотите... Насколько все серьезно, если у паренька выходит **такое** произвольно?! Скажите, что мне это все показалось!!

Два товарища

На поселок опускается дождевое облако...

По горным тропам с фотоаппаратом.

*– Если я поднимусь на тот холмик, я увижу сразу весь сад, – подумала Алиса. – А вот и тропинка, она ведет прямо наверх... Нет, совсем не прямо...
– Надеюсь, – сказала про себя Алиса, – она приведет меня все же наверх! Как она кружит! Прямо штопор, а не тропинка! Поворот – сейчас будем наверху! Ах, нет, опять она повернула вниз! Так я снова попаду прямо к дому! Пойду-ка я назад!*

Льюис Кэрролл.
Алиса в Зазеркалье

Прошло, наверное, около недели со времени нашего приезда в Эрмеру. Владимир планировал свою поездку после окончания нашего пребывания на Тиморе, и его жене требовалось получить визу. Нужно было вернуться в Дили. Поэтому Влад и Ира на один день собирались отбыть на микролете в столицу, чтобы успеть в посольство. Я оставался на хозяйстве. Мне дали последние наставления, и мы пошли к автобусу. По дороге встретили Нико. Его легко найти – либо он в своем жилище, что сомнительно в разгар дня, если, конечно, не обеденное время, либо где-то бродит по улице. Ну а поскольку бродить в поселке особо негде, на него все время можно наткнуться, прогуливаясь по центральным улицам. Собственно, центральная только одна улица, остальные две – это

улучки, напоминающие кровеносные сосуды, отходящие от основной артерии, питающей "мозг" Эрмера – католический храм на возвышенности.

Автобус только подъехал к месту посадки пассажиров, и мои товарищи заняли "элитные" сидячие места. Не понятно, зачем в этих игрушечных автобусах в салоне делают продольные поручни? Стоять ведь невозможно. Когда я сижу на таком сиденье, головой почти упираюсь в потолок... Мы попрощались, и вскоре автобус отъехал. Ехать предстояло два с половиной часа, если без приключений и затяжных остановок.

Десять - одиннадцать часов утра. Чем бы заняться? В эфире в это время работать не имеет смысла – прохождение отсутствует, и гонять генератор можно впустую.

- Нико, как смотришь на то, чтобы прогуляться по окрестностям?

Он не против.

Меня всегда интересовало, есть ли жизнь там, в горах, где нет электричества, нет стационарного водопровода и канализации – ничего нет, кроме самой природы и свежего воздуха. У многих «цивилизованных» homo sapiens внезапное отсутствие электричества в вечернее время ассоциируется с ранним началом «интимных игр» - где-то внутри нас прячутся природные инстинкты, пусть даже днем вы ходите в костюме и давно не пьете воду из ручья... Ну а если электричества нет вообще? Цивилизация далеко внизу, у береговой линии острова. Чем заниматься там, где высшее образование или количество дипломов не играют роли, где растет кофе и в домах не закрывают двери, где текут

Вид с середины холма на боковую улочку Эрмера. Начало путешествия.

горные ручьи и взгляд устремляется к горному хребту на горизонте? Там, где рис, касави и маис – нехитрое ежедневное меню, где живут с мыслями о Всевышнем, живут полной жизнью вдали от суеты больших городов? Что делают эти люди? Влад как-то сказал на это: «Просто живут...»

В горах все должно быть иначе. Хочу взглянуть, и проводник у меня есть! Времени до вечернего выхода в эфир вполне достаточно. Идем!

Ermera – Aifu – Aramehun – Taklela – Agoban и обратно...

Погода сегодня солнечная. Не хочется надевать ботинки, решаю идти так. Объясняю Нико, что просто хочу посмотреть окрестные хутора, как люди живут, короче, маршрут на его усмотрение. Мы идем мимо его жилища, он забегают на минуту вовнутрь, берет mp3-плеер, и мы идем дальше. А дальше – поворот на «бамбуковую рощу». Но неожиданно Нико

лезет вверх по холму по едва заметной тропе. Я и не думал, что туда можно залезть – холм крутой и после дождя на него вряд ли заберешься. Мы поднимаемся несколько минут непрерывно вверх. Я чувствую, что начинает выпрыгивать сердце, а мой товарищ прет вперед и даже почти не оглядывается. Черт, мне надо передохнуть.

- Нико, подожди, тут вид красивый, я сделаю фото.

Я делаю вид, что заинтересовался пейзажем, стою и как бы выбираю ракурс, сам же отдыхаю. Лицо покрывается потом. Как тут вообще можно ходить? Однако, при подъеме встречается какой-то школьник, спускающийся вниз – значит, можно ходить!

Эрмера еще не так далеко, но почти теряется из виду ...

Взобравшись на высоту около сорока-пятидесяти метров относительно Эрмера, тропа сливается с дорогой, подъем по которой не такой отвесный. Можно немного расслабиться. Дорога идет между довольно высоких деревьев и зарослей бамбука. Выходим на равнинную местность, и дорога проходит через кукурузное поле. В тридцати метрах от нас стоят несколько домов. Жарко, и на улице я никого не замечаю. Селение оставляем позади и идем снова среди каких-то зарослей. По правую сторону – расселина, покрытая густой растительностью, по левую – небольшой холм, рельеф которого скрадывается за высокой травой. Слышно сильное стрекотание цикад. Так сильно – обычно перед ливнем.

Интересуюсь у Нико, как «цикада» на тетуме. Он говорит – «сигарос», и не путать с «сигара» - сигарета. Интересно бы взглянуть на цикаду, говорю. Тут впереди мы видим возвращающихся со школы учеников, пятерых мальчиков в белых рубашках и черных шортах. Школьники не спешат домой, идут по гребню холмика и ловят в траве цикад, которые выдают себя сильным трескотом. У одного пацана в руках черный полиэтиленовый кулек, из него с «криками ужаса» пытаются вырваться на волю, наверное, с десяток жуков. Нико останавливает мальчиков и просит их показать мне

цикаду. «Пионер» засовывает руку в кулек и достает оттуда огромного жука, чем-то напоминающего хруща, но раза в два больше, слегка приплющенного и с округлыми бочками. Жук яростно вырывается и раскрывает крылья в попытке улизнуть. Школьники привязывают к лапке бечевку и так запускают беднягу, пока тот не выдохнется. Только что выловленному представителю местной флоры повезло: после небольшой демонстрации его просто выпустили, он взмыл над пропастью и спикировал куда-то вниз.

Мы идем дальше по тропе вдоль обрыва и встречаем еще одну группу ребят, идущих неспешно вдоль дороги. Это тоже школьники, но белые рубахи их полностью расстегнуты, и видно, что трое из пяти одеты в футболки с футбольной символикой. В руках у двоих большие коробки с «SuperMi» - неизвестным мне штучным продуктом. Оптовая покупка... необычно, но в горах тоже есть магазинчики.

Траурное место у горного поселка.

- Bon dia! – здороваюсь я.

Нико о чем-то переговаривается с ребятами, и мы идем вместе – они не торопятся. Вскоре к нам присоединяются две девочки-подростка. Все следуют в ближайший поселок. На подходе к нему я вижу кладбище или место для совершения ритуальных обрядов, связанных с покойными родственниками. Не знаю точно, – уж больно необычно выглядят места погребений. У подножия стены-обелиска сделана ступенька, своего рода плинтус, выложенный из плитки голубого цвета с распятиями. Возле распятий сделаны надписи и

поставлены даты смерти. За всем наблюдает сам Христос, изображение которого выложено из специального кафеля посреди стены. Христос присел, у него на коленях и рядом с ним сидят дети... Траурное место не имеет каких-то особых границ, рядом с ним проходит тропа.

Продвигаемся дальше. Ребята, следовавшие с нами, начинают немного ускоряться и рассеиваются по отходящим в стороны тропинкам. Начинается поселение, я вижу первые дома. Мы взбираемся на желтого цвета холм, перепрыгиваем многочисленные мелкие овраги, вымытые часто идущими дождями. Вот и селение. Дома расположены довольно свободно по площади. Я вижу несколько женщин и много детей, играющих или стоящих возле своих братьев и сестер. Нас заметили. Не скромно будет говорить – меня заметили, но именно я и являюсь объектом пристального внимания и неподдельного любопытства. Готов поспорить, что белого человека в этих краях не было. Ребятишки от двух до 10 лет бегут к нам. Кто бежать не может, не научился еще даже ходить, того тащит брат или сестра на руках. Многие кричат «Malai! Malai!» (типа того, как у нас могли бы кричать – «Негр! Негр!» при виде человека с темной кожей) – иностранец, значит. Одна девочка лет пяти, довольно смелая, подходит ко мне и неожиданно целует

Хутор где-то в горах на юго-запад от Эрмера.

Женщина с ребенком

Кто-то предпочитает жить в полной изоляции. Дом в горах.

правую руку. *Девочка, да что с тобой?! Не надо так!*

Собирается толпа детишек. Взрослых почти не видно. Те из немногих, которых вижу на улице, смотрят в нашу сторону. Я вскидываю фотоаппарат и прицеливаюсь на девочку лет шести, которая стоит с сестрой двух-трех лет. Через объектив вижу, как меняется в выражении лицо младшенькой. Через мгновение она разразилась безудержным плачем, нет, это просто истерика! Это я ее напугал камерой. Старшая сестра ее утешает, и я вижу, что снимать, собственно, уже нечего. Детей пугать тоже не хочется. Я отошел. За мной следуют самые любопытные. Разворачиваюсь и нацеливаю на них камеру – все с криком и хохотом разбегаются. Вот странный народ, фотоаппарата не видели, что ли? Ну и ладно, не буду больше вас пугать...

Идем еще немного, и с левой стороны я вижу молодую женщину, у нее через плечо самодельный слинг, она кормит младенца грудью. Вот это картинка! Пока незнакомка занята своим делом, делаю небольшой зум и снимаю. Прекрасно! Настоящая открытость и никаких комплексов! После третьего кадра вижу, что женщина меня заметила и улыбается. Машу ей рукой и мы идем дальше по поселку. А идти особо некуда. Поселок имеет около десяти домов и расположен на небольшом плато. В метрах ста от края плато на пологом склоне видно кладбище с ухоженными... нет, не могилы это. Больше напоминает поминальное место, возможно, там хоронят только прах усопших – уж больно все компактно расположено. Немного правее от места скорби я вижу несколько домов, разбросанных по холмам. Дома расположены поодиночке, на расстоянии 100 – 200 метров друг от друга. Это те, кто ценят одиночество, не иначе.

Мы возвращаемся. Жарко, а мы воды не взяли. Посреди поселка вижу колонку – сейчас напьюсь! Спрашиваю, можно ли приложиться? Да, пить можно, отвечают. А мне почти все равно, даже в козленка превратиться не страшно. Попил (Нико, почему-то, не стал) и пошли дальше.

Дальше – селение Verbuitulo. Оно сильно отличается от того, что мы только что посетили. Расположено оно на пологой вершине холма. Дома стоят в каком-то беспорядке, нет никакого единства дизайна или стиля. Кто-то решил построить жилище из бамбука, а другой построил из гофрированных алюминиевых листов и шифера. Нет никакого намека на улицы. Дома, как будто, разбросаны рукой Всевышнего, который зрил при этом в другую сторону. Несколько домов стоит у края оврага, который желтым шрамом проходит чуть ли не по центру поселка.

На холме перед поселком сидят какие-то пацаны с сигаретами, громко общаются и балуются mp3-плеером. Ну конечно, это «кореша» моего гида! Нико здоровается со всеми. К нам подходят человека три парней 17-20 лет, в руках мобильники, сигареты в зубах. От одного, мне показалось, слышу запах виски. Мы знакомимся, но имена не запомнились, просто короткая встреча. Следуют обычные вопросы иностранцу. Отношусь с пониманием и прошу показать церковь, которая, как становится уже привычно, выделяется на фоне общих построек. Церковь заперта, вот досада! Ребята садятся на пороге перед храмом, и я нехотя делаю пару фото – не люблю вот такие безвкусные кадры. Делаю фото, чтоб отцепились. Нико просит напечатать фото для «братанов»... *Щас! Уже бегу!*

Comunidade Berbuitulo. Приличный дом на холме – церковь.

В селении ничего любопытного, идем дальше! Сразу за хутором, склон холма, дороги нет, и мы с Нико проходим у края небольшого оврага, изрезавшего рельеф склона, то и дело перепрыгиваем через вымытые дождем канавки. Каким-то чудом выходим на тропу, идущую между зарослей кустарника с небольшими деревцами. Через минут десять подходим к небольшому хутору, состоящему из трех – пяти домов. Никого нигде нет. Нико говорит, что и тут живут то ли его родственники, то ли друзья... мой проводник что-то орет в сторону ближайшего дома, но оттуда никто не появляется.

Такое впечатление, что хутор вымер. Немного полюбовавшись, продолжаем путешествие. Рядом с хутором великолепный луг, расположенный у вершины холма, на нем пасутся лошади и несколько коров; несколько свинок, полосатеньких и сереньких, свободно бегают с хрюканьем и повизгиванием. Тут очень красиво. За лугом начинается резкий спуск с холма, почти обрыв, поросший травой и кустарником. Внизу видно какое-то селение. Но идти туда, вниз, не хочется. На лугу чувствуешь себя на вершине блаженства. Пока любимся, замечаю, что надвигается дождь. На луг спускается белое облако, в воздухе ощущается высокая влажность. Сейчас пойдет! Незабываемое ощущение, когда ты погружаешься в дождевое облако. Вокруг проносятся клубы, похожие на дым, но это ведь все капельки воды в подвешенном состоянии! Делаем последние кадры.

Дождь начинается через минуту. Было бы неплохо где-то спрятаться, и Нико, кажется, знает где. Он показывает куда-то вниз. Я ничего не вижу. Там у подножия холма есть селение. Там, с его слов, живут какие-то его родственники. (Я немало удивлялся, как много у него родичей разбросано по хуторам в округе). Мы спускаемся по довольно крутой тропе. Мои резиновые тапки намокают, и нога начинает выскальзывать. Тапок стремится скользнуть вверх по ноге. Было бы проще разуться, но почва под ногами –

Великолепный дом в горах. Кладка стен дома сделана из дикого камня, практически не видно следов цемента. Электричества нет. Питание от генератора или, для мелких нужд, от солнечной панели на крыше дома. Спутниковая антенна – обычный атрибут даже в горах – стоит рядом, вне кадра. Возле дома сложены бамбуковые шесты. Возле хутора – обширный луг у края довольно отвесного обрыва, - идеальное место для работы в эфире. За исключением одного – нет электричества.

Луг у пропасти

Я у кромки горного луга на фоне дождевого облака. Сухим уйти не получится!

смесь глины и каменистых обломков – не очень хорошее покрытие для прогулок босиком. Нико, как обычно, летит вперед, едва цепляясь руками за кустарник. Я же стараюсь удержаться на ногах и не порвать обувь, хватаюсь за кустарник и высокую траву и спускаюсь следом. Только бы не разбить камеру! Спуск около 50 метров.

Наконец, мы внизу, рядом с холмом стоят дома. Ливень продолжается. Нико уверенным шагом идет к одному из домов, сделанных из бамбука. Хозяева в доме. Мы знакомимся. В этом домике живет молодая семья – муж с женой и двое детей, одному из которых около года, а мальчику постарше лет семь. Еще я вижу старуху, очевидно, мать одного из супругов. Жилище очень простое. Такое жилье не рассчитано на холодную погоду, нет морозов на экваторе: стены сделаны из расщепленных стволов бамбука, закрепленных на деревянном каркасе, сбитом из половинок стволов; пол не имеет какого-либо покрытия, просто трамбованный грунт; в доме двое дверей, которые постоянно открыты. Помещение разделено на две части – прихожая и спальня. В прихожей стоит стол и несколько пластиковых стульев. На стене возле выключателя и переходника висят детские рисунки на религиозную тему. Мне показывают семейные фотографии, висящие тут же на стенах. Фото цветные, но на них ничего не возможно разобрать, качество фото просто ужасает. Нико находит себя на снимках по только ему известным приметам. Я осматриваюсь. Быт семьи предельно прост. Глядя на такую простоту даже трудно оценить уровень жизни этих людей: ясно, что этот уровень лежит где-то за гранью моего понимания самой грани. Где-то за общепринятыми мерками стандартов жизни. Конечно, мои стандарты никак не вписываются в жизнь вокруг, поэтому – к черту нормы, мы, практически, путешествуем во времени и расширяем грани своего восприятия. Все нормально, это просто другой мир и его обитатели только внешне похожи на нас. Мы разные.

Нам предлагают присесть тут же, в "холле", выпить кофе. С удовольствием! Я сажусь в пластиковое кресло у дверей. Мы беседуем, Нико переводит. Говорю, в основном, я. Обитатели жилища сели вокруг меня и смотрят. Наш визит – несомненно, незабываемое событие на долгое время для этих гостеприимных людей. Нам приготовили кофе, это местный сорт, растет в десяти метрах от дома. Вкусно! Хозяйка извиняется, что нечем больше угостить. – Не проблема!

Напротив меня уселась старуха, чуть сбоку – глава семейства и, в метре от меня, его жена. Бабуля внимательно слушает – потом будет о чем посплетничать. Она что-то говорит мальчику и тот подает ей косметичку. *Ты что, бабка?* Но, в сумочке не пудра, нет, старая извлекает лист какого-то растения, что-то в него кладет и посыпает белым порошком из маленькой пластиковой баночки. Она неторопливо сворачивает лист костлявыми старческими руками и отправляет этот «косячек» в рот.

Я подкованный, я знаю, что это такое. Сейчас слушать меня бабуле станет «в кайф», сейчас «жить станет веселее». *Хочу попробовать!* Да что за проблема?! Тут меня и научить могут – что к чему и в какой последовательности.

- Можно и мне попробовать? – говорю, обращаясь к бабке, и показываю на «косметичку».

Старая перестала жевать от неожиданности и уставилась на меня.

- Да, да, сеньора, - бетель. Можно попробовать?

Нико переводит, а сам улыбается. Ему задают уточняющие вопросы, и вот старческая рука ловко выуживает из недр сумочки зеленый листик, половинку орешка и открывает баночку с известью. Отработанными движениями ловко готовит «композицию». Я прошу все передать мне – хочу сделать сам.

Слегка сгибаю листик, кладу в серединку ядро ореха и присыпаю порошком. Сворачиваю плотным конвертиком и отправляю в рот. Женщины улыбаются. Говорю им, что пробую бетель впервые, просто хочется знать, что это такое. Разжевываю «самокрутку», во рту чувствую легкую терпкость вперемешку с горечью. Это не арахис под пиво щелкать, тут нет никакой гармонии вкуса. Но... постойте, постойте... что-то есть! Я начинаю ощущать прилив бодрости и красноречия. Ну, бабка, ну проказница! Старуха улыбается, обнажая кроваво-красные десна. Нико берет фотоаппарат и снимает меня за «церемонией». Я говорю, что не стоит, ракурс напротив двери не очень.

- Сфотографируй меня лучше с малышом!

Я прошу разрешения сфотографироваться с малюткой. Семья не против. Нико делает пару кадров, малыш «оживает» и начинает нервничать. Отдаем ребенка маме. Я выхожу на улицу, чтобы сплюнуть остатки кашицы. Хорошая дурь! Возвращаюсь в дом и вижу... о Святая Мария, молодая мама кормит свое дитя. Трудно оторвать взгляд, но... не дикари же мы! Муж сидит рядом, по его отрешенному взгляду видно, что ему все равно – подумаешь, бытовая рутина. Я прошу Нико перевести мою просьбу: могу ли я запечатлеть такой прекрасный момент, достойный кисти самого Рембрандта? Без проблем получаю согласие. Включаю вспышку и делаю несколько снимков.

Мама и дитя

любопытством рассматривают двое ребятишек сеньоры; старший же, мальчик лет пятнадцати, только выглянул из комнаты и снова спрятался – стесняется. Других детей я не вижу, у сеньоры их пять или шесть.

Нас приглашают сесть, дождь на улице снова возобновляется. Мы садимся, и нас угощают местным кофе с плюшками. Скромно беру одну и запиваю ароматным напитком. Беседа не в одни ворота. Мне задают вопросы! Мне это нравится. Следует черед традиционных вопросов: откуда ты, да что тут делаешь, да где живешь... Вижу уже привычный набор для поднятия тонуса (листья, орешки, порошок) – сеньора решила добавить красок восприятию. Предлагает и нам. Я не отказываюсь – надо закрепить впечатление! Поясняю, что для меня штука эта новая, пробую, чтобы иметь представление...

Имею прекрасное впечатление от беседы. Спасибо этой женщине за время, проведенное за чашечкой кофе в столь располагающей к знакомству атмосфере. Нам надо продолжить путешествие. Мы прощаемся и выходим из дома. Идем по тропе, потом с нее сворачиваем и идем где-то между холмами. Тропы больше нет, но у меня же проводник, не заблудимся. Вскоре выходим на какую-то дорогу, идущую между посадками кофейных кустарников. Влажно. Встречаем группу людей, в основном, женщины и дети, поднимающихся на склон навстречу нам и несущих мешки. Это батар – кукуруза; идут наверняка, со своего огорода в горах. Дети, даже очень маленькие, тоже что-то несут. Тут все работают. Делаю несколько снимков: с мешком от фотоаппарата не скроешься.

Кофе допит и дождь закончился. Мы благодарим за кров и прощаемся. На улице повеяло свежестью весеннего дождя. На такой высоте сильно жарко не бывает. Мы продолжаем спуск с холма. Хутор, в котором мы пересидели непогоду, находится на склоне на небольшом плато. Мы вскоре входим в еще одно селение. Здесь, как я и догадываюсь, тоже есть родичи моего товарища. Мы заходим в дом, Нико здоровается с сеньорой и называет ее мамой. Это третья или четвертая сеньора, к которой он так обращается. Я запутался в паутине его родственных связей. Нам такого и не снилось...

У хозяйки дом каменный, выложен из дикого камня, уложенного на глине, по краям кладки – цементная штукатурка. Стены внутри дома ничем не облицованы. Вместо дверей в комнату – занавеска на бечевке. Неожиданных гостей с

Старушка на тропе

Женщина с дочерью из Aifu.

Мы подходим к Aifu. Проходя через поселок, в глаза бросается домик местной больницы. Перед домиком красуется табличка, говорящая о том, что этот госпиталь построен на американские деньги по программе USAID. В Aifu... все верно, заходим в гости к родственникам Нико. Дом больше тех, в которых мы побывали перед этим, и плохо освещенный. Я попадаю в просторное, по тиморийским меркам, помещение. Недалеко от дверей, возле стены, стоит «убитый», просиженный диван. На нем сидит мужчина средних лет и паренек лет четырнадцати. Внутри помещение поделено на «холл», занимающий полдома, и две комнаты, скрытые от меня занавесками. Из-за «дверей на шнурке» постоянно мелькают какие-то женщины, вернее сказать, девушки лет восемнадцати – двадцати. У двоих из них есть дети – по одному малышу полутора-двух лет. Третья девушка, похоже, не замужем. Замечаю изредка брошенный ею смущенный взгляд в мою сторону. *Нет, подруга, ты не в моем вкусе!* Нас угощают печеньем и чаем. Мы беседуем ни о чем. Дети гуляют по «холлу», падают, поднимаются, размазывают соплю по лицу... Одна из молодых мам взяла свое чадо на руки и... ну вам понятно. Вторая – ходит с малышом за ручку, тот пытается попасть ногой по мячику... Проходит минут двадцать, и мы выходим. Больше не идем по дороге: Нико ведет через участки с касовой и кукурузой. Мы спускаемся с небольшого холма и попадаем во владения какого-то предпринимателя от кофейного бизнеса. Перед нами плантация с молодыми кофейными кустиками. Охранник объясняет, что это специальный сорт Arabica из Бразилии. Над растениями сделан навес из широколистной травы, закрепленной на бамбуковой решетке на высоте 2,5 – 3 метра – молодые растения не попекутся.

Семья возвращается с полевых работ

Плантация сортового кофе из Бразилии. Местность близ Aifu.

Проходим плантацию и взбираемся на небольшой холмик. На подъеме проходим мимо каких-то странных сооружений. Они, на первый взгляд, выглядят необычно: две или три емкости прямоугольной формы высотой около полметра выстроены каскадом и наполнены водой. Присмотревшись, понимаю, что когда-то это был фонтан с каскадным водопадом. На дне верхнего бассейна виден большой бетонный "блин" с отверстием посередине – отсюда выходила труба или что-то подобное и била струя воды. Ничего такого сейчас не осталось, фонтан заброшен, дно покрыто осадком, а емкости наполнены дождевой водой. Взобравшись на холмик, нам открывается вид на красивый дом. Это даже не дом, а какое-то имение, ранчо, усадьба или как там еще по-местному... Да это просто дворец по местным масштабам! Территория вокруг дома ухожена: дом стоит на небольшом плато, покрытом зеленой свежесостриженной травой, сохранилось несколько клумбовых растений перед главным входом. Перед домом стоит некогда красивый фонтан. Вода сейчас не бьет белой пенной струей. К водоему, имеющему форму круга диаметром около трех метров, кто-то протянул шланг – питание свежей водой. В фонтане плавает рыба – штук восемь карасей. Очень широкий двор по периметру окаймляют хозяйственные постройки и, предположительно, жилища для прислуги. В паре десятков метров я замечаю старика с мальчиком, они неспешно прогуливаются по территории. Старик, - он, с щуплой седой бородкой и короткой стрижкой, внешне похож на Пауло Коэльо, который за сюжетом очередного творения забрался в этот райский уголок, затерянный во времени и дышащий историей, - нас замечает, но никакой реакции с его стороны нет... Если бы не резиновые сапоги, серые широкие штаны, простая белая рубашка на выпуск, выдававшие в нем зрителя дома, можно было бы принять его за такого себе латиноамериканского наркобарона, возвращающегося с осмотра плантации коки.

Во дворе играют дети, наверное, прибежавшие из Aifu. Кроме их веселых возгласов, ничего не нарушает общего умиротворения, к которому располагает это место. Нико говорит, что дом принадлежал португальцу, он занимался кофе и, судя по масштабности его владений, дела у него шли неплохо. Весьма неплохо. Я подошел к хозяйственным постройкам и заглянул вовнутрь. Это большие помещения, похожие на вместительные амбары с высотой потолка около четырех метров. У нас в таком помещении хранят пшеницу... А что сейчас? Сейчас – запустение. Даже сейчас дом выглядит величественно, но заметно, что его давно не красили, с одной из сторон фундамент дал усадку и стена правого крыла дома покрыта трещинами, колонны, удерживающие веранду, растрескались и подкосились. Двери в дом приоткрыты... Спустя несколько дней мы побывали здесь с Владом и Ирой – я расхвалил это особое место, на которое стоило бы взглянуть каждому. Мои товарищи не поленились потратить минут сорок на дорогу сюда из Эрмера. Войдя в дом, попадаешь в просторный холл, внешняя стена которого остеклена, и там, сидя в одном из кресел, покуривая сигару и потягивая кофе из собственной плантации, можно умиротворенно созерцать прекрасный вид на горы. Проследовав дальше, проходишь в коридор, идущий буквой "Г". Вдоль коридора – двери, много дверей. Мы подергали ручки, но все комнаты были закрыты, кроме одной, в начале коридора. Это оказался туалет. Туалетная комната сделана на уровне "европейских стандартов": стоит один или два унитаза, чуть в стороне большая чугунная ванна. Все выложено кафелем и чисто.

Заброшенный дом близ Aifu. Былое величие заметно и по сей день (снимок сделан во время повторного визита сюда с Владимиром и Ириной)

Проходим по коридору и выходим на улицу через двери, расположенные на противоположной стороне дома. У выхода уродливо торчат из стены электрические провода – дом обесточен. Домом никто не занимается, но все стекла целы и мусора внутри нет. Недалеко от дома огород – участок горного пологого склона чем-то засажен. На участке работают пять-шесть женщин. В руках у них ножи и какие-то инструменты. При виде нас они отрываються от работы, и мы встречаемся взглядами. Одна из женщин очень красива, жаль, что не решился сфотографировать ее. Обмениваемся приветствиями и улыбками. Нико говорит, что сейчас участок принадлежит какому-то хозяину, то ли из Эрмера, то ли из другого селения. Участки земли вокруг дома возделываются, и кофейные плантации тоже кому-то принадлежат, - это же реальные деньги. С домом хуже, эта недвижимость не приносит дохода, и дворец в горах, очевидно, никому не интересен. Тут просто надо жить...

В стороне от дома начинается пологий склон, постепенно переходящий в обрыв. На краю плато мы видим две могилы: взрослую и детскую. Надписей нет на надгробных плитах, все стерто временем. Могилы расположены рядом, ограждены, но за ними никто не ухаживает. Нико говорит, что тут нашел покой бывший владелец этого дома. Чья могила рядом? Этого он не знает, и узнает ли когда-нибудь? Переживания этого человека, бывшее могущество, радость дня и вкус побед, светлые и темные стороны жизни, - все отошло в небытие. Весь бизнес, все труды по воздвижению такого имения – все это было связано только с этим человеком. Трудов в дом вложено немало, ведь все материалы сюда

привезены по извилистым горным дорогам. Нет человека – и никому это не нужно. Остались только вот эти безымянные могилы и приходящий в упадок дом на краю обрыва далеко в горах. Больше ничего. Да, место подобное этому, заставляет задуматься о смысле жизни, о правильности поставленных целей и бренности бытия...

Мы спускаемся по склону и выходим на дорогу к Эрмеру. Через тридцать минут я вижу знакомые очертания церкви. Мы дома.

Участок с касавой у ворот «Дома на холме»

Девочка из Эрмера

За приключениями по маршруту Ermera – Mirtuto – Samatrae – Komando – Ergoi...

Сказать, что мини-путешествие произвело на меня эффект, означало бы спрятать за скудностью слов громадное впечатление от увиденного. Никакая картинка, к тому же, не заменит живого общения. Именно так и происходит глубокое «погружение» в быт и культуру местного населения. Именно так и узнаешь всякие мелочи, из которых складывается общая многогранная мозаика жизни на Тиморе.

Очень хотелось бы получить очередную дозу впечатлений, и я обращаюсь к Нико, есть ли у него желание еще прогуляться по окрестностям? Заручаюсь его согласием, и планируем наш поход в юго-восточном направлении. Вернее, не планируем, а я высказываю свои пожелания, ведь я не знаю, что

там, за холмами в горах. Мой гид знает куда двигаться, нет никакого беспокойства по поводу маршрута. Говорю Владу, что собираюсь уйти до вечера. Через полчаса к нам приходит Нико, я беру камеру, и мы выдвигаемся.

Мы выходим на центральную улицу, затем сворачиваем направо и идем к выходу из поселка. Заходим в магазинчик, и я покупаю по литровой бутылке воды – знаю, что будет жарко. Проходим мост – тот, где происходила встреча Викария. Под мостом бурным потоком течет какая-то горная река. Течет она по дну ущелья, которое за пределами Эрмера расширяется и превращается в небольшую долину. Наша дорога идет по склону горы вдоль ущелья, поросшего густой растительностью. Иногда река пропадает из виду, и до нас доносится только шум воды. Куда мы идем, я не знаю; вижу только, что сейчас мы движемся по дороге, по которой приехали на микролете в Эрмеру. Это дорога Глено – Эрмера. Идем с полчаса. Солнце припекает. Нас уже обогнало два автобуса, и Нико все порывается подъехать, до какой-то только ему известной точки маршрута. А я его отговариваю, говорю, что мне интереснее пройти и посмотреть виды. Но не совсем так. Я вижу пассажиров, висящих по три-четыре человека на подножке входных дверей микролета. Держатся «экстремалы» одной рукой и одной ногой стоят на подножке. Так и едут по ухабам, по грязи, вдоль края пропасти. Как это они выдерживают? А сколько бедолаг компактно сидит в салоне?..

Наконец, и я понимаю, что этот безлюдный участок дороги лучше проехать на попутке. Это обычная дорога вдоль ущелья: никуда не отклонишься – слева пропасть, справа – гора. Вдоль этого участка пути лишь изредка заметны тропы, спускающиеся с отвесного склона.

- O'key, давай подъедем. А пешком долго идти до места, куда ты хочешь подъехать?

- Долго, около сорока минут еще. – отвечает Нико

- Лови попутку, - говорю. – Уговорил.

Через несколько минут по нашему маршруту я замечаю движущийся грузовик. Такие грузовики иногда встречаются в Эрмере – это служебный транспорт. На иных написано, что это собственность государства. С какой целью пишут – не понятно. Думаю, чтобы водитель не использовал машину для частной подработки.

Нико тормозит попутку. Грузовик останавливается возле нас. В его кузове полно пассажиров. Мужчины, женщины, дети, две бочки с горючим. Поскольку это не рейсовый транспорт, кузов абсолютно не приспособлен под сидение в нем: сидят кто где – на полу, подложив мешки или сумки, на бензиновых бочках, подперев их с двух сторон пластиковыми бутылками с водой, просто сидят на полу, ухватившись одной или двумя руками за борта кузова, кто-то, из совсем «оторванных», стоит, оперевшись мягким местом о край борта. В машине полтора десятка людей. Нико ловким движением просто-таки взлетает в кузов. Не впервой ему, похоже. Я надеваю защитный колпачок на объектив фотоаппарата, вешаю его на шею и сдвигаю на бок, чтобы не ударить при подъеме. Край борта грузовика выше моего роста. Я прыгаю на колесо, ставлю одну ногу на ребро кузова, вторую заносу в «салон». Народ одобрительными возгласами приветствует меня. Место есть только посередине кузова, но там не за что держаться. Не проблема. Не успел я кое-как примоститься, как грузовик тронулся. На меня с любопытством уставились с десятков пар глаз. Иностранец, в грузовике, здесь?! Нико о чем-то рассказывает попутчикам. Наконец, доходит очередь и до меня. Как могу удовлетворяю любопытство изумленных людей...

Я не вижу дороги, через кузов я вижу только пропасть, и ощущение такое, что едем все время по ее краю – один неловкий поворот и грузовик уйдет в эту зеленую бездну. Грузовик едет не быстро, колесами медленно переваливая через размытые участки дороги или осторожно пропуская встречный транспорт. Несколько раз машина сильно наклоняется в сторону пропасти, и я думаю – вот он, миг последний... В следующее мгновение баланс восстанавливается, и грузовик продолжает движение. Подъехали к деревянному мосту. В досках покрытия моста видны щели сантиметров по десять, сквозь них просматривается бурных горный поток. Грузовик въезжает на мост, едет посередине и очень медленно. Снова выруливает на дорогу. В кузове хорошо шатает. Бочка с горючим несколько раз срывается с «фиксатора» и катком наваливается на рядом сидящих. Все дружно ее ловят и закрепляют в прежнем положении. Вдруг грузовик останавливается. Ага, новые пассажиры! В кузов проворно взбирается молодая женщина. Ее муж внизу, он ее провожает. Муж передает ей кричащую малютку, слегка завернутую в простынь. Крохе месяца два от силы. Мама берет ребенка, бережно кладет в перекинутую через плечо повязку и, слегка покачивая, успокаивает его. Женщина садится на дне кузова рядом со мной. Поездка продолжается. Убаюкивать малыша уже не надо – нас всех покачивает при движении...

Нико что-то говорит впереди сидящим, те стучат по кабине и грузовик останавливается. Приехали. Выбираюсь из кузова, передаю фотоаппарат Нико и прыгаю на пыльную дорогу. Платить не надо – нас просто подбросили. Мы стоим перед

развилкой: в десяти метрах от нас к основной дороге с холма идет еще одна дорога, достаточно широкая для проезда машины. Дорога идет мимо насаждений кукурузы, дорога – это смесь глины с мелким щебнем, которым в изобилии усеяны горные склоны. Мы сворачиваем на эту дорогу, поднимающуюся круто вверх. Что там, за холмом, мне не видно. Солнце палит во всю, но здесь, в горах, духоты не ощущается. Воздух довольно свежий.

На холме, на высоте около двадцати метров от точки нашей высадки, дорога становится пологой, и мы без напряжения двигаемся среди каких-то зарослей. Постепенно они исчезают, вдали я вижу некие постройки. Похоже на школу. Точно – школа. На поляне перед ней – куча детворы. Зная, как дети реагируют на мою камеру, делаю несколько фото еще на подходе, пока нас не заметили. Подходим ближе, и тут кто-то

Дорога к Mirtuto.

кричит: «Малай!». Кучка ребятишек бежит в нашу сторону. Двое здоровых дядей входят на поляну. Меня обступают с разных сторон, но близко не подходят.

- Bon Dia! – здороваюсь я.

Мне робко отвечают на приветствие. Я вскидываю камеру и прицеливаюсь на первые ряды школьников в белых рубашках. Толпа с криками рассеивается, и детишки отбегают на «недоступное» расстояние. Ну, я так и предполагал! После нескольких неудачных попыток я оставляю эту затею. Часть

школьников уже расходится по классам... Я стою напротив комнаты с надписью «Escritorio» - скорее всего, это учительская. Захожу вовнутрь и здороваюсь. В комнате сидят три или четыре преподавателя. Спрашиваю, понимают ли они по-английски? ...Нет. Делать нечего, прошу переводить Нико. Высказываю свою просьбу – хочу сделать несколько фото школьников, и чтобы кто-то из взрослых объяснил им, что бояться нечего! Какая-то женщина берется помочь, выходит из помещения и зовет всех, кого может. Перед школой собирается человек двадцать, и я фотографирую. *Ну вот, ребята, правда же, не страшно?! А где ребята постарше?* Они, оказывается, уже в классе. Я спрашиваю у тетюшки из учительской, могу ли я сделать несколько фото прямо в классе? Получаю утвердительный ответ и иду в ближайший класс. Двери в него открыты – не от кого прятаться. Через раскрытые двери и окна, сделанные в форме горизонтальных жалюзи, класс продувается легким теплым бризом. Идет урок. Мужчина 35 – 40 лет, с небольшой «шекспировской» бородкой, сидит за учительским столом. Не иначе, как препод! Я вхожу в класс и приветствую «профессора» (так на тетуме, впрочем, как и на других языках, звучит слово «учитель»). Учитель здоровается с нами и дает команду всем встать. У школьников в этом классе рубашки белого цвета, низ – темный. На смуглой коже такой цвет рубашки смотрится довольно эффектно. Класс подпрыгивает с мест и разражается в коллективном приветствии. Здороваюсь с классом и прошу всех садиться. Я немного

Mirtuto. Escola Basico Centro Francisco Jose Trindade

Школьница из Mirtuto

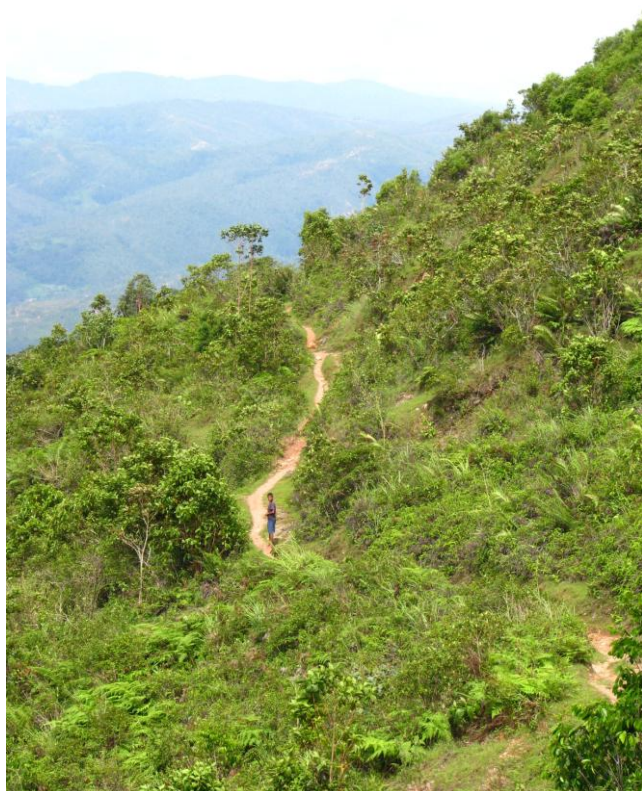

Занятия в старшем классе. Школа в Mirtuto

ошеломлен от такого проявления дисциплины. Среди учеников замечаю несколько человек, которые еще пару минут назад отворачивались от камеры. Прошу разрешения учителя сделать несколько фото. Вскидываю фотоаппарат и выбираю ракурс. Всех охватил, все три ряда рассадки запечатлел, но две-три девушки, все же, отвернули лицо или опустили голову к столу. *Сеньориты, ну что ж вы такие скромные, когда еще вас на обложку журнала снимать будут?!* Благодарю всех за предоставленную возможность и выхожу из класса.

Школа с высоты холма, на котором расположена церковь. Mirtuto

Тропа в горах (слева) и дорога на подходе к хутору.

- Ну что, Нико, пошли дальше?

Мой товарищ идет по направлению к холму. Высоко на его вершине стоит церковь Миртуто. На холм ведут ступеньки – неширокая лестница без перил, но двоим человекам разминуться можно. С холма открывается прекрасная панорама на окружающие горы, школа стоит на равнинной части и комплекс школьных зданий виден в мельчайших подробностях. Да что там школа! Со стороны церкви видно даже Эрмеру, до которого около трех – пяти километров. Я зуммирую картинку, и делаю пару снимков нашего поселка... На холме подстриженная зеленая травка, нас обдувает легкий ветерок, ничто не нарушает тишину. Я ложусь на траву: так хорошо здесь! В этом месте хочется остаться подольше, подумать о жизни, о бренности бытия... С этого холма – прекрасный обзор на десятки километров в секторе 200 градусов. На холме стоит единственный дом – это церковь Mirtuto. Мы идем туда. Дверь распахнута, внутри никого нет. Внутреннее убранство храма очень простое – скамьи для прихожан расставлены в два ряда, на небольшом постаменте, обтянутом красной материей, стоит широкий стол, затянутый в зеленую ткань. На стене большое, с метр высотой, распятие. По обе стороны от стола, на стене и на небольших деревянных постаментах стоят фигурки святых, преимущественно Девы Марии. Возле входа – столик с урнами для пожертвований. На полу возле постамента стоят горшки с комнатными растениями. Через помещение над постаментом идет электрический провод на растяжке. Посредине этой растяжки висит лампочка – единственный источник света в церкви. Днем в обители достаточно естественного освещения, свет, видимо, включают редко.

Наше путешествие продолжается вдоль гребня холма, на который мы только что взобрались. Поселок Миртуто расположен у его подножия, сверху прекрасно видны домики местных жителей. Мы же идем по безлюдной тропе, уходящей то вверх метров на десять, то хитро выходящей между деревьями и каменистым рельефом местности. Мы проходим мимо нескольких небольших селений, огибая их "сверху". Возле одного хутора – небольшой лужок, на котором местные мальчишки играют в футбол. Наше появление вызывает неподдельный интерес у них, и ребята сбегаются посмотреть на большого "белого дядю". Я хочу их сфотографировать, но ничего не получается – увидев у меня камеру, всех как ветром сдувает. Ну и ладно. Мы поднимаемся на очередной холм, и оттуда я вижу, как детвора снова собирается и смотрит в нашем направлении. Вот же, трусишки!!! Нам что-то кричат и смеются.

Идем по дороге вдоль крутого склона, под ногами глиняная дорога. С правой стороны часть склона как будто срезана, и на участке шириной метров двадцать стоит несколько домов бедных семейств: бамбук, тростник и, кое-где, металлический шифер, – те материалы, из которых построены эти лачуги. Под ногами – рыжая пыль вперемешку с гравием. Нико останавливается и уточняет дорогу. Безусловно, здесь красивые виды и чистый воздух... но вот и все прелести жизни. Мы проходим еще с пару десятков метров и мой проводник снова о чем-то спрашивает местного аборигена. Я делаю несколько фото – у хозяина этого жилища четверо детей, но лишь одна и очень красивая девочка. Надпись на ее футболке лишний раз напоминает, что находишься в стране с глубокими христианскими традициями (см. фото). Нико говорит, что глава семейства работает

Девочка в красном. На футболке надпись: "Непрестанно молись. Фессалоникийцам 5:17"

Возле какого-то хутора Нико останавливается и уточняет дорогу у местных жителей.

Небольшое поселение на стыке равнинного и холмистого ландшафтов.

охранником в Глено. Что и не удивительно. В горах работа – либо на собственном участке, либо по найму.

... Мы долго идем по горной тропе. Это уже не тропа, а дорога, по которой может проехать машина. Со стороны склона дорога огорожена вкопанными деревянными столбиками. Тут безлюдно, по обеим сторонам – заросли кофе. Это чья-то плантация, это не какой-то участок с дикой растительностью. Но на мой взгляд обывателя, выглядит посадка с кофейными деревьями именно как дикая поросль. Мы идем среди этой зелени километра с два, по мере продвижения все чаще встречаются высокие деревья, в большом изобилии растущие на склонах гор ниже Эрмера. Забор исчезает, и мы уже идем в негустом лесу. Все пространство между деревьями занято кофейными кустами, высотой около трех метров. Этот лес оживляют птичьи трели. Тропа проходит в тени деревьев, почва тут сырая и в воздухе ощущается приятная влажность.

Выходим на поляну. Тропинка идет мимо мемориальной композиции в виде пятиконечной звезды на бетонном постаменте. Мемориальная табличка говорит о том, что памятник поставлен в память о погибших здесь борцах за независимость Тимора. Нико говорит, что недалеко от этого места индонезийскими военными были расстреляны пойманные партизаны. Он называет имя командира, погибшего здесь, видимо, популярного в народе... На лугу пасется две лошади, место равнинное и спокойное.

Дом недалеко от бывшего военного аэродрома в горах

Мы еще некоторое время следуем по тропе и неожиданно выходим к широкому равнинному участку размером с футбольное поле. Видя мое удивление, Нико говорит, что это бывший военный аэродром. Перед нами площадка с грунтовым покрытием, растет невысокая трава. Вдоль одной из сторон периметра расположены постройки – два

вытянутых в ширину дома. На жилища местных не похоже. Все двери и окна закрыты. Может эти покинутые строения – технические помещения военного аэродрома? Я так и не понял. Нико указывает на первый дом в ряду построек и говорит, что это школа. Но я не вижу детей, вообще никого нет, и трава перед зданиями не вытоптана. Может, он что-то перепутал?..

Чуть поодаль от линейки странных домиков стоит жилой дом, там живет семья, мой товарищ их знает и подходит поздороваться.

Взбираемся снова на холм. Жарко. Это один из редких дней, когда в обед не пошел дождь. Идем между мелким кустарником и невысокими изредка встречающимися деревьями. Тропа проходит через деревянный мостик, состоящий из пары бревен, брошенных через овражек. По дну оврага течет ручей. Я останавливаюсь на мосту и смотрю вниз. Вода прозрачная, приятно журчит, скатываясь спокойным потоком с небольшого каменного уступа. *Дай-ка я хотя бы умоюсь!* Говорю Нико, чтобы тормознул, отдаю ему фотоаппарат и залазаю в ручей. Класс! Умываюсь и пью воду. Чистая и без привкуса! Предлагаю товарищу последовать моему примеру, но он почему-то отказывается.

В ближайший час мы посещаем еще два совсем маленьких поселения – в обоих живут родственники моего гида, – так он сказал. Я даже не уверен, что эти хутора имеют названия. Мы заходим к его родственникам, кратко общаемся, я что-то фотографирую, и идем дальше. Во втором хуторе... лучше бы мы не заходили в гости: увиденное повергло меня в уныние. Понимаю, что жизнь многогранна, а увиденное – еще одна ее сторона, ничего более...

...В общем, мы входим в хутор, состоящий из пяти-семи домов. Нико ведет меня к простому, сделанному из колотого бамбука и соломы, жилищу. Входим в домик. В помещении полумрак, интерьер состоит из двух комнат. Точнее, это не комнаты, это просто одно помещение, разделенное перегородкой из бамбука так, что вдоль стены проход свободен. В помещении стоит легкий запах дыма, потому что во второй половине дома прямо на полу тлеет костер, обложенный тремя массивными булыжниками. Дым от костра выходит через окно, двери и щели в стенах. По помещению ходит растрепанного вида женщина лет тридцати пяти, выглядит она измученно, небрежно, как выглядят женщины, давно переставшие интересоваться собой. На ней, поверх неприлично растянутой белой футболки, накинута какая-то легкая ветровка. Женщина носит годовалого мальчика, со стороны правого плеча ворот ее футболки приспущен, через его край свисает хорошо растянутая грудь, к которой приложился малыш. В нише, ближней к выходу, стоит топчан, опять же из бамбука. (Такие лежаки я видел в фильмах, где показывали какую-нибудь мексиканскую тюрьму). На нем сидят трое – сестра с братом и женщина лет тридцати. Мужчина приветствует нас у входа. Несколько секунд глаза привыкают к полумраку – свет в помещение проникает сквозь раскрытые двери и проем в стене в дальней части дома.

Что-то происходит на топчане: мальчик лет семи-восьми, сидящий между своей старшей сестрой и женщиной, в полразворота ко мне, делает какие-то странные движения руками. Он как будто боксирует, но движения его произвольные, резкие и, в то же

время, без усилия. Взгляд ничего не выражает, бедолага смотрит в пустоту. Такие движения повторяются пару раз в минуту. Женщина, сидящая за его спиной, пытается сдержать эту произвольную рефлексию. Мальчик издает какие-то гортанные звуки, подобные рычанию. В общем, полный аут!

- Что с мальчиком? – интересуюсь. Я даже не пытаюсь снимать, мрачноватая картина.

Женщина с ребенком, которого она уже успела оторвать от груди, объясняет, что две-три недели назад мальчика побили какие-то пацаны, после этого все и началось... «Водили в местную больницу (там, в лучшем случае, вам окажут неотложную помощь, на большее рассчитывать не стоит), но там сделать ничего не смогли», - говорит женщина. (Для меня это очевидно). Я может озвучиваю банальные вещи, но что еще сказать: говорю, что мальчика надо отвезти в Дили в серьезную больницу, что у него травма связана с нервной системой... Говорю, а сам почти уверен, что никуда его не повезут, семья очень бедная. Это видно и по жилью, и по одежде; атмосфера пропитана какой-то безысходностью. Не весело тут, беда в доме! На происходящее жутко смотреть, мне хочется уйти. Я лишь прошу разрешения пройти во вторую половину жилища, посмотреть и сфотографировать «интерьер» (см. фото). Об уровне жизни говорить не стоит – это вопиющая бедность, - так, пожалуй, можно охарактеризовать мрачную картину быта.

«Комната» в простом бамбуковом доме служит и спальней и кухней. Здесь живут люди.

Мужчина о чем-то переговаривается с Нико. Наконец, мой спутник начинает что-то говорить мне полупшепотом. Не люблю я этот заговорческий шепот, речь его становится практически непереводимой – говорит по-английски, а понять ничего не возможно. Из

того, что понял – он предлагает каким-то образом посодействовать хозяину жилища – купить у него в магазине каких-то печений или что-то еще... Конечно, давай посодействуем! Мы выходим с главой семейства и подходим к стоящему неподалеку сарайчику. Хибара заперта. Мужчина снимает замок (!), и мы входим в небольшое помещение. Тут на простых деревянных полках лежит всякая мелочь типа печенья, стирального порошка и шампуня в очень мелкой фасовке, жвачек для детишек и чупа-чупсов, стоящих букетом в пол-литровой банке. Ввиду скудности доходов все предпочитают делать покупки товара именно в мелкой упаковке, брать недорогие сладости, покупать сигареты поштучно. Нико немного покрутился и взял две пачки печенья. Ого! Это все. Я отдал 50 центов. Мужчина благодарит нас. Я бы отдал и больше, что эти деньги в сравнении с нуждой и проблемами, настигшими это семейство!

Нико потрошит пачку печенья, когда мы отходим от поселения и движемся вдоль гребня холма. Похоже, все остались довольны: хозяин магазинчика и мой напарник. Мне, после увиденного, печенье как-то не лезет. Да и пить нечего. Перепрыгиваем через небольшие овраги и следуем по только Нико известному маршруту. В метрах пяти слева от нас идет крутой поросший травой склон (я бы не рискнул по нему спуститься), а метров на пятьдесят ниже нас начинается узкая полоска долины. Внизу, как будто игрушечные, пасутся несколько коз. В долине у подножия холма стоит хутор. С высоты, на которой мы находимся, все кажется нереальным, макетным, созданным для экспозиции в музее. С высоты все выглядит благополучным и даже чуть сказочным. Нам туда. Нам в сказку.

Спускаемся по узкой тропе в долину, наша дорога лежит через этот хутор. Нико доел печенье, и теперь его потянуло «на покурить». Мы подходим к какому-то сараю, стоящему у тропы, немного в стороне от группы домов. Это магазинчик. Этот «маркет» похож на еще оставшиеся у нас на улицах обувные мастерские – такой себе шиферный ящик, размером 2х3х3 метра с прорезанным у парадной стены окном.

«Сказочный» хутор.

Магазин в горах.

Традиционная тиморийская постройка.

Дом с озером

Ассортимент традиционен. Перед окном висят несколько «патронташей» моющих средств в упаковках, с размером которых у меня ассоциируются средства контрацепции. В «ящике» работает девушка, она подходит к «окну», искренне нам улыбается и спрашивает, что бы мы хотели купить. Нико просит несколько сигарет, девушка понимающе кивает и что-то ищет под прилавком. В этот момент откликается ее ребенок, который скрыт от меня где-то в проеме между стеной и стеллажом. Девушка быстро продает Нико сигареты и отлучается к своему чаду. Мне не хочется просто так уходить. *Сеньора, может снимок на память?* Девушка видит мою камеру и отворачивается. *OK, don't worry, seņora!* Не буду вас смущать, просто сделаю снимок магазина. Нико просит бойкую продавщицу подкурить ему сигарету. Пока девушка щелкает зажигалкой, я ловлю момент, когда она попадает в кадр... Неужели ей хватает на жизнь с оборота этого «продуктового оазиса»?!

Мы следуем не спеша вдоль хутора. Я вижу, в основном, только детей до двенадцати лет и женщин. Мужчины на глаза почти не попадаются. Проходим мимо традиционной «избы», однако, это не жилой дом, это деревянной склад. Возле склада на корточках сидит старик с выгоревшим на солнце лицом – он не курит, не ждет очереди и не сопровождает нас взглядом, – безразличны мы для него, – просто сидит и смотрит в желтую глину перед собой. Кто он, этот дервиш? Таким мог бы быть местный Гуру, ожидающий своих учеников. А может, они просто не видны для меня?.. Все возможно в горной стране, где так близко к Богу.

Хутор расположен на двух террасах, огибающих склон холма. Мы идем по верхнему ярусу. Ниже нас – несколько домов с вырытыми озерцами, спрятавшимися в тени высоких деревьев. Это добротные дома, респектабельные. Детали разглядеть трудно – дом с озером расположен на окраине хутора и частично скрыт зеленью.

Заворачиваем за холм, впереди равнина сужается и переходит в крутой склон. Перед нами еще несколько домов, втиснувшихся в холм. В этом месте свободного пространства немного, и тропа уже идет через чей-то огород. Нико замечает кого-то знакомого внизу, на нижней террасе, и что-то кричит товарищу. Происходит обмен приветствиями в режиме «громкой связи».

- Что, и тут приятели твои живут? – интересуюсь. Я немало удивлен обширности круга его родственников и знакомых.

- Да – один из моих друзей, общались одно время. Его младший брат в прошлом году сорвался со склона и хорошо ударился, теперь вот не разговаривает... - делится подробностями Нико.

- ??

- Кстати, мы подходим к этому склону! – радостно сообщает мой гид.

Путь из хутора лежит через склон с неустойчивым грунтом. Стрелками показана тропа.

Нико рукой показывает на тропу, которая идет все выше на холм. Холм имеет следы большой эрозии, попросту говоря, грунт тут не очень крепкий и обсыпается в пропасть. Склон в этом месте даже не успевает зарости травой, и укрыт мелким щебнем вперемешку с глиной. Все осыпается каменным потоком куда-то вниз метров на пятьдесят. В том месте, где вторая нижняя терраса исчезает, а пропасть подбирается к нам все ближе, я теряю след тропы.

Он что, шутит?

- Ты серьезно? Нам что, надо перебраться через этот перевал? А другая дорога есть? – меня охватывает легкое возбуждение, легкий драйв.

- Нет другой дороги. – Нико уверенным шагом идет к склону.

Я останавливаюсь и осматриваюсь. Падать будет высоко... Людей нигде не видно. Опасный

участок – это такая себе козья тропа – едва заметный уступ шириной преимущественно в одну ступню и длиной метров сорок, проходит по верхней части склона. Издали тропа почти не заметна.

Мы подошли к обрыву. Чем дальше от места, где мы стоим, тем уже становится тропа, проходящая по склону. Нико идет вперед. Если ему нормально, то и я пройду. Иду следом. Хорошо, что сегодня не было дождя. С ответственностью заявляю, что после дождя эта дорога станет непроходимой – очень велика опасность соскользнуть вниз. Под ногами рыжая глина с вкраплениями ломаной породы. Тропа немного наклонена в сторону обрыва, поэтому я продвигаюсь вперед, наклонившись корпусом к стене и перебирая руками. Мелкие камушки осыпаются прямо под ноги. На полпути останавливаюсь и делаю несколько снимков пропасти. Страшновато, но, черт возьми, красиво! Захехляю объектив – больше снимать не будет возможности, тут бы на ногах удержаться. Медленно двигаюсь вперед, спешить не надо. Впереди идет Нико. Ему остается совсем немного до противоположной стороны склона. В трех метрах от земляного бруствера противоположной стороны обвала тропа исчезает – ее либо смыло потоком воды, либо съел оползень. Нико останавливается. На расстоянии прыжка находится небольшой пятачок – остаток тропы. Поместится только одна нога. От этого пятачка земляной брустер – равнинная часть – находится на расстоянии хорошего прыжка. Прыгать, причем, надо на высоту полметра относительно этой последней опоры. Что-то мне расхотелось идти дальше... Стоит немного промахнуться или не допрыгнуть – быстро спустишься вниз. Нико думает не долго, он, кажется, вообще не думает. Не успел я представить, как это было бы дискомфортно спуститься ко дну обрыва, судорожно цепляясь за любые неровности рельефа, Нико делает большой прыжок на маленький уступ – все, что осталось от тропы. Собирается еще несколько секунд и в могучем прыжке запрыгивает на земляной вал. Есть! Как это ловко у него получилось!

Я выше ростом, чем Нико, и прыжок у меня должен быть больше. Мне будет проще! Забрасываю фотоаппарат на бок, подхожу к краю тропы и прыгаю на "пятачок". Не было очень трудно, но вниз лучше не смотреть... Остается последний прыжок к краю обрыва, приподнятому относительно точки финального толчка. Я оцениваю дистанцию, разделяющую меня и равнину. Черт возьми, далековато! Прыгать надо еще и немного вверх.

- Нико, можешь взять камеру? – кричу ему.

Нико подходит к краю, я снимаю фотоаппарат, раскачиваю его на ремешке и кидаю ему. Так, вроде, будет проще... Смотрю на траву на краю обрыва, и мне кажется, что все равно – далековато для того, чтобы быть полностью уверенным в прыжке.

Нико успел уже прикурить сигарету и куда-то отойти от края пропасти. Черт, черт! Не хочется этого делать, но я снова зову моего проводника.

- Нико, можешь подать руку, я сейчас буду прыгать!

Нико подходит к краю, как можно ближе. Я прыгаю и хватаюсь в прыжке за его руку. Да!! Я сделал это. Стою у обрыва и еще раз смотрю на пройденный участок тропы для экстремалов. Невероятно, мы прошли тут! Пока я перевожу дух, к нам подходит какой-то

мальчик. Его одежда однозначно говорит, что это школьник... Нет, мальчик идет не к нам, он намерен перейти через обвал, который мы только что преодолели. Очевидно, он возвращается на хутор. Интересно, интересно: и как же у него получится ступить на эту тропу, если на начальном участке крутого склона она фактически отсутствует?! Стою и смотрю. К моему глубочайшему удивлению "пионер" выбрал другой маршрут, и пошел по не приметной дорожке, идущей между кустами выше по склону. Он шел обычным шагом, не цепляясь за кусты и не ища опоры. Ближе к противоположной стороне обрыва его тропа сливалась с нашей, но в том месте идти более-менее безопасно.

- Нико, а чего это мы, как лохи, поперлись по этой тропе самоубийц?!

...Похоже, что мой товарищ только что открыл для себя новый маршрут... Ничего... зато, сколько впечатлений! Я еще раз подумал про мальчика, который сорвался в обрыв, - быть может, не было рядом друга, который мог подать руку в нужный момент?..

Местные жители, оказывается, ходят по тропе, расположенной выше по уровню относительно той, по которой мы только что прошли...

Мы на равнине. Дальнейший путь не грозит трудностями. Возвращаемся в Эрмеру. Проходим через еще один хутор. Стоит он у подножия рыжего холма. Холм возвышается на 5 – 10 метров относительно домов и состоит, в основном, из глины, которая легко размывается дождями. Весь склон изрезан оврагами, они подходят к самым жилищам. Рыжие рвы сходятся и снова расходятся, формируя островки из глины. То и дело приходится перепрыгивать через канавы глубиной под два метра. Сами дома стоят на ровной рукотворной площадке-террасе. Так люди отвоевывают себе пространство у гор.

Хутор у холма, изрезанного оврагами

Через некоторое время мы входим в небольшой лесок, который незаметно сменяется кофейными зарослями, и, вскоре, сворачиваем на неширокую дорогу вдоль склона холма, который возвышается над Эрмером. Проходим мимо кладбища. Отсюда поселок виден, как муха на стекле. Я делаю последние снимки в этой прогулке, и мы спускаемся к футбольному полю, проходим больницу и начальную школу...мы снова в поселке.

Ermera с высоты южного холма

В направлении к Gleno по маршруту Ermera – Raimean – Gelemara – Hohotino – Lodudu – Gleno (районы Bogasa и Perunas) и назад в Ermera.

Кажется, я уже вошел во вкус. Я не отпускаю просто так Нико. Я прошу его прогуляться еще, но завтра. Мне нравится, что он не ленится лазить со мной бог знает где, никогда не выказывает лени или недовольства. Да, в этом есть его положительная черта. Я предлагаю пройтись в северо-западном направлении, но согласен на любое – интересно все.

На следующий день Нико приходит ближе к обеденному времени. Хотя это вовсе не означает, что у нас обед. Не обедаем мы. Так, чайком да плюшками балуемся иногда. Владимир предпочитает отдохнуть перед вечерними пайл-апами. Мне жаль просто так тратить время, и я спешу увидеть что-то новое.

Мы выходим и идем через центральную улицу Эрмера. Берем по бутылке воды с собой, однако, этого можно и не делать – не удобно спускаться по склону с постоянно занятой рукой. А сегодня предстоит, в основном, спускаться.

Мы проходим полицейскую станцию в конце улицы. Во дворе участка одиноко стоит джип с символикой ООН. Он здесь не постоянно, миротворцы наведываются сюда время от времени... Как-то мимо нас проезжал вот такой же джип с тремя полицейскими, когда я с Владимиром и Ириной гуляли по центральной улице. Машина остановилась возле нас, стекло на переднем сидении опустилось, и ко мне обратился темнокожий полицейский, в чертах которого угадывались африканские корни. Я же - имею вид натурального бомжа, но только побритый и без дурного запаха, - начинаю отвечать на вопросы о сроке нашего пребывания здесь, где живем и что делаем («– Радио-коммуникации, сеньор!») - лучше не лезть в дебри разъяснений). Этих ответов хватило,

Дорога из Эрмера на север.

Девочки на тропе

офицеры в машине попрощались и поехали дальше. Так я понял, что паспорт мой никто и нигде смотреть не будет. Свободная страна! Да и нет его у меня сейчас – мы попросили Сашу в Дили попробовать получить для меня индонезийскую визу, пока я тут.

Мы свернули за полицейский участок, и пошли проселочной дорогой. Это и есть окраина Эрмера. Конечно, никакой границы на местности не обозначено. Идем не спеша, дорожка, а вернее, тропинка все время идет под уклон. Зелень здесь гуще, чем в районах выше от Эрмера; ощущается приятная влажность. Проходим несколько селений, очень маленьких и растянутых по длине. В этом районе не видно обрывов. Несколько раз пересекаем небольшие речушки шириной метра два. Нико иногда кричит что-то местным – оказывается, уточняет дорогу. Он не ходил в этом направлении очень давно. Конечный пункт путешествия – Глено. Это соседний районный центр, крупнее Эрмера. Я знаю это заранее, поскольку мы проезжали этот поселок, когда ехали на микролете. Дорога между Эрмерой и Глено на автобусе заняла тогда около часа. Сейчас мы идем к Глено «огородами» - нет на пути никакой дорожной пыли, мопедов или грузовиков. Дорога, по которой мы идем, это тропа на одного человека. В этой местности живут простые крестьяне. Здесь принято здороваться с

любимым встречным – знакомый он или нет. Здесь не боятся отпускать детей от себя, и нам часто попадаются по пути крохи лет шести – восьми, куда-то идущие по своим очень важным делам.

Проходя по узенькой дорожке мимо чьего-то дома, я обращаю внимание, как парень, сидя на корточках, живо орудует топориком, расщепляя ствол бамбука. Мы останавливаемся и наблюдаем за ним. Я предлагаю Нико подойти поближе и посмотреть – уж больно ловко получается у паренька! Во дворе навалены в две кучки нарубленные по

Сын хозяина дома занят изготовлением бамбуковых настилов

Нико среди "амазонок" (второй сзади)

три метра зеленые и желтые стволы бамбука. На земле рядом с парнем лежат несколько расщепленных и развернутых в плоскость бамбуковых "ковриков" зеленого цвета. Так заготавливают природный строительный материал, который, в дальнейшем, можно использовать для строительства стен дома или как подстилку для незатейливого ложа.

К нам выходит хозяин (за работой мы застали его сына) и приглашает пройти в дом. Мы знакомимся. Хозяин – мужчина лет шестидесяти, коротко подстрижен, одет в футболку и шорты – приветлив с нами. Он сразу предлагает купить у него мед. Я вежливо отказываюсь – не для этого мы тут. Мы немного беседуем. Сюрприз: хозяин дома, – военный в отставке, – немного говорит по-английски. Еще больше он удивил меня тем, что знает о существовании страны "Украина"... Это уж действительно – образованный человек! Хозяйка подает мне и Нико чашки, на половину наполненные свежим медом. Я пью мед и осматриваюсь. Все в доме предельно просто – стол, две скамьи, вырезки из газет на стенах. В доме чисто – военный порядок. Во дворе – кипит работа. Похоже, в этом доме ценят время и умеют зарабатывать на жизнь.

В бак во дворе по бамбуковому трубопроводу откуда-то поступает вода. Я набираю воду в литровую пластиковую бутылку – идти нам еще далеко, вода не помешает. Мы прощаемся.

Тропинка ведет нас через густые заросли. По дороге мы встречаем группу молодых женщин. Девушки отдыхают прямо у тропы – сидят на траве и беседуют. Когда мы приблизились, они встали и двинулись в том же направлении, куда и мы идем. Нико что-то кричит им вслед. Кто-то из девушек отзывается, но темп никто не сбрасывает. Я чувствую, что мой напарник ускорил шаг – явно хочется настигнуть этих прекрасных амазонок. Догнали. Нико вклинивается в группку женщин и что-то говорит рядом идущей сеньорите. Видимо, его тирада ее не

задела – ни ее, ни подруг: никто не заинтересовался, не остановился и не оставил свой номер телефона... Дилетант! Деликатнее надо быть с дамами, Нико! Женщины

продолжили свое путешествие, а мы сбросили темп.

Gruta – культовое сооружение посреди джунглей

Наша тропа тянется вдоль большой реки. В воздухе – приятная влажность. Мы подходим к месту, которое называется Gruta. Это культовое сооружение, органично вписавшееся в местный рельеф. В этом месте река огибает высокий утес. На этот утес со стороны нашей тропы ведет каменная лестница. На вершине утеса – смотровая площадка, в центре которой сделано некое подобие каплички – стоит домик (как будто игрушечный) из дикого камня, вход в который закрыт миниатюрными стеклянными воротами. Я заглядываю сквозь стекло и вижу внутри статуэтку

Девы Марии. Рядом с ней стоит горшочек с искусственными цветами. С двух сторон периметра смотровой площадки растут живые цветы. С площадки открывается впечатляющий вид на заросли бамбука и джунгли, стелящиеся по горным склонам, на реку, несущуюся бурным потоком у подножия утеса.

Я спускаюсь с утеса, и мы следуем дальше по тропе, уходящей немного в сторону от реки. Вскоре, мы входим в небольшое селение. Нико говорит, что где-то здесь живут его родственники, но у них в гостях он еще никогда(!) не был. Но не страшно – наша поговорка о госте, дававшему фору татарину, не для этих мест – нас везде хорошо принимают.

Нико осматривается и взглядом ищет взрослых, чтобы узнать, в какой хибаре живут его родственники. К нам выбегают детишки из ближайшего двора, становятся рядом и смотрят. Я для них – редкая экзотика. Я беру фотоаппарат и делаю несколько кадров девчушки в простеньком белом платье, обутой во вьетнамки от разных пар (да какое это имеет здесь значение?!). Ее младшие братья стоят рядом и весело переговариваются. Через минутку из дома показывается их мать. Женщина подходит к нам, и Нико спрашивает ее о своих родственниках. Оказывается, те живут чуть ли не в соседнем доме. Нико без промедления идет туда, а я пока не спешу – прошу сеньору позировать для меня. Женщина не возражает. Так и запомнилась она мне – простая крестьянка, мать четверых детей, беззаботно улыбающаяся на фоне бамбукового сарая... Хочется что-то еще сказать ей, но она английский не понимает. Вот дьявол! Я почему-то вспоминаю испанский и говорю ей, показывая на старшую дочь: «¡Esta bonita!» («Она красивая!»). Видимо есть какая-то аналогия между языками, потому что у сеньоры вдруг заблестели глаза, она обняла дочь и засмеялась.

Я оборачиваюсь и вижу, что Нико уже «на точке» - знакомится с родичами.

Женщина с детьми из Gelemara

Gelemara. Родственники Нико собираются угостить меня кулу

Я подхожу и здороваюсь. В семье родственников Нико шесть детей. Старшему мальчику лет пятнадцать, его старшим сестрам, навскидку, тринадцать и десять лет, остальным еще меньше. Со мной также пришла детвора, которую я только что закончил снимать на камеру, – соседи же!

Нико о чем-то беседует, а я осматриваю хозяйство. Да вот осматривать, собственно, и нечего – дом, рядом сарай, огород на склоне, тянущийся куда-то к реке. Единственный плюс – жилище расположено недалеко от воды на холме, река просматривается сквозь прибрежные заросли... Все выглядит очень бедно. Трудно даже предположить, на какие же средства существует эта семья?! Я задаю этот вопрос все знающему напарнику.

– Продают в городе то, что растет у них на огороде, – отвечает Нико.

...Ну, если это не какая-нибудь, блять, марихуана, то мне вообще с трудом представляется, что у них может расти такого, что приносит деньги!..

О, я замечаю нечто знакомое! У края двора, со стороны огорода, лежит на земле громадный фрукт. Сегодня мы проходили мимо большого дерева с такими же, необычными для меня плодами. Этот плод на местном языке называется кулу, он размером с тыкву, но зеленого цвета. Не хотелось бы, чтобы такое чудо природы упало на голову, как яблоко. Плод съедобный, и мне с ужасной силой захотелось его попробовать. Видя мой интерес, глава семейства что-то командует старшему сыну. Тот берет катану и направляется к фрукту.

- Ну что вы, не стоит, мне просто интересно – никогда не пробовал кулу! – говорю я.

Однако, хозяин полон решимости открыть для меня тайнство вкуса этого заморского фрукта. Его сын с профессионализмом охотника огромной

катаной снимает пупырчатую кожицу плода. Я заворожено наблюдаю. Нико шепчет мне, что этот паренек в следующем году заканчивает школу и хотел бы дальше учиться в городе, и еще, что он хотел бы профессионально играть в футбол..., но денег в семье на это нет... и все в таком духе.

Такая вот, сука, судьба! Что я могу сделать, Нико?! У меня есть немного денег в кармане, но создавать прецедент не хочется. Во-первых, это может быть оскорбительно для хозяев дома. Во-вторых, и это главное, стоит протянуть деньги, и я услышу еще не одну историю о мытарствах многочисленной родни.

Кулу готов к дегустации

Кулу очистили от шкурки за пару минут и порубили тут же на куски. Пробую. Вкус фрукта мне ничего не напоминает. Выраженного вкуса нет – не сочный, как редис, ничем не пахнет и нет послевкусия. Семена кулу в два раза больше фасоли и очень напоминают ее по вкусу в вареном виде. Детвора, стоящая вокруг нас, немного осторожничает. Я показываю жестом, чтобы не стеснялись, и малыши быстро растянули нарубленные кусочки.

Хозяйка спрашивает меня, будем ли мы «суп из зерен»? Звучит необычно – конечно, не откажемся! Согласиться на приглашение к столу в гостях – означает проявить уважение. Нас зовут пройти в дом.

За порогом дома – просторная и, в принципе, светлая прихожая-столовая. Стол, две широкие скамьи, пара стульев – что еще нужно для комфортной жизни?! На стенах – вырезки из газет, несколько плакатов, по-видимому, с последних выборов и несколько листов цветной рекламы каких-то медикаментов. Нам предлагают присесть. На столе стоит большая миска с ложкой и несколько чистых тарелок. Отдельно стоит небольшая мисочка с солью. В миске с ложкой насыпана еда – это емкость для нас двоих. Из нее черпаем в свои миски, кто сколько захочет.

К моему разочарованию, с нами есть никто не сел. Хозяйка с ребенком лет трех села с нами рядом. Наблюдает. Муж с детьми стоит в дверях. Еще дети просунулись в окно из улицы, и все смотрят на нас. Сейчас начнется шоу – белый дядя кушать будут! Я насыпаю похлебку себе в тарелку. Это очень простая еда, это не суп. Первое блюдо – это отвар из пяти или шести видов зерен в воде. Я вижу зерна кукурузы, фасоль, семена кулу, какие-то бобовые. Чтобы придать еде немного вкуса добавляю соль. Вот такая еда. Меню из одного блюда. Мы едим, а на нас неусыпно смотрят детишки. Не пойму я – то ли они голодные, то ли я – это «звезда» live-show? Пока мы трапезничаем, к нам подходит девочка лет трех, и Нико со своей ложки дает ей семя кулу. Девочка тут же отправляет его за щеку. Мама что-то говорит ей, наверное, чтобы та не мешала. Но чадо вошло во вкус и теперь поглядывает на меня. Я также выуживаю из миски семя кулу и даю девочке.

Нико в доме у родственников. Gelemara

Детвора из Gelemara. Прощальное фото.

Тут вмешался отец, и девочка была удалена из зоны досягаемости. После того, как мы абсолютно все съели, нам дали питьевую воду. Хотя и простая еда, но ее было много, и я наелся. Хозяйка молодец – нелегко принимать гостей, когда у самой дом полон детей, а до изобилия, как мне до Киева. И все же, нашлась еда, нашлось питье. Если надо было бы нам переночевать – уверен, и кров бы предоставили. Во истину – бедность делает сердца людей открытыми!

Мы снова на тропе. Дорога идет все время под уклон, поэтому идти легко. Воздух полон прохлады от шумящей неподалеку реки. Мы несколько раз переправляемся через небольшие горные речушки, которые пересекают наш путь. Нико в штанах и старается не подмочиться. Я не понимаю, почему бы ему не снять свои джинсы и без напряжения преодолевать водные преграды?! Ведь не с девушкой же он путешествует! Но нет, он все время выискивает узкие места и, с разбега перепрыгивая с камня на камень, каким-то чудом выходит сухим из реки. Просто какая-то маниакальная боязнь немного намочнуть! Я так не напрягаюсь. Я снимаю резиновые тапки и с размаха перебрасываю на противоположный берег. В одну руку беру камеру и приподнимаю. Дно реки устлано камнями, гладкими, но скользкими. Важно не упасть при переправе. Речки не глубокие – иногда вода чуть выше стопы, а порой и выше колена. Поток стремительно врзается в ноги. Ну и что с того, что шорты забрызгивает вода – в этом климате все быстро сохнет.

Одна из многочисленных горных рек на нашем пути

Тропа выводит нас на равнину. В этом месте многочисленные ручейки и речки соединяются в мощный стремительный поток. В месте, куда мы вышли, ширина русла реки достигает двух десятков метров. По берегу лежат огромного размера валуны, непонятно как попавшие сюда. К реке спускаются огороды – посадки касавы, кукурузы и фасоли. Людей не видно. Нам встречается только один смуглый мужчина, одетый в серую китайскую военную или тюремную спецовку

(иероглифы вышиты на рукаве) и орудующий каким-то колющим инструментом на огороде, в посадке молодой касавы. Он поднялся с колен, поприветствовал нас и долго смотрел нам вслед.

Впереди серьезное водное препятствие – Нико высоко закатывает штаны. Я снимаю тапки и беру в руку – тут широко разлилась река, и я не доброшу их до противоположного берега. Я проверяю, хорошо ли сидят на мне шорты, и потуже подтягиваю шнурок, на всякий случай. Мой гид тем временем приметил узкое место и начал переправу. Вода выше его колен, но навыков плавания не требуется – главное устоять на ногах. Я тоже начинаю движение. Переходить этот стремительный поток легче,

чем мне сразу показалось. Вода едва доходит до линии плавков. Я выхожу на противоположный берег и в восхищении от только что пережитого чего-то нового еще раз осматриваю этот живой переливающийся на солнце поток прохладной воды. Неожиданно для себя ниже по течению я вижу девушку – далеко от переправы, но со мной же камера! Темнокожая незнакомка решила уединиться и принять водные процедуры. Вот когда чувствуешь себя настоящим папарацци! Я почти автоматически делаю несколько снимков с большим зуммом. Отнюдь не Анжелина Джоли плещется у реки, но что-то манящее, все же, есть в сюжете «Нимфа у воды», что-то, что не позволяет оторвать взгляда. Девушка не замечает меня – откуда тут ждать подвоха... Горы, бурлящая река и джунгли, и даже эта девушка у речных камней, – все кажется естественным, частью природного ритма, одной из сказочных страниц истории, перевернув которую открываешь все новые детали жизни этой горной страны.

Речная нимфа

Нико успел взобраться на холм, мне тоже пора. Я обуваю тапки и начинаю подъем. Еще раз останавливаюсь и делаю кадр. Это был мой последний снимок «купающейся Афродиты»: держа фотоаппарат и продолжая оглядываться на реку, я не успел среагировать, когда нога моя, еще мокрая после переправы, предательски скользнула в резиновой тапочке, и я грохнулся на камни. Первая мысль – как там камера? (Боже – цела!!! Отче, спасибо тебе за маленькие радости в жизни!); вторая мысль – пора завязывать с шатенками и смотреть на дорогу! *Как болит нога, черт возьми!* Я прихрамывая пытаюсь догнать Нико. Он не понял, чего это я задержался. Мы идем вдоль реки, вскоре, еще раз ее переходим – река сильно петляет и разливается на большой площади по широкому устью, усеянному камнями разного размера.

Наш путь следует на холм, через небольшой лесок, затем, мы, практически без

Перед переправой на равнинной части горной реки

Арык на рисовые поля

остановки, проходим поселки Hohotino и Lodudu. В последнем есть медпункт и школа, что выделяет его на фоне остальных хуторов. Миновав эти небольшие поселения, снова выходим к реке. Здесь более-менее равнинная местность. От реки в нескольких десятках метров от переправы сделан водоотвод – арык на рисовые поля. Вдоль реки расположено обширное равнинное пространство с плодородными землями. Сейчас половина рисовых полей не залита, однако идти по ним все равно невозможно без риска оставить свою обувь в грязи. Мы идем по узкой дорожке между полями. Посредине этой дорожки стремительно течет ручей, питаемый водами горной реки. По обе стороны дороги пасутся буйволы. С левой стороны от нас есть какие-то поселения, но наша дорога проходит в стороне от них. По обе стороны долины возвышаются горы. На высоте 60 – 70 метров слева виднеется красивая церковь, но она в стороне от нашего маршрута. Справа от нас, по склону холма, проходит дорога Ermera – Gleno. Дороги нам не видно из-за зарослей, которыми обильно покрыт склон, но иногда слышен звук проезжающего грузовика.

Дорога между рисовых полей

Мы идем долго, кажется, что дорога тянется бесконечно, никто не встречается на пути. Иногда, к противоположной стороне рисового поля выбегают дети и что-то весело кричат. К счастью, к нам выходит какой-то мальчик лет двенадцати с банданой на голове, у которого Нико спрашивает дорогу на Gleno. Мы сворачиваем ближе к реке и еще минут десять идем вдоль воды. Вскоре, за поворотом реки возле берега мы видим группу девочек. У меня создается впечатление, что они тут сидят и ждут чего-то, потому что

одеты все по-праздничному. Как раз в этом месте нам нужно перейти довольно широкую и быструю реку. Течение здесь очень стремительное, в центре потока дна не видно. Мы немного походили вдоль берега, примериваясь, где лучше перейти: то в воду зайдем, то Нико штаны подкатит повыше, а то и камушек в воду закинем... Все это под веселые комментарии невольных свидетельниц нашего путешествия. Пока мы думаем, какой-то

Зрителей веселит, как два мужика ищут брод через реку

Горная река

парень с противоположного берега без проблем переходит реку, и вот тогда решаемся и мы...

Впереди – прямая дорога к Глено. Где начинается поселок, понятно только местному жителю: по дороге чаще встречаются дома, и вот уже идешь по дороге, где жилища стоят с обеих сторон. Встречаются дома чисто выкрашенные, украшенные цветами в горшках. Попадаются дома огороженные небольшим забором – это гостевые дома, о чем говорят вывески на английском – явно рассчитано на иностранцев. Это район Глено – Бугаса (Bugasa). Мы идем неспешно, природный ландшафт постепенно сменяется рукотворным. Останавливаемся около красивого двухэтажного дома. Двухэтажные дома в этой местности большая редкость! За красивыми коваными воротами виден чисто выметенный двор, выложенный бетонными плитами. У стен дома стоят цветы, справа – два больших генератора. На второй этаж со двора ведет лестница с коваными перилами тонкой работы. Двери комнат на втором этаже выходят на общий балкон, также украшенный цветами.

– Давай посмотрим поближе? – предлагает Нико.

Во дворе гостиницы двое местных ребят. Нико спрашивает, живут ли сейчас тут иностранцы? Ответ положительный. Я предлагаю подняться на второй этаж и глянуть на общую гостиную комнату – мне интересен уровень интерьера в гостевом доме.

В гостиной на втором этаже стоят два неплохих кожаных дивана, пара холодильников – один традиционный двухкамерный, другой для напитков, со стеклянной дверью; микроволновка, телевизор, бак на двадцать литров с питьевой водой, пара столиков со стеклянными крышками... Выглядит все довольно комфортно. После долгой

дороги хочется завалиться на кожаный диван, выпить чего-нибудь холодного и ...завести неторопливую беседу. Но вокруг никого нет. Пройдя немного по коридору-балкону второго этажа, я останавливаюсь перед приоткрытой дверью комнаты.

- Hello! Any body's here? – говорю я в проем двери.

Из дверей показывается женщина лет сорока пяти. Ее зовут Lia. Она отлично говорит по-английски, и мы долго общаемся. Женщина – из Португалии, живет в Глено уже полтора года. Правительство Восточного Тимора приглашает португальских учителей сюда работать, полностью покрывая расходы на проживание и трансферинг. Лия – преподаватель португальского языка – работает в местной школе (наверное, не такая это простая школа, если там работает учитель из-за океана!), учит языку, как учащихся, так и местных преподавателей. С ней работают еще три женщины-португалки, живущие тут же, но приехавшие в страну только несколько недель назад, с ними я познакомился несколько позже. Для Восточного Тимора Португалия что-то вроде «старшей сестры», принесшей на эту землю культуру, религию, основы государственности. Поэтому так важен португальский язык, этим объясняются и тесные религиозные контакты церковью (по ТВ частенько показывали визиты различных высоких эмиссаров из Португалии). С паспортом гражданина Восточного Тимора можно беспрепятственно приехать в Португалию, а значит, и в Евросоюз (бедность – единственное, по сути, препятствие для поездок на Континент). За полтора года, что Лия живет здесь, она побывала во многих местах по стране, понимает тетум, но не говорит, как сама призналась.

Мой рассказ о цели нашего пребывания на Тиморе ее удивил – не встречала она людей, преодолевших такие расстояния ради хобби. Удивляет ее и то, как я очутился в Глено?

– Мне интересно увидеть условия жизни людей в маленьких горных селениях, пообщаться и понять, как живут здесь. Мы путешествуем с десяти утра. Не будет ли у вас немного холодной воды попить? – спрашиваю я.

Нам тут же достают из холодильника по пластиковому стакану с герметично запаянной питьевой водой, подобно той, что давали в самолете (Да без проблем! Я уже знаю, как обращаться с этой штуковиной!).

– А как вы будете возвращаться в Эрмеру? Последний автобус выходит из Глено в 18.00. – говорит Лия.

– А что там со временем, уже поздно? – Я совсем не контролирую время, после стакана воды на меня вообще нахлынуло какое-то состояние блаженства и общего пофигизма.

Сейчас 17.40. Ну и ладно. Ясно, что мы никуда не успеваем, ну и зачем

Преподаватели из Португалии в гостинице района Бугаса, Глено (крайняя слева - Лия)

тогда торопиться! Мы благодарим за воду, и я делаю снимок на прощание. Для нас всех общим сюрпризом выглядит эта встреча. Ощущение почти такое, как будто повидался с земляками. С таким превосходным английским, как у Лии, языкового барьера не ощущается.

Мне кажется, что Нико стал немного обеспокоен, узнав, что на автобус мы точно опоздаем. Мы идем по улице, мимо нас иногда проносятся грузовики с мужчинами в кузове – возвращаются с работы. Солнце еще высоко, но уже не так палит. Идти стало даже приятнее. Я беззаботно иду и слушаю болтовню Нико о вариантах дальнейших действий. Он говорит, что если не будет автобуса, пойдем переночевать у его родственницы, живущей где-то в поселке в нескольких километрах от Глено. (Я соглашаюсь). ...Или можно попробовать поймать грузовик, идущий в Эрмеру... Мне даже понравилась идея заночевать у незнакомой тетки (она же не в избушке на курьих ножках живет?), где-нибудь на забытом богом хуторе, в бамбуковом домике, на циновке. Надо будет только предупредить Владимира, что все в порядке. Правда, в мыслях у меня было такое же пешее путешествие и в обратном направлении – по ночным джунглям я еще не гулял, но товарищ мой, видно, подустал. Наверное, и проголодался.

Вдруг Нико оживился, кричит кому-то впереди. Ну конечно – две девушки-студентки впереди по курсу. Такие себе местные «красные шапочки», идущие на пирожки к бабушке. Нико, ясное дело, на волка не смахивает, но ловить момент – это в его духе! Мой уставший было компаньон воспрял духом и подкатывает к девочкам, заключает их в свои дружеские объятия. *Что-то я не понял – что за фривольности с «сестрами»?!* А девушки-то и не против! Я здороваюсь со знакомыми Нико (человек знаком с половиной населения округа Эрмера, не меньше! Вторая половина – родственники). Мы немного мило беседуем и фотографируемся (Нико просит!). Позже, Нико скажет мне, что это подруги его девушки, живущей в Глено. Хорошие знакомые, короче говоря.

Через пятнадцать – двадцать минут мы почти в центре Глено. Мы куда-то идем, предположительно к автостанции. Проходим некую площадку, на которой одиноко стоит микролет, пустой и запертый. Водитель явно ушел надолго. *Это и есть автостанция?*

Знакомые Нико, встретившиеся нам по дороге в Глено

Неподалеку стоят непрезентабельные жилые домики, бегают какие-то детвора, сушится разноцветное белье на веревке, отбрасывая длинные тени. Солнце клонится к горизонту. Почему-то мы проходим мимо этой площадки для автобусов и направляемся к какому-то дому. Этот дом довольно странной постройки – с обшарпанными колоннами у входа, с невысоким крыльцом, выложенным белым кафелем. Двери нараспашку. На пороге стоят несколько пар «вьетнамок» – у входа принято разуваться. Окна

какие-то особенные – без стекол, на деревянном каркасе сделана решетка из тонких планок.

На крыльце дома стоят человек восемь парней и несколько девушек. Парень с гитарой сидит на крыльце и что-то играет, остальные слушают. Мы подходим к ребятам и здороваемся. Я не понимаю – что мы тут делаем?! Куда пришли?! Нико это, кажется, совсем не заботит, он говорит, что сейчас придет, и куда-то исчезает.

Я ни с кем не знаком, но молчать – еще более неловко. Поэтому – знакомимся. Я расспрашиваю, куда же я собственно попал (вопрос, наверное, звучит по-дурацки)? Надо же – ребята понимают по-английски. За время беседы, а продолжается она минут двадцать, собирается целая толпа подростков – человек пятнадцать. В процессе разговора выделяется одна девушка, навскидку, лет восемнадцати-двадцати, которая мне все рассказывает и показывает. Я попал в некое подобие интерната для тех, кто хочет освоить получше английский, в том числе, разговорный и пройти курсы подготовки по нескольким предметам (по математике, физике и др. на английском языке) для поступления в колледжи или в Университет в Дили. Сразу за входной дверью интерната идет небольшой коридор, в который выходят две двери, расположенные друг напротив друга. Коридорчик ведет в просторный холл, заставленный пластиковыми разноцветными стульями. На стене напротив входа висит большая школьная доска. По всему видно, что тут недавно учились. Девушка, с которой я беседую, и чье имя, к сожалению, не запомнил, является кем-то вроде заведующей этого заведения. Она неплохо говорит по-английски, практически все понимает, о чем я говорю. Студенты, которые присутствуют здесь, проходят подготовительные курсы в течение нескольких месяцев, тут же и живут.

– А где же живут эти ребята? – интересуюсь я.

Мне показывают на двери комнат, выходящих в коридор, – девочки спят в одной комнате, мальчики – в другой. Ребят больше, поэтому часть из них устраивается на ночь прямо в холле.

В гостях у студентов в Глено.

– Сколько человек спит в комнатах?

Девушка-заведующая поясняет, что девочек в комнате – двенадцать человек, а ребят в комнате напротив – шестнадцать.

Ого!! Как они там все помещаются?!

– Можно я посмотрю на комнату для мальчиков?

Мне без колебаний дают добро.

Окна с деревянными решетками, видные с улицы, – это как раз окна этой комнаты. Таким образом, в комнату есть постоянный доступ свежего воздуха, ведь спит в комнате немало людей. По периметру комнаты сделаны полки. На них стоят рюкзаки, обувь, лежат какие-то

тряпки, коробки, ковшики для туалетных процедур... Пол устлан матрасиками, дорожками, простыми подстилками. Тут спят. Стоит один стул. Кроватей нет – слишком большая роскошь при минимуме места.

Перефразируя бирманскую поговорку – «Буйвол хорош когда сыт, монах – когда худ, а девушка – когда замужем», можно сказать что-то вроде «Пастор хорош когда красноречив, учитель – когда португалец, студент – когда стремится выбиться в люди». А эти ребята, кажется, стараются выкарабкаться. Единственный шанс поступить в нормальное учебное заведение – это владеть португальским и/или английским, ведь учебники, да и преподавание, будут на этих языках.

Через полчаса откуда-то «нарисовывается» Нико – так же внезапно, как и исчез. Он говорит, что можно идти. *Кто бы сомневался!* Прощаемся. Мне понравилась беседа со студентами – только начала было возникать атмосфера тонкого контакта, когда после разговора следует что-то большее: приглашение на какой-нибудь там чай с булочками, ужин за общим «достарханом» или просмотр футбольного матча... а тут – бац! – финальный свисток, Нико пришел. Мы уходим, на счет ночлега тут ловить нечего. Плотность населения в интернате выше крыши, хотя... кто б отказался приютить путника?

Позже мой товарищ сообщил, что ходил к своей подруге, которая учится тут или живет поблизости, уж не помню...

Мы с Нико подходим к центральному рынку. Несмотря на позднее время, тут все еще полно торговцев. Нас не интересуют покупки, мы заходим в одну из забегаловок. Мне хочется пить, а Нико поест. В пропахшей выжаренным маслом «быстро» стоит три стола в ряд, занимая почти все пространство сего заведения. У некоего подобия барной стойки стоит продавщица и беседует с мужчиной, только что отобедавшим стандартным набором блюд, доступных в столь поздний час. За витриной на тарелочках выложены кулинарные изыски базарной забегаловки – жареная ножка цыпленка-дистрофика, салат из стеблей, что-то вроде отбивной, две жареных худеньких рыбки величиной с ладошку (последние на сегодня!)... Пить ничего нет, разумеется, кроме воды. Мы зашли еще в пару забегаловок на этом базаре в поисках кофе (для меня), но выпить нигде не нашлось, и мы вернулись в первый генделык. Тут можно хотя бы перекусить.

Спрашиваю Нико, и заказываю ему рис с мясом и салат из побегов. Себе – то же, но без мяса (там не мясо курицы, а кости да шкура). Выходит что-то вроде трех с половиной зеленых. Говорю Нико, что я заплачу, чтоб он ел спокойно и не напрягался насчет денег. Нам принесли две тарелки с горой риса и отдельно тарелочки с травяной приправой-салатом. Еще – по стакану теплой воды. Я резво соединяю вместе рис и салат – получается очень пресно.

– Сеньора, вы можете принести соль? – обращаюсь я к женщине за витриной.

– Соль закончилась, извините, – сообщает та.

Ну что еще стоило ожидать?! Это же почти конец рабочего дня. Еды вообще могло не остаться. Когда по-настоящему хочется есть, такое мелкое неудобство, как отсутствие

соли, аппетита не портит. К столу подходит здоровенная уличная собака (дверь на улицу отсутствует, заведение расположено в ряду ларьков, похожих на «гаражи» без ворот) и смотрит, то на меня, то на Нико просящим взглядом. Нико швыряет ей кости от курицы, мне дать псине нечего. Мы поели, а риса осталось в тарелках еще много.

Куда идти? На улице вечереет, и продавцы начинают прятать товар с уличных столиков и подстилок. Мы медленно плетемся с базара проч. Переходим дорогу и останавливаемся возле бордюра, куда вроде бы, теоретически, может подъехать рейсовый автобус на Эрмеру. Ждем минут пять – ничего. Медленно проезжает большой грузовик с мужиками в кузове. Нико тормозит машину и спрашивает, куда те направляются. Не везет – едут только полдороги до Эрмера и, затем, куда-то сворачивают. Вторая остановленная машина также едет в другом направлении. Мы медленно идем по дороге на выезд из Глено. Недавний ужин успокоил желудки, а остальные проблемы не столь выражены. Все нормально!

- А что если пойти пешком в Эрмеру – два часа нам хватит? – подтруниваю я Нико.

Тот отрицательно качает головой. Он не ходил. Путешествие по ночной дороге в горах похоже на безумство.

На выходе из Глено расположена какая-то кафешка (на Бали такое заведение, как правило, семейный бизнес, называется «варунг» – место для перекуса по демократическим ценам). Возле забегаловки на лавочках сидят четыре мужика. В ком-то из них Нико узнает родственника или знакомого. Он подходит к мужчине лет пятидесяти, здоровается и целует руку (знак уважения). Он долго беседует с ним о чем-то. Я понимаю только, что он спрашивает о номерах телефонов. Я интересовался у Нико перед этим, есть ли у него телефон сеньора Абилю, хозяина нашего приюта, чтоб дать знать о нашей ситуации. И вот телефон получен! Чудеса просто какие-то! Кто б мог предположить, что просто на улице другого поселка, находящегося в часе езды от Эрмера, можно встретить человека, знающего абу Абилю?!

Минут через пятнадцать, наговорившись со своим дядькой, Нико сообщает мне, что стоит вернуться и немного подождать у автобусной остановки: автобус, хоть и маловероятно, но может подойти. Плетемся в обратном направлении к центру Глено. Нико говорит, что на телефоне у него нет денег для звонка. «Пульса» - так называется карточка пополнения счета - стоит доллар.

- Нет проблем, пойдем купим.

В магазине «тысяча мелочей», где продается буквально все – от стирального порошка до дешевых моделей телефонов, – покупаем карточку. Мобильная связь дорога – минута стоит около двадцати центов. Нико тут же звонит себе домой, поговорив пару минут, делает еще один звонок с Абилю. Дозвонился. Сообщил. Пытается ему что-то разъяснить, тот, видимо, не понимает... И деньги на телефоне снова заканчиваются. Новая «пульса» дает нам еще пять минут. Как бы там ни было, сообщение от нас передано.

Сидим у края дороги на покалеченном дорожном ограждении. Темнеет. Обнадеживает только то, что рядом с нами также ждут автобуса еще человек семь. К нам

подкатывает мотоцикл, хозяин тачки предлагает присоединиться к нему: здесь принято брать попутчика – едешь не просто так, а еще и деньги зарабатываешь. Девушка, сидевшая рядом со мной, не выдержала и пошла к мотоциклу. Ей тут же был вручен шлем; надев его, девушка бойко села позади горного гонщика, и спустя несколько мгновений железный конь растворился в сумерках.

В тот вечер нам повезло – когда Глено практически полностью погрузился в ночь, подъехал микролет. Я с Нико сели на переднее сиденье рядом с водителем. Прочая братия с остановки разместились в салоне. Не столь много пассажиров – на подножке никто не висит. Тесно. Я едва умещаюсь между стройным напарником и рычагом переключения скоростей. Поездку скрашивает музыка. Мы едем по абсолютно темной дороге, проходящей по горным склонам. Свет прожекторов выхватывают дорогу в нескольких метрах от кабины. Нико развлекает себя просмотром фотографий на моей камере. Ему очень понравились кадры с купания незнакомки у реки (он-то ее не видел!), стоившие мне нескольких неприятных мгновений на каменистом подъеме и ссадин на руках и ногах. Нико что-то весело говорит землякам в салоне и показывает понравившиеся кадры. Оттуда доносятся одобрительные возгласы. *Ну, что дети малые!*

Автобус приехал в Эрмеру около восьми вечера. Темно и поселок вымер. Мы оба с облегчением вываливаемся из миниатюрной кабины. Поездка в столь компактном салоне, в положении почти интимной близости, не вызывает всплеска адреналина, хочется размять затекшие члены. Но это лишь малая плата за весь день впечатлений и открытий, за возможность почувствовать запах джунглей, прохладу горного источника, – за настоящий вкус жизни.

Доктора! Доктора!

*Спросил я: "Старый, старый дед,
Чем ты живешь? На что?"
Но проскочил его ответ,
Как пыль сквозь решето.*

*– Ловлю я бабочек больших
На берегу реки,
Потом я делаю из них
Блины и пирожки
И продаю их морякам –
Три штуки на пятак.
И, в общем, с горем пополам.
Справляюсь кое-как.*

Льюис Кэрролл.
Алиса в Зазеркалье

Если вам вдруг стало плохо, вы идете к доктору. А что делать, если вам хорошо, а хочется еще лучше? Не позвать ли доктора к себе домой?

Так случилось, что среди нас был врач – Ира, жена Владимира. Ее помощь в борьбе с моими солнечными ожогами, полученными от неосторожного купания на пляже Changhhu, была очень кстати. Лично я в путешествии полагался на лейкопластырь, перекись, баночку медицинского спирта и таблетки от диареи, которые припас перед поездкой. Станный набор, не правда ли? Мне сказали, что лейкопластырем я смогу

заклеивать неизвестно как полученные раны, промыв их перекисью. Спирт... не для поднятия настроения путем приема во внутрь, нет. Спирт мне рекомендовали для омовения рук перед приемом пищи: зараза, мол, в тех краях очень цепкая, только спиртом и можно смыть. Ну а таблетки – для приведения желудка в норму, если вздумает шалить.

Ира возила с собой некий запас эффективных пилюль и мази, необходимых в дороге. Пару таблеток, извлеченных ею из своей аптечки, остановили за пару часов как-то начавшийся было у меня приступ насморка. Спасибо тебе, Ира!

Шли первые дни нашего пребывания в Эрмере. Мы только установили антенны, и помощь Нико была, несомненно, существенна. Мы не платили денег – помогают ведь не ради денег?! А парню хотелось заработать, и нет в том ничего предосудительного. Как донести эту мысль до приезжих европейцев? Попытки предпринимались, и мне они показались интересными, хотя Влад сказал – обычная схема действий... Ему виднее.

В итоге, мы с Ирой идем по вечерней улице Эрмера в сопровождении Нико к нему в дом. Мне любопытно все, что происходит, к тому же, есть возможность поближе увидеть быт обычной семьи из Эрмера. Иру же, как врача, попросили осмотреть младшего брата Нико. По словам нашего англоговорящего знакомого, его брат заболел пару дней назад – не ест, не пьет, перестал играть – короче, ведет себя необычайно тихо.

Просьба прийти и осмотреть брата была повторена несколько раз, и я проникся. Влад, однако, махнул рукой – мол, симуляция недуга лишь с целью разжалобить и, по возможности, развести на бабки. Видели такое неоднократно!.. *А если нет?* Хотя мысль Влада вполне понятна: мотив финансовый есть у парня. Сразу после установки антенн от Нико последовало предложение взять его в качестве ночного сторожа – ходят, мол, тут ночью всякие, замышляют мысли черные – как бы навредить, испортить, украсть... Короче, антенны охранять надо! Нам смешно, а он говорил вполне серьезно.

Подходил еще Нико к Владу с просьбой оказать, по-возможности, финансовое содействие для поступления на учебу в Дили. Говорил, что страстно желает учиться, а денег нет... Только очень сомнительна искренность этих слов: не так ищут финансовую поддержку, не у нас надо выбивать гранты на образование. После этого, через пару дней, звучит вот эта просьба осмотреть больного брата. Что тут еще подумаешь?..

Мы втроем идем по уже знакомой улице к хибаре, где живет семья Нико: мать, отец, братья и сестры. В поселке уже смеркается, и на улице почти нет народа. Этот вечер Эрмера будет без электричества. Входим в дом. Дом стоит на бетонном цоколе, все стены, однако, сделаны из металлического шифера, закрепленного на деревянном каркасе. Пол сделан из какой-то битумной стяжки. По обе стороны от входной двери холла-прихожей стоят ужасного вида просиженное черное кресло и такой же, уставший от жизни, диванчик. Между ними, посреди холла, стоит маленький журнальный столик. У стены за креслом – искусственная елочка (ожидает прихода очередного Нового года) и гитара. На старом шкафу, возле кресла, стоят телевизор и музыкальная аппаратура, бесполезные на сегодняшний вечер. На стенах красуются несколько несвежего вида плакатов актеров и футболистов. На диванчике сидят три-четыре человека. Чем тут занимались до нашего прихода не очень понятно – в помещении полумрак, семь часов вечера. Как тут можно кого-то осмотреть?!

Осмотр больного.

ответа нет. Температуры вроде нет, но ее никто и не мерил. Что можно сделать в полумраке с фонариком в руке?! Ира просит ложку для того, чтобы заглянуть в горло.

– У мальчика стоматит – вся слизистая рта в мелких язвочках. Не удивительно, что он отказывается есть обычную пищу, – говорит Ира. – Его надо отвезти в медпункт для осмотра и сдачи анализов...

Все это сообщается Нико, он понимающе кивает. Ира дает несколько обычных и понятных рекомендаций – мыть руки перед едой, давать негрубую нежирную пищу, чтобы нормализовать аппетит. На вопрос, почему мальчика до сих пор не отвели в медпункт (Saudi center), нет ответа – просто не отвели и все... В этой ситуации давать какие-то лекарства опасно – надо точно определить причину недуга. Больше ничем, к сожалению, помочь нельзя...

Я прошу разрешения и делаю несколько фото интерьера дома. От увиденного начинаешь понимать реальный смысл слов «трущобы», «нужда», «безысходность».

Одна из комнат в доме Нико – место приема пищи

– Нико, где же больной?

Оказывается, мальчик уже спит или близок к тому... Несколько человек занялись светом, и через минуту холл освещает дребезжащее пламя свечи. Для Иры принесли большой фонарь. Принесли и мальчика лет восьми, уложили на диван в холле. Мне показалось, что пацана разбудили: он щурит глаза и что-то говорит сонным голосом. Ира начала осмотр, а я включаю вспышку фотоаппарата на зарядку. Ира проводит визуальный осмотр, пальпирует живот. Неприятных ощущений у ребенка это не вызывает. Дело не в желудке? Просит спросить у мальчика, на что тот жалуется, но вразумительного

ответа нет. Температуры вроде нет, но ее никто и не мерил. Что можно сделать в полумраке с фонариком в руке?! Ира просит ложку для того, чтобы заглянуть в горло.

– У мальчика стоматит – вся слизистая рта в мелких язвочках. Не удивительно, что он отказывается есть обычную пищу, – говорит Ира. – Его надо отвезти в медпункт для осмотра и сдачи анализов...

Все это сообщается Нико, он понимающе кивает. Ира дает несколько обычных и понятных рекомендаций – мыть руки перед едой, давать негрубую нежирную пищу, чтобы нормализовать аппетит. На вопрос, почему мальчика до сих пор не отвели в медпункт (Saudi center), нет ответа – просто не отвели и все... В этой ситуации давать какие-то лекарства опасно – надо точно определить причину недуга. Больше ничем, к сожалению, помочь нельзя...

Я прошу разрешения и делаю несколько фото интерьера дома. От увиденного начинаешь понимать реальный смысл слов «трущобы», «нужда», «безысходность». Стены между комнатами в доме сделаны из шифера и фанеры. Мебель в нашем понимании этого слова отсутствует. Кроме кресел в холле, я вижу только несколько лавок, пару низеньких столов, укрытых скатертями. Шкафы больше похожи на прилично поношенные деревянные ящики, оконные проемы заставлены каким-то перфорированным картоном и занавешены куском материи. Возле одной из стен стоит затертое зеркало в половину моего роста – все-таки в доме есть женщины. Спальные комнаты – следующие, за занавеской, но туда я не иду, думаю, не нужно этого делать... Как можно жить ТАК?! Жить, учиться, спать

Брат и сестры Нико у входа в жилище.
Больной малыш (на фото держит оружие)
«ожил» через пару дней после нашего
визита

и дышать? Какой контраст с красотой
окружающих гор!

...Через два дня я спросил у Нико,
водили ли малыша в медпункт,
расположенный в пяти минутах ходьбы от
нашего жилища.

– Нет, не водили. У него и так все прошло, –
был ответ старшего брата.

Такой ответ заставляет поверить словам
Влада... Что толкает людей спекулировать
на здоровье своего брата/сына? – Только
нужда, значительность которой многим из
нас, пресыщенным сомнительными благами
цивилизации, несомненно, не понять.

* * *

Семья Бабу

*"Ну что ж, ничего, – подумала она, – ведь из него мог
выйти очень противный мальчишка. А так получился очень
симпатичный поросенок!" И Алиса стала вспоминать других
знакомых детей, из которых могли бы выйти развеликолепные
поросята, и уже говорила про себя: "Вот бы только узнать
такое средство, чтобы превратить их..." "*

Льюис Кэрролл.
Алиса в Стране Чудес

Бабу, со слов Нико, очень распространенная фамилия в поселке. Нико – Бабу, сеньор Абилю и его семья – Бабу. Такая простая вот фамилия, когда-то расплзшаяся по поселку и окрестностям. Нико и семья с. Абилю – родственники. Возможно, не близкие, но все же. Я вначале не замечал этого, только странно было для меня, что парень, только что помогший нам с антеннами, так легко входит в дом, где мы поселились. Нико в первое время приходил по утрам, хозяйка же наша без проблем накрывала стол на четвертого человека.

В семье, где мы живем, чувствуется иерархия отношений: глава семейства уважаемый человек, почитаемый детьми. Дети воспитаны в уважении к старшим. Однажды я разговаривал с сеньором в холле, а мимо нас проходил его сын. Поравнявшись с нами, он сделал жест рукой – немного опустил руку вдоль бедра с нашей стороны и в

движении слегка поклонился, прошел мимо с опущенными глазами. Я подумал, что мне показалось. Однако вскоре я увидел тот же жест, явно предназначенный для меня – никого больше не было в холле. Такой вот знак уважения к старшим.

На стенах холла висят несколько фотографий хозяина семейства – тут он с женой в свадебном платье, а там фото с торжественной официальной церемонии – своеобразный мини культ личности в рамках семьи. Есть фото Майи с мужем и фото первого сына семьи с. Абилю... В комнате, где я живу, много фото Сони. С ней я познакомился несколько позже – она приехала после учебы на каникулы.

Соня

Так получилось, что больше всего мне рассказывали о Майе – это первый ребенок в семье. Сейчас у нее своя семья в Дили, она работает переводчиком в Министерстве сельского хозяйства. Рассказывал ее брат – Аде – единственный человек, который неплохо говорит по-английски в семье Бабу (разумеется, я не беру в расчет старшую сестру, которую я видел только на фото). Пока Влад разгребал пайл-ап поздним вечером, мы общались с ним часа два... Аде вернулся недавно из Индонезии, где учился в архитектурном вузе, отсюда и приличный английский.

Три сестры, Соня, Азиза и Карла, очень стеснительные. Мне стоило определенного труда разговорить Соню и Карлу. Соне около шестнадцати лет, она учится на медсестру где-то за пределами Эрмера. Мы как-то стояли вечером возле церкви и разговаривали просто о чем в голову взбредет. Достойна уважения ее попытка говорить на английском, она меня удивила. Перед этим я пытался поговорить с ее младшими братьями, но те и предложения не могли связать, скорее, и меня не понимали... Во время разговора Карла стояла рядом и, как-будто, в беседе не участвовала. Однако, когда сестра запиналась на каком-то слове, подсказывала. Карле двенадцать и она первый год в средней школе. Из разговора я понял, что, хотя английский и преподают, предмету никто особого внимания не уделяет.

Карлу я часто встречал на заднем дворе, где она – обычное дело – сидя на корточках перед пластиковым тазом, стирала свою одежду. Стирала с регулярностью раз в два дня. Что-то особенное есть в том, что дети в таком юном возрасте выполняют вполне серьезную домашнюю работу. Значит, правильно расставлены акценты, значит, механизм в семье хорошо смазан и часики тикают. Хочешь носить белую школьную форму – стирай регулярно.

Азиза – старшая из сестер, живущих в данный момент в доме. Какая-то серьезная и, как мне показалось, немного грустная девушка лет семнадцати. Она не хотела, чтобы ее снимали на камеру, и я не стал. Лишь спустя несколько дней ее позиция стала мягче. Азиза появилась в доме уже под финал нашего пребывания в Эрмере, поэтому времени познакомиться поближе не было. Но я честно пытался. С самого начала меня смущало то, что обитатели дома как бы прячутся от нас: мы живем в двух лучших комнатах в доме,

Азиза и Асоко

плюс в холле едим и даже делаем перестановки мебели на свой лад. Хозяйева при этом появляются как бы невзначай, проходя по холлу из одного крыла дома в другой. Или накрывают на стол и тут же исчезают. Я много раз пытался объяснить, что нас не будет смущать их присутствие в холле, например, когда мы ужинаем. Я просил их также ужинать в холле за большим столом, а не в кухоньке, отделенной от холла ширмочкой, за маленьким столиком возле мусорного ведра – это мы в гостях! Или даже уговаривал присоединиться к нам за столом! На мои уговоры разделить трапезу Асоко, сын сеньора Абилю, улыбаясь во весь рот белоснежной улыбкой, сказал, что это проявление уважения с их стороны, что они не могут позволить себе присоединиться к нашей компании. Просто не могут! Сеньор Абилю просто улыбался и что-то тихонько сказав, предпочитал удалиться. Хозяйка дома по-английски не говорит вообще.

Влад на мои попытки только кинул реплику – мол, зря стараешься, в местной традиции укоренился шаблон колониальных отношений – «белый господин - челядь» – и ничего с этим не сделаешь. Я, пожалуй, согласен с этим: лишь один раз мои попытки увенчались успехом, но об этом – ниже.

Еду для нас готовил Асоко. Его настоящее имя – Бетиньо – при мне прозвучало лишь несколько раз. «Асоко» мне нравится больше. Все вопросы по дому, по кухне, по всему, что могло заинтересовать меня – это к нему. Его английский далек от совершенства, поэтому выражаться надо максимально просто. Я обратил внимание, что если Асоко не понимает суть моего вопроса, он не переспрашивает, а отвечает утвердительно. Можно задать тот же вопрос в отрицательном наклонении и все равно получишь утвердительный ответ. Имеешь в итоге два утвердительных ответа на взаимоисключающие утверждения. Выбирай любой! Из-за этого у меня возникала путаница, и я, поняв это, старался уточнить информацию у Нико, если возможно.

Готовит Асоко, стоит признать, довольно хорошо. Также хорошо он следит, чтобы мы ни в чем не нуждались: чай нам надо – минуточку! Поесте желаете? – Сейчас приготовлю! (Хотя, плотно мы ели только вечером). Вставал он рано, нам никогда не доводилось ждать или просить подать завтрак – Асоко сам предлагал, и, поскольку утром Влад сидел в pile-up, а я до 8.30 – 9.00 отсыпался после ночного бдения, завтрак заботливо ставили на убраный скатертью стол и накрывали посуду салфеткой. Чайный сервис уже расставлен, а сам чай приносят по первому требованию, когда я после туалетных процедур и с еще не в полной мере включившимися в работу органами чувств, приплетаюсь к столу в надежде взбодриться чаем. Ира терпеливо ждет нас, коротая время с айподом. Если есть зовущие станции в эфире, Влад никогда не бросает (работа до последнего зовущего!) и я завтракаю с Ириной. Затем Ира уходит поработать в RTTY по

просьбе мужа, а Влад присоединяется ко мне. На завтрак у нас бывают всякие приятные неожиданности, помимо свежих хлебных булочек, купленных этим утром, яичницы и салата. Иногда бывают жареные ломтики плода хлебного дерева – и вправду, чем-то напоминающие хлеб с картофелем. Иногда бывает вареная кукуруза или жареные семена молодой кукурузы. Несколько раз у нас на столе появлялись бананы. Несколько раз мы наслаждались ананасовым джемом, который очень хорошо шел в паре с душистыми хлебными шариками.

Я как-то вслух восхищался случайно увиденным на кухне помолотым маленьким острым перцем, от огня которого просто крышу сносит, хотя я к таким делам привычный. Услышав это и желая сделать мне приятно, абу Абилю на следующий день привез литровую банку этого перца, купленную на рынке Глено, куда он ездит на работу (красная или зеленая перчинка размером 15 миллиметров, литровая банка стоит 1\$). Асоко потолок для меня «навеску» этого зелья, я добавил кетчупа, купленного в магазине, и получился острейший соус, который мне когда-либо приходилось пробовать. Мы завтракаем, и я смело добавляю пол чайной ложки улетного соуса на бутерброд с яичницей. *Wow! Во как зацепило!!! Дышать трудно!* Ира и Влад тоже пробуют, но в более скромных дозах. Мне нравится такая приправа, но много я ее не съем, это точно!.. Видимо, я немного переоценил свои способности – на следующий день взбунтовался желудок, и его пришлось успокаивать заранее привезенными пилюлями.

Вообще в доме поддерживался определенный порядок – Асоко выполнял всю домашнюю работу, сестры тоже помогали, когда были дома. Вечером, для того из нас, кто шел мыться первым, в «банной комнате» (прихожая со стороны входа с заднего двора) всегда наготове стояло ведро с водой. В туалете и в холле дома вечерами всегда оставляли горящие свечи для нашего удобства. Процедура накрытия на стол – отдельная тема. Мы как будто попали в филиал ресторана: стол, накрытый белой скатертью, сервируется, салфетница каждый вечер пополняется новыми салфетками, блюда всегда свежеприготовленны (хранить-то негде!). Мне нравится в этой семье. Все дружелюбны.

– Я думаю, это тоже заложат в цену, когда подойдет время подвести черту, – шутит Влад.

Сидя дождливым днем в холле я, скучая, решил развлечь Асоко и его братьев и сестер показом фото, которых к тому времени на компьютере накопилось огромное количество. После продолжительного просмотра, Асоко достал шесть или семь семейных альбомов и я погрузился в иллюстрированную историю семьи Бабу. Асоко комментировал. Я про себя отметил, что старшая дочь Майа весьма симпатична – вот она в школе, вот в эмиграции в Австралии, куда вся семья Бабу была вынуждена перебраться на год или два из-за военных действий в стране, а вот она со студентами... вот замуж выходит... История, конечно же, не окончена. Английскому научилась в Австралии.

- А почему вы не остались в Австралии? - спрашиваю я.

- Австралия принимала беженцев из Тимора в специально созданную резервацию, вдали от городов. Там, в лагере беженцев, организовали больницы, школы, питание. Но после нормализации обстановки на Тиморе всех приехавших отправили на Родину. Никакого статуса, вида на жительство Австралия не предоставляла. Какой стране нужны чужие проблемы?!

* * *

Наше пребывание в Эрмере близилось к завершению. Для полной гаммы впечатлений Влад хочет показать мне, как активируется ИОТА, и я предвкушаю поездку с некоторыми элементами экстрима. Заранее ведь ничего не подготовлено! И иначе не может быть – это в стиле WHX, это подразумевает работу с местным населением и отсутствие каких-либо гарантий, брони, сроков. Все решения принимаются здесь и сейчас, это интересно.

Возле Дили, через пролив шириной километров тридцать, находится остров Атауро. Нам туда. Для мини-путешествия необходима одна неделя, чтобы неторопливо собрать рюкзаки, найти лодку и иметь дня четыре на острове... Как все будет выглядеть, пока никто не знает. Владимир несколько раз в разговоре с Сашей просил его разузнать насчет лодки у знакомого рыбака. Твердого ответа от Васкеса (рыбака) нет – может поедет, а может и нет. Эти рыбаки такие непредсказуемые! Все будет решаться при личном контакте. Поэтому в данный момент наши планы – это только планы. Хорошая новость состоит в том, что визу в посольстве мне дали, и не надо тратить время на формальности. По словам Саши, пришлось переделывать мои заранее сделанные в Украине фото на анкету. В посольстве требуют фото на красном фоне. (Защита от ксерокопирования?) Что поделать, нравится им пролетарский цвет!

По нашим прикидкам, нам необходимо собираться в обратную дорогу через несколько дней. Эту радостную новость мы донесли до наших радушных хозяев, и я сообщил Нико. Мы знаем дату отъезда – это то небольшое, что решено твердо. Не хочется уезжать отсюда. Эрмера – удивительное место с благоприятным для человека горным микроклиматом.

Итак, решение принято. Едем на остров. Впереди еще пара дней в этом горном оазисе – несколько суток на решение текущих вопросов, несколько часов на pile-up, несколько мгновений на прощание...

Стрельба по «петухам»

*- ...Взгляни-ка на дорогу! Кого ты там видишь?
- Никого, - сказала Алиса.
- Мне бы такое зрение! - заметил Король с завистью. -
Увидеть Никого! Да еще на таком расстоянии!*

Льюис Кэрролл.
Алиса в Зазеркалье

Текущие вопросы... Они всегда возникают тогда и в тот момент, когда все, казалось бы, решено. Тут и требуется опыт путешественника, коим обладает мой спутник. Нам предстоит решить основной вопрос – где взять лодку. С этой проблемой связан вопрос с генератором. Не известно заранее, будет ли электричество на острове в той точке, где предполагается высадка. Поэтому пока мы не знаем, брать ли на остров генератор. А от этого зависит, как договариваться с владельцем баркаса. Об этих вопросах начинаешь думать еще в Эрмере. Нико «все знает», и вопросы об Атауро и о лодке, в

первую очередь, к нему. Нико сказал, что на острове был (давно), и знает человека в поселке, который недавно вернулся оттуда. Отлично! Моя миссия – найти этого человека и поговорить с ним.

- Переговоры за тобой, - говорит Влад. – Ты тесно общаешься с Нико, ну а теперь время пообщаться с местным населением. Только возьми бумагу, чтобы зарисовать карту острова с поселками, записать «явки» и имена рыбаков, если они прозвучат.

Есть такая компьютерная игра – «Mogchooh», - в которую я иногда баловался в студенческом общежитии. Включаешь ее, и весь излишек времени, если такой имелся, уходит на погоню за постоянно возникающими кукарекающими и кудахкающими петухами, проносящимися по экрану. Стреляешь по ним до тех пор, пока не истечет сеанс игры. Тут же начинается следующая игра... и все повторяется. За этим примитивным занятием может пройти час или два... Отрываешься от погони за летающими курами и думаешь – а чем ты лучше этих дурных птичек? ... Не заняться ли лучше приготовлением какой-нибудь еды?

Наши потуги по поиску лодочника чем-то напоминали охоту за призраками, которые возникают то тут, то там. Впрочем, кое-какую информацию для предстоящей поездки мы собрал, что тоже неплохо. Например, в ходе активной работы с местным населением вскоре выяснилось, что старший сын сеньора Абилю работал где-то в юго-восточной части острова. В течение длительных переговоров с участием Асоко (длительных – потому что трудно добиться информации от человека, все время дающего утвердительные ответы и путающего название горной вершины на острове с поселком) и пары звонков сыну главы семейства Бабу, живущему в столице, вырисовывается следующая картина. Централизовано электричество подается только в самые крупные поселки на восточном побережье в течение нескольких часов. Большая часть рыбацких поселков не имеет электричества. Сообщение с удаленными поселками преимущественно по воде. Паром на остров ходит только в субботу и воскресенье утром, цена билета невысока, что-то около пяти долларов. Этот вариант нам не подходит – для нас поздно, потеряем пару дней. Можно также заказать водное такси, этот сервис принадлежит святому отцу – священнику-бизнесмену с Атауро. Цена лодки 35\$ с человека. На острове можно также нанять такси – бизнес того же служителя церкви. Но стоит это также недешево. Центральную часть острова занимает гора, пик которой высотой около 1000 метров хорошо виден с набережной Дили. Перемещаться по острову пешком, да еще и с генератором, не лучший вариант. Поэтому, единственный подходящий маршрут – прибытие в требуемый пункт лодкой. Брать ли генератор? Такой габаритный агрегат, как наш, занимает много места и весит под сто килограмм. После продолжительных размышлений приходим к выводу, что брать источник питания надо. Надеяться на местных жителей рискованно в плане радио – для нас ситуация на месте полнейшее terra incognita...

Я вооружился тетрадкой, которую мне дал Влад, и мы с Нико идем на встречу с «человеком из Атауро». Идти далеко не пришлось: центральная улица, первый дом справа от церкви. В этом доме непонятного назначения всегда тусуются какие-то личности, не обремененные работой. Так, во всяком случае, мне кажется. На крыльце и веранде стоят, сидят, ходят человек десять. Нико спрашивает нужного человека. Мы проходим в дом и

попадаем в практически пустую комнату. В комнату входит мужичек средних лет, к нам из любопытства подходит еще пара ребят. Где-то находятся два стула, я и сеньор с острова присаживаемся. Общаемся через переводчика. Информация, полученная ранее, в основном, подтверждается. Я лишь уточняю, куда следует паром и как нам лучше добраться до северной оконечности острова. Там, в нашем представлении, направление на Европу не перекрыто горным массивом, что и требуется для успеха экспедиции. На севере Атауро расположено два поселка – Акрема и Фату’у. Мой собеседник не был в тех местах, и дать информацию о ситуации в этих поселках не может. Говорит, что местные передвигаются между поселками по морю. Он знает каких-то рыбаков, плавающих из Дили на остров. Я рисую карту острова и наношу на нее поселки на побережье с приблизительным расстоянием между ними. Это необходимо для оценки затрат на путешествие по земле, если мы остановимся на этом варианте. Я записываю номера мобильных двух рыбаков: есть надежда договориться о лодке и цене загодя. Уже кое-что. Спасибо, дорогой человек!

Я возвращаюсь с Нико. Он вот уже в который раз рассказывает, как хорошо будет нам, если возьмем его с собой на остров – он был на острове однажды, и знает куда подъехать, чтобы договориться о лодке, и помогать будет всячески в дороге... Я, конечно, не против, если мои спутники согласны. Нам предстоит много общаться по телефону и вживую с рыбаками, которые, будьте уверены, не знают английского. Мы планируем высадку в очень уединенном месте на острове, где языковой барьер станет вовсе не призрачной проблемой.

Нико, в очередной раз, поднимает вопрос о своих финансовых трудностях... Я молчу. Я лишь говорю, что если возьмем его, о дорожных расходах он может не беспокоиться.

- ОК, давай подумаем, но, скорее всего, возьмем, - сказал Влад, когда я передал ему пожелания Нико. – Нам надо бы платить ему посуточно, если берем его в качестве помощника и переводчика. Скажем, пять долларов в день. Плюс, оплачиваем его дорогу.

Мы сейчас не знаем, как договоримся с рыбаком, и будет ли это плата за лодку или за каждого пассажира в отдельности. В конце концов, решаем взять Нико в Дили, а там, исходя из результатов поиска лодки, решить, что делать дальше – брать ли парня с собой или обходиться собственными силами. Вот только есть для него одно условие – в Дили Нико придется искать ночлег самостоятельно – мы сами находимся в гостях у офицеров ООН. Их служебная инструкция запрещает приводить в дом или садить в машину представителей местного населения. Это меры безопасности. Эти предосторожности понятны, никто из нас по-другому и не думает. (В машине мы, конечно, ездили, но Саша возил нас на свой страх и риск.)

Нико согласен. У него есть знакомые или друзья в столице.

- Не думай, что такое отношение из-за цвета кожи или чувства превосходства, это требования безопасности, которые необходимо соблюдать, - говорит Владимир Нико, когда сообщает ему о согласии взять его в поездку на определенных условиях.

По большому счету, я рад, что мы берем парня. За время, проведенное вместе, он

немало показал мне, благодаря ему я увидел больше, чем мог бы в столь короткие сроки...

Мы покупаем две карточки пополнения счета и просим Нико позвонить по добытым телефонам рыбаков. По первому номеру ему ответила женщина, что мужа нет дома, он на острове и без телефона. По второму телефону ответил сам рыбак. Он говорит очень неопределенно, в духе – приезжайте, и, если он возьмет еще людей с собой, тогда поедем. Да!! И если море будет спокойным!

Эти звонки нам уверенности в ситуации не прибавили. Стало очевидным, что вопрос с лодкой необходимо решать прямо у пристани общаясь вживую. Влад говорит, что это обычная для него практика. Ситуация полна неопределенностей, но это и есть цена путешествия налегке с минимумом затрат.

Такое положение дел для меня абсолютно ново, и поэтому мне очень интересно. Не всегда в жизни есть шанс увидеть, как делается история экспедиций в области НАМ-радио, а тут такая возможность...

Мы готовы к поездке на остров. Определились с датой отъезда. День неумолимо тянется к последнему, шестнадцатому, вечеру нашего пребывания в Эрмере...

Трапеза

*Королева Алиса на праздник зовет:
– Собирайся скорей, Зазеркальный народ!
На высоком престоле в блестящем венце
Королева Алиса вас ждет во дворце!*

*Так наполним бокалы и выпьем скорей!
Разбросаем по скатерти мух и ежей!
В кофе кошку кладите, а в чай – комара.
Трижды тридцать Алисе ура!*

Льюис Кэрролл.
Алиса в Зазеркалье

Сеньора, хозяйка семьи, в которой мы жили, умеет накрывать на стол. Однако в наш последний вечер она даже переплюнула себя!

К тому моменту, когда наше пребывание в Эрмере подошло к концу, семейство Бабу пополнилось вновь прибывшими – приехали две сестры (Азиза и Соня) и их брат, Цесалтино (Аде). Как они все разместились в двух комнатах, для меня остается загадкой. Понятно, что гости – мы трое – вносим немалое разнообразие в устоявшийся ритм семейства. Уже практически никто не бежит вечером к телевизору – смотреть его невозможно из-за постоянных pile-up на 12-метровом и 15-метровом диапазонах (на этих диапазонах влияние на ТВ от RF излучения особенно заметно); уже никто не следит особо рьяно за тем, чтобы входная дверь была закрыта на ночь на щеколду – мы все равно ее откроем; хозяйка уж махнула рукой на влажную уборку у меня в комнате – с таким обилием кабелей, проводов, переходников на полу и с, практически, постоянно сидящим оператором за трансивером задача становится невыполнимой. Пожалуй, единственное, что блюла хозяйка с каким-то невероятным упорством, свойственным только женщинам, имеющим большое семейство, где соблюдение норм и правил – основы дисциплины для

подрастающих отпрысков, - это сервировка стола. Умела она это делать! Салфеточки там разложить красиво, столовые приборы аккуратно выложить возле каждой тарелки, выставить праздничный чайный сервиз, организовать подачу блюд... Что и говорить – пропала в ее лице зав. столовой. Большой бизнес могла бы иметь tia...

В этот вечер, кроме нашей курицы, на столе было еще нечто!..

...Днем мы ходим к китайцу в магазин и берем в нем к ужину мороженые сосиски или курицу. Получив массу удовольствия от общения с Владимиром на родном китайском языке в первые дни нашего пребывания в поселке, хозяин уже во второй наш визит к нему в магазин сделал нам скидку на курицу, продав ее по \$3.50, вместо \$4.0. Поэтому, мы все время ходим в этот магазин. Китаец старается всем услужить – покупаем ли мы продукты или набор электротоваров для освещения. Он улыбается, он округляет цену в меньшую сторону; Влад же всегда разговаривает на китайском с хозяином, и мне уже не понятно – дежурная ли улыбка у столь любезного продавца или он действительно рад покупателям? Скорее же – любезность у китайца идет от сердца, что, безусловно, делает ему честь. Был такой случай. Я с Ирой идем за очередной мороженой курицей в магазин. Расплатившись за «дичь» десяткой и получив сдачу \$6.50 из рук хозяина лавки, случилось у меня небольшое затмение. Я вдруг решил, что мне недодали один американский доллар! Жест! На такой сумме и доллар недодать! Я к китайцу с претензией – не хватает, мол, еще ОДНОГО доллара – и показываю ему полученную сдачу. В одной руке у меня курица, в другой – купюры \$5 и \$1 (и пятьдесят центов, само собой). Какое-то мгновение китаец не понимает, что я от него хочу, на лице видно напряженная работа мысли. Есть решение! Глаза его озаряются в улыбке, и из-за этого они становятся еще уже. *Yesss!!* Его рука тянется к кошельку на поясе. *О, да! Да!!* Он берет пятидолларовую бумажку из моих рук, кладет себе в кошелек, оттуда извлекает пачку засаленных купюр и отсчитывает мне пять долларов купюрами по единичке. Торжественно кладет эти просаленные, с запашком купюры мне в руку, снова улыбается и, мне показалось, слегка кланяется: *доволен теперь, товарищ?* Я такого просто не ожидал. Теперь напряжение от работы мысли, видимо, отразилось у меня на лице, потому что Ира, вдруг, спрашивает меня – что же я, собственно, хочу-то от китайца?? Тут до меня доходит, что сдача была выдана правильно, и что я выгляжу сейчас ну просто идиотом каким-то... *Спать надо больше!* Так стыдно мне давно не было; хорошо, если продавец-китаец не вник в суть и не стал свидетелем моего минутного позора.

Вернемся, все же, к последнему вечеру. Не помню, как так получилось, но случилось почти невероятное – к моменту подачи ужина, мы все трое готовы сесть за стол. Видимо, был плохой проход в эфире или ужин был сравнительно ранним... Не важно. Как бы там ни было, нас спросили, готовы ли мы поужинать? Мы выразили такую готовность. И тут... тут начали накрывать на стол: хозяйка, Асоко, кто-то из дочерей, - все носили какие-то блюда на стол. Хозяин дома скромно смотрел на это со стороны. *Народ, что случилось?!* Я с изумлением смотрю за происходящим. Да тут что-то особенное, тут не просто расчлененная курица, тут не просто рис в ведерке – тут какая-то композиция на блюдах, эдакий полет кулинарной фантазии! Хозяйка видит наше изумление и на лице у нее вырисовывается довольная улыбка.

Ужин в последний вечер в Эрмере

- Даааа, - протянул Влад, - похоже, плату за еду мы не зря немного завысили...

...Накануне мы сделали нехитрые прикидки, сколько мы готовы заплатить за «кров и хлеб». Старайтесь смотреть на вещи с разных сторон – вы сталкиваетесь с другой культурой, с другими материальными и духовными ценностями! Мы в другом полушарии земли! С одной стороны – неизвестные нам ожидания материального вознаграждения хозяев, с другой – наши подсчеты с учетом окружающих реалий.

Раньше б я подумал, что узнаю цену

утром от хозяев, когда будем паковать чемоданы. Но это неправильно. Цена может быть самой разнообразной, выражающей степень бурного полета фантазии радушного хозяина, его ожидания прибыли и желание скоро поправить свое материальное положение. Влад привел много примеров из своего богатого опыта путешественника, и такой подход, когда цену калькулируешь ты сам и сам диктуешь приемлемую цену за жилье, больше не вызывает у меня сомнений. Когда поживешь несколько дней в поселке, начинаешь ориентироваться в местных ценах на рынке и в местных «ресторанах» - так гордо тут аборигены называют некое подобие наших харчевен, которые теперь найдешь разве что только возле автовокзалов в провинциальных городишках. Наши подсчеты расходов на питание, к слову, исходили из той цены, за которую могли бы мы питаться в Эрмере в таких забегаловках. Плюс супер-обслуживание Асоко, который всегда отлично готовил. Наша цена за питание – 170\$ на троих. Это неплохая цена, поверьте. Мы также прикинули, сколько может быть плата за жилье. Будучи в Дили, Влад интересовался этим вопросом у Саши – он в стране года полтора, и хорошо ориентируется в местных раскладах. Накануне днем мы разговаривали с сыном сеньоры, Аде, который приехал на несколько дней из столицы. Хороший парень, открытый, и английский у него довольно неплохой. Он упомянул в разговоре, что комнату в Дили можно снять за 25\$ в месяц, это средняя цена. Естественно, это цена для земляка, для тиморийца. Офицер ООН не станет жить в съемной комнате. Офицеры снимают сразу весь дом или живут на кампусе – в огражденном и охраняемом жилом комплексе, специально построенном на деньги Организации. В таком кампусе офицер живет в отдельной комнате, которая имеет выход сразу во двор. В комнате есть туалет, мини-кухня, душ. Это мини квартира, но под крышей такого дома находится несколько таких квартир, выстроенных в ряд. Белье можно сдавать в стирку, но плата за услугу высоковата, как по мне...

Мы посчитали, что плата за наши комнаты и 15 (16) дней пребывания должна быть в районе 80\$ (немного больше, чем для местных снять комнату, это правда, но мы ведь фактически оккупировали еще и холл! Еще вспомним слегка примятые кусты во дворе и возню с антеннами на крыше, шум от генератора по вечерам и ночам...) Итого – 250\$.

– Не маловато ли? – вопрошаю я. Ира меня поддерживает.

– Да нет, вполне нормально. Это честная цена, - отвечает Владимир.

– Давай, может, округлим до 300\$? Все-таки, насчет еды, – Асоко готовил очень даже неплохо, не так, как в обычной забегаловке. Парень, без балды, действительно старался.

Недолго подискутировав, Влад соглашается.

– O'key! Пусть будет так!

- Прикольно будет, если завтра они назовут совсем другую цену, - улыбается Ира.

С платой хозяевам мы определились, а остальное, как показал следующий день, дело давно отработанной техники переговоров и актерского мастерства. Но спектакль будет утром, а сейчас мы рассаживаемся за столом. Ужин подан.

Опять одни?! Да что же это такое! Почему я не могу поесть за одним столом с хозяевами?! Что тут не так?!

Я серьезно собрался хоть кого-то затащить за наш стол. Хоть Соню, или Азизу, или, может, Асоко, наконец, преодолеет комплекс младшего брата и сядет с нами?!

Пока хозяева дома не забежали в свои комнаты, не спрятались где-то в темном углу заднего двора или не закрылись в туалете для приема вечернего душа, я приглашаю всех присоединиться к нам. Асоко и сеньор улыбаются, благодарят, но отступают. За ширмой в кухоньке кто-то прячется! Я захожу в это небольшое помещение, где все эти дни готовили себе еду и питались обитатели дома. Похоже, я застал врасплох сеньору и двух ее дочерей – Азизу и Соню. Я приглашаю девочек к нам за стол. (Прошу Асоко перевести). Говорю, что они бы оказали нам честь, разделив с нами трапезу. Но нет, они не смеют. Не так воспитаны юные католички, чтоб вот так, сходу, взять и сесть за стол с приезжими. Азиза выходит из кухни и исчезает в противоположном проходе, ведущем в «детскую» комнату и на задний двор. Я беру Соню под локоть, жестами и словами приглашая к столу, но вижу, что и она не смеет. Может, я действую уж очень напористо, а что делать, это же последний шанс! После уговоров, я, в конце концов, оставляю попытки. Я приглашал всех, кого увидел, но согласился только Аде. Молодец, парень!

Хозяйка ставит на стол еще одну тарелку для сына, и мы приступаем к ужину. На столе стоит большое блюдо с некой яичной композицией, напоминающей куриную кладку в траве перед домом. Только яйца «почему-то» почищены и разрезаны пополам. Еще стоит блюдо с мясным паштетом – очень мелко нарезанное мясо говядины в соусе – украшенное фигурно порезанными ломтиками картошки (или хлебного дерева). Также стоит большая миска с картофельно-фасольной подливкой для риса, миска с хорошо прожаренными частями курицы, купленной нами днем, и, конечно, огромная бадья с рисом. Мы всегда все съедаем, кроме, риса. Его всегда много подают, видимо, традиция такая: если не наелся, чувствуешь легкий голод (ребята, хороший шанс поправить свою фигуру!) кладешь еще риса и ешь, ешь, ешь... и чаем сверху поливаешь.

Немного насытившись, завязывается разговор. С Аде, оказывается, интересно поговорить, есть о чем. С ним товарищи мои почти не общались до этого, он только приехал в семью. Из вежливости стараемся даже между собой общаться на английском.

Парень этот учился на архитектурном в университете где-то в Бандунге (Индонезия). Недавно учеба закончилась, и он вернулся в страну. Живет в Дили, в семье у старшей сестры. К тому моменту, когда происходит разговор, он нашел работу в столице в небольшой компании по своему профилю, и перед началом работы приехал навестить родителей.

Деньги здесь, впрочем, как и везде, зарабатываются нелегко. Парень говорит, что если здесь ничего хорошего с работой не получится, то хотел бы поехать в Португалию и попытаться счастья там... Дипломатических и визовых ограничений для него не будет – граждане Восточного Тимора могут свободно приехать в Европу. Только большое расстояние до Старого Света сдерживает поток желающих попробовать удачу в другой стране. Это распространенный и ошибочный взгляд на далекую страну как на филиал Эдема на Земле. Об этом сразу говорит Влад, который приводит примеры из своих путешествий по внешне благополучным, процветающим странам.

– В Европе ты будешь человеком второго сорта, работу тебе будут давать только ту, на которую местные не пойдут. Ты всегда будешь эмигрантом, - говорит Влад. – Это ведь сразу будет заметно – не подумай, что тут пахнет расизмом, но ты будешь выделяться даже цветом кожи среди местных. А от этого никак не отмоешься... – Без жилья и без поддержки в стране большой шанс попасть под влияние местного криминала. Здесь, на Тиморе, можно добиться больше, чем тебе сейчас кажется; страна молодая и только развивается.

Аде внимательно слушает. Мне кажется, он понимает суть мысли.

– Нельзя пользоваться только информацией с телевизора, с газет. Проблемы есть ВЕЗДЕ. Возьми Японию – страну процветающую, развитую во всех отношениях. Об этом кричат из телевизоров, такой имидж у страны. У японцев вообще не в их характере выносить проблемы на общее обозрение. Но я ни в одной развитой стране мира не видел такого количества бездомных на улицах и в парках. В парках целые поля занимают люди, живущие день ото дня под открытым небом в картонных коробках... Никто и никогда об этом не говорит и не пишет.

Для меня эти слова тоже звучат как откровение. Не такой представлялась страна Восходящего Солнца... Влад приводит примеры с Кореей и ее дороговизной жизни, с Австралией и ее проблемами в отношениях между коренным населением – аборигенами – и выходцами из Европы, которые все являются гражданами одной страны. Эти рассказы интересны и живы, потому что это собственные впечатления. Я мог бы слушать эти рассказы всю ночь, но Влад заканчивает – ужин съеден, и, к тому же, пришло время для pile-up. Пора появиться в эфире! Влад уходит в мою комнату и включает трансивер, прикрывая за собой дверь – наши разговоры, несомненно, мешают приему тихих станций.

Мы остаемся за столом вдвоем. В доме все затихло. Обитатели дома по старой привычке, когда все ложатся с наступлением темноты на дворе, разделились по комнатам. Хотя свет в доме есть, людям еще предстоит изменить ритм своей жизни в связи с появлением электричества. А пока... пока на поселок опустилась удивительная тишина, изредка нарушаемая лаем собаки – наступает время для геконов, которые набираются смелости и постепенно начинают выползать из щелей в холле и комнатах. Я вижу, как

светло-коричневая ящерица длиной около восьми сантиметров выползла из-за настенного перекидного календаря, висящего на противоположной от нас стене, и спустилась к столу, за которым мы завтракаем. Пробежавшись по скатерти и найдя какую-то крошку, ящерка быстро ее хватает, возвращается на стену и вскоре скрывается за календарем.

Мы общаемся уже около часа (или мне так кажется? Никто за временем не следит). Разговор постепенно переходит на более приземленные темы – когда беседа приятна, позволяешь себе немного больше, чем банальный разговор о политике или о погоде на улице. Меня интересует тема женщины в семье, не в простой семье, а в таком себе мини детском саду с пятью-десятью детьми. Наши женщины все чаще считают функции материнства выполненными после рождения одного-двух детей. Рост количество детей в семье ассоциируется со снижением материального уровня и с жилищными проблемами. А если еще и муж уйдет?..

– Аде, часта ли ситуация, когда у женщины появляется первый ребенок, а она при этом не замужем? – спрашиваю я.

– Такая ситуация почти невозможна, - улыбается он. – У нас много родственников. У девушки есть братья, если не родные, то двоюродные. Они найдут ту «трусливую мышь», которая передумала жениться. Лучше для него, если он не будет прятаться в нору и поступит как настоящий мужчина, отвечающий за свои поступки...

– О'кей, а что происходит, если семья распадается? – адресую я вопрос своему собеседнику. – Родилось в семье три ребенка и тут муж понимает, что любовь к жене куда-то улетучилась. Хочет он попробовать себя снова, понимаешь?! – я улыбаюсь, я шучу, конечно, но смысл вопроса понятен.

Отец семейства с детьми на улице Эрмера. Такую картину увидишь нечасто – мужчины днем где-то работают, сидеть с детьми – удел женщины

– В семьях очень мало разводов. Браки регистрируются в церкви в торжественной обстановке, собираются родственники. Если девушка несовершеннолетняя, должны быть представлены причины для брака, для его одобрения церковью. То, что кто-то кого-то разлюбил (глупость какая-то!), не может быть для церкви значительной причиной для развода. Если все же женщина остается сама с детьми, бывший муж обязан заботиться о детях на протяжении трех лет...

...Я могу ошибаться в «размере компенсации» и в тонкостях формальной стороны проявления заботы о бывшей семье, но цифру «три года» я запомнил четко. Видимо, предполагается, что за это время женщина сможет кого-то подыскать в семью: тайм-аут закон предусматривает немаленький. И ты уж постарайся, дорогая женщина – не подходит тебе жить без

мужчины, без этого мудрого хозяина жизни!

– Аде, а не очень ли большие семьи, как у вас – десять детей у родителей? Не всякий же мужчина потянет такое семейство?! – я не перестаю удивляться размерам семей на Тиморе. Мысли о таком количестве детей меня просто пугают.

– Я знаю семью, где выросло пятнадцать детей. Десять – это не предел, - со знанием дела отвечает сын сеньора Абилю.

Когда, несмотря на все бытовые трудности, на проблемы получения хорошего образования для детей, несмотря на жизнь с ежедневными мыслями о хлебе в семье, твои дети добиваются чего-то в жизни – вот настоящий предмет для гордости. Поэтому и висят большие фотографии в рамках старших сына и дочери на стенах в холле. Значит – все у них получилось, устроились они в жизни! Пусть видят все гости, бывающие в этом гостеприимном доме: есть чем гордиться родителям. Вот такая награда для матери-героини, которую и героиней-то никто не считает – бывает детей и побольше.

Часы на набережной Дили с изображением священного крокодила

Еще один момент очень интересует меня, и я пользуюсь случаем, чтобы услышать разъяснения из первых уст – почему на Тиморе крокодил считается священным? Крокодил – это символ этой островной страны, как кенгуру в Австралии или петух во Франции. Изображение крокодила красуется на большом монументе-часах, стоящем на набережной Дили. По словам Аде, дохристианские верования связаны были с культом крокодила. Верят, что когда-то, в те времена, когда человек существовал в гармонии с природой, жил в одном племени праведный человек. Когда подошел конец его жизненного пути, никто в племени не хотел расставаться с ним, и, видя такую любовь к этому человеку, Бог сжалился и не забрал его к себе, а вселил душу его в крокодила. С этого времени племя стало почитать крокодилов. Только особые люди племени могли общаться с этими грозными существами, понимая их указания и рассказывая

соплеменникам. Так возник культ, связанный с поклонением крокодилу. Убить крокодила означало убить человека, поскольку верили, что после смерти души хороших людей вселяются в этих рептилий. Если временами наступали неурожайные годы или племя страдало от неизвестных болезней, обращались за помощью к могущественному покровителю, живущему в воде. К крокодилу могли обращаться только особенные люди – шаманы. Призыву о помощи и о покровительстве предшествует специальный ритуал, связанный, по словам моего рассказчика, с жертвоприношением и вхождением в определенное состояние транса. Шаман, обращающийся к крокодилу, входит в воду, и произносит только ему понятные заклятия. Посвященных в таинства ритуала людей, стоящих в воде во время церемонии, крокодилы никогда не трогают, и это удивительно. В качестве жертвоприношения может быть и человек из племени, на которого укажет жрец. Вообще же, считается, что хорошего человека крокодил не тронет. Если крокодил кого-то съедает – плохой, значит, был этот человек, вел аморальный образ жизни, имел дурные помыслы и т.д. Поделом тебе, несчастный! В море, в прибрежных мангровых зарослях обитают морские крокодилы длиной до пяти метров; в реках, впадающих в море, также водится речной вид крокодила. (Служащих ООН предупреждают об опасности купания в море вблизи прибрежных зарослей). На Тиморе культ крокодила существует до настоящего времени. Конечно, речь идет не о столице, не о поселках в горах, а о небольших прибрежных селениях, стоящих обособленно, что исключает всякие проявления цивилизации; туда даже не добралась католическая церковь. Аде говорит о трех направлениях культа поклонения крокодилу, существующих в настоящий момент. Это своеобразные три направления магии, владеют которыми только избранные... Именно по описанным выше причинам крокодилы на Тиморе выжили, в отличие от соседней Индонезии, где нет такого культа, и рептилий истребили.

Под финал вечера выяснилось, что Аде живет в Дили у своей старшей сестры (многочисленные фотографии которой я разглядывал накануне в семейном альбоме), и что дом ее находится в том же районе (Bairo Pite), где останавливались и мы. На соседней улице, если быть точным. Аде собирался уехать утром в Дили, а посему мы договорились, что подбросим его – места в машине будет достаточно. Решено, что мы найдем микролет, который подъедет утром, и начнем грузиться... Во сколько времени это будет – точно неизвестно, ведь утром предстоит еще снять и упаковать антенны, собрать по рюкзакам все вещи...

– Не беспокойся, все равно уедешь! – подбадриваю я его. – Да и, честно говоря, не понятно мне, зачем тебе ехать в канун собственного дня рождения?! (О дне рождения я узнал, рассматривая карточку избирателя Аде, когда речь зашла о выборах; карточка напоминает обычную банковскую пластиковую карту).

Вечер незаметно прошел. Из комнаты вышел Влад – верный признак того, что pile-up закончился. Подошло время моих ночных бдений. Мы убрали посуду со стола в кухню – утром кто-нибудь ее помое. Влад дает последние наставления перед тем, как отправиться в койку. Он делает это каждый вечер. Я отношусь к этому с пониманием – опыта у него больше. Для себя же я знаю, что главное – не отключиться ночью, не впасть в состояние промежуточное между сном и бодрствованием – тяжело это без кружки хорошего чая под рукой. Впереди – четыре-пять часов ночной вахты в эфире и смена оператора около пяти утра. Наступила последняя ночь в Эрмере.

Нервозное утро. Тетушка отжигает. Прощание

*В записке к рыбам как-то раз
Я объявил: "Вот мой приказ".*

*И вскоре (через десять лет)
Я получил от них ответ.*

*Вот что они писали мне:
"Мы были б рады, но мы не..."*

*Я им послал письмо опять:
"Я вас прошу не возражать!"*

*Они ответили: "Но, сэр!
У вас, как видно, нет манер!"*

*Сказал им раз, сказал им два -
Напрасны были все слова...*

*Я очень громко говорил.
Кричал я из последних сил...*

*Я волновался неспроста -
Дверь оказалась заперта,*

*Стучал я в дверь, стучал в окно
И достучался бы я, но...*

Льюис Кэрролл.
Алиса в Зазеркалье

Влад встал в 5 утра и сменил меня. Упав на кровать, я сразу засыпаю. Ничто не может помешать мне в такие моменты – ни горящий свет в комнате, ни звук печати на клавиатуре, ни даже работа микрофоном в эфире. Хотя последнее на рассвете и не практикуется. Чаще всего я просыпаюсь от доносящегося сквозь сон голоса Влада: «Костя, пора вставать!» И это утро не исключение. Я продираю глаза – Влад еще сидит в pile-up, но темп работы, чувствуется, уже спадает...

Сегодняшний день будет напряженным. Я совершаю утреннее омовение, здороваюсь с домашними, которых встречаю по пути к внутреннему дворику. Сегодня будний день, и в доме уже никто не спит – школьники, а их в доме трое, то тут, то там выныривают перед моими глазами из закутков дома. Доносится запах костра – Асоко что-то готовит. Да, именно так, – не успел я вернуться в холл, нам предлагают завтрак. Не отказываемся. Но прохождение еще не закончилось, и Влад не отрывается от трансивера. После телеграфа обязательно наступает черед SSB, а затем, RTTY. Я сажусь за стол с Ирой, нам подают завтрак – что-то из традиционного меню в это время суток. Влад ждет меня себе на смену после завтрака. Я пью чай и слушаю голос Влада, работающего микрофоном в преимущественно японском пайлапе. Еще немножко – и я тоже заговорю по-японски! Владимир отвечает зовущим его станциям на японском – «го кью дес...аригато зе мачита» - явный признак сворачивания утреннего dx-прохождения. В какой уж раз я ловлю себя на мысли – на сколько этот человек отдан нашему хобби! У нас уже есть договоренность про автобус, часа полтора осталось... тут уж пора вещи

паковать, антенны еще стоят на позиции не тронутые, а он pile-up дорабатывает! Нет, я вовсе не нервничаю. Снимать антенны – это не ставить, времени много не должно занять. Я пережевываю яичницу, аппетитно разместившуюся на хлебной булочке утренней выпечки.

С каждым глотком теплого чая с дымком возвращается радость жизни и адекватное восприятие мира. Я начинаю ощущать, что в доме что-то происходит... что-то едва уловимое, не бросающееся в глаза, а медленно предательски крадущееся к твоим ногам, как тень дерева - напряжение нарастает. Я не знаю, что может вызывать такое ощущение. Сидя за столом в холле, я слышу голос хозяйки; она с кем-то что-то обсуждает в кухне, отделенной от холла занавеской. Она не шепчет – к чему это, когда язык ее нам не понятен?! Вот оно что! Это голос! Не похож разговор этот на вялые утренние беседы. Там что-то обсуждают или решают... В такие ранние часы хозяйку обычно не видно и не слышно, она просто куда-то исчезает – то ли по работе, то ли хлопочет на заднем дворе... но не сегодня.

Тут Влад отрывается от микрофона: все японские радиолюбители удовлетворены четвертым или пятым или даже восьмым QSO, но попадаются нередко и новые позывные. Я сажусь поработать в телеграфе.

- Давай, давай! Я пока позавтракаю и соберу рюкзаки – время есть! - говорит мне V.B.

- Может, пора рассчитаться с хозяевами? Мне кажется, «кто-то» там (я киваю в сторону занавески на кухню) начинает нервничать...

- Не волнуйся, успеем! – Влад, похоже, знает, что говорит.

Невероятно – в утро нашего отъезда, около девяти утра, я в эфире! «4W0VB QRZ»! Меня накрывает вялый американский pile-up.

Влад садится за стол в холле и завтракает... Через пять минут они с Ирой исчезают в своей комнате. Сборы начались!

Тем временем, я полностью погружаюсь в хаос зовущих станций. Многие станции из 3, 4, 5 районов США идут на 4-5 баллов, разбирать нелегко, но меня прекрасно слышат. Благодаря хорошей дисциплине зовущих, работа не утомляет. На этом фоне всплывают откуда-то единичные станции из калифорнийского побережья и северо-запада США с громовым сигналом. Чем они там «стреляют»?!

Минут через пятнадцать из pile-up меня вырывает внезапный стук в дверь моей комнаты.

- Да! – кричу я, не снимая наушников.

В дверях стоит Асоко и виновато улыбается.

- Excuse me! – выдавливают он и опять улыбается.

Мне не до шуток. – What's up! (– Что случилось?) – спрашиваю я, надеясь еще уловить позывной ускользающей от меня слабой станции. Fuck!! – Асоко, – что??

Парень смутился от резкого ответа (*ну не хотел я! Это просто передается напряжение, азарт от работы в эфире.*), он улыбнулся и несколько секунд думает, с чего начать... Сын хозяйки пытается что-то объяснить. Я ни черта не понимаю, приходится снять наушники. И это не помогло. Странное это ощущение – слышать слова вроде бы на английском и ничего не понимать, что от тебя хотят. Я несколько секунд выслушиваю поток слов, напрягаю воображение, но смысла не улавливаю. Вижу, что в руках Асоко держит какую-то бумажку. Наконец, до меня доходит, что мне принесли что-то важное, что надо посмотреть «здесь и сейчас». В голове мелькает мысль – почему именно мне, ведь я работаю в эфире, а значит, для меня, как в какой-то рекламе по ТВ, – Pile-up... «и пусть весь мир остановится!» *O'Key, давай бумажку!*

У меня в руках оказывается пол-листа из обычной школьной тетрадки, сложенный пополам и немного измятый. Асоко замер в ожидании моей реакции, на его лице застыла дежурная улыбка. Я разворачиваю записку. ... Пробежав текст взглядом, я чуть не разразился нервным хохотом. Кажется, я даже заговорил по-русски! Это «чек на оплату» за кров и хлеб. Настал, так сказать, момент истины! Хватит развлекаться – пора платить по счетам! На помятом листочке с неровными рваными по линии отрыва краями от руки шариковой ручкой написано:

<u>Payment for residence and food</u>	
For food:	
Mr. Costya -	16 days x 4\$ = 64\$
Mr. Vladimír -	16 days x 4\$ = 64\$
Ms. Irina -	16 days x 4\$ = 64\$
Mr. Vladimír and Ms. Irina	<u>total</u> : 128\$
Payment for rooms:	
Mr. Costya -	16 days x 50\$ = 800\$
Mr. Vladimír and Ms. Irina -	16 days x 50\$ = 800\$
Total cost:	Mr. Costya: 64\$ + 800\$ = 864\$
	Mr. Vladimír and Ms. Irina - 128\$ + 800\$ = 928\$
<u>Total to pay:</u>	1792\$

Я быстро пробежался глазами по тексту. Непросто разбирать чужой почерк, вглядываясь в винегрет текста и цифр: пока я читаю, буквально весь североамериканский континент замер в ожидании, что 4W0VB возобновит неожиданно прерванную работу... Что за срочность с этой бумажкой? Ага, кто-то тщательно просчитал расходы, помножил на свои ожидания и, пока не забыл, записал на попавшемся под руку клочке бумаги, который я сейчас держу. Взгляд притягивает последняя четырехзначная цифра. Не просто притягивает, а пугает. Это полуторогодовая зарплата взрослого человека тут, в Эрмере. Так и хочется спросить: «Вы это серьезно? Или я плохо стал понимать шутки?». Асоко

ожидает моего ответа, стоя в дверном проеме комнаты. Я улыбнулся: заплатить эту цену означало бы отдать почти все деньги, которые есть в наличии у меня. Да и откуда такая высокая стоимость жилья?! За питание все более-менее адекватно, хотя и слегка завышено, но остальное... Я не хочу сейчас спорить и аргументировать. Я не сомневаюсь, что бумажку писала хозяйка. Она вон там, прячется за ширмой в кухне, ждет ответного действия от нас! Дала сыну свою «писульку» с аккуратно подсчитанными «расходами», потому что Асоко чаще других в доме общался с нами, в особенности со мной, и сможет при случае что-то ответить на неизбежные вопросы.

– Почему такая высокая цена? – спрашиваю я у Асоко, а сам выглядываю через него в холл. Там никого нет – Влад с Ирой возятся с вещами в своей комнате, слышны только их голоса.

В ответ на вопрос Асоко еще шире улыбается, делает непонимающее выражение лица и слегка покачивает головой – не могу, мол, знать, – «мама поручать – я передавать»!

- О'кей, передай этот счет Владимиру, хорошо? Он главный у нас в команде, и я сейчас немного занят, - говорю я.

Асоко с пониманием кивает и выходит из комнаты. Мне до чертиков интересно, что сейчас будет, но оторваться от трансивера было бы действительно неразумно – работа до последнего зовущего! Я втыкаю в уши авиационные наушники Владимира и продолжаю разгребать толпу зовущих. Однако, за время моего вынужденного перерыва станций несколько поубавилось, и я время от времени могу поглядывать в холл через оставленную открытой дверь. Там, в холле, разворачивается настоящее представление...

Выйдя от меня и пройдя через холл, Асоко с бумажкой останавливается перед дверями комнаты моих друзей. Стучится и заходит. Несколько секунд ничего не происходит. Затем, я слышу, как говорит Влад. Я не понимаю, вопросы ли это к «принесшему дурные вести» или монолог. Вскоре двери распахиваются, и из комнаты вылетает Влад с ошарашенным Асоко. Влад активно жестикулирует и возмущенно что-то говорит Асоко, тот же от неожиданности, похоже, начал забывать английский. На вопросы Влада он ничего внятно ответить не может. Владимир говорит громко, возмущенно, трясет в руках бумажку, которую ему вручили. Из-за ширмочки появляется хозяйка, которая что-то спрашивает у Асоко. Монолог Влада уже обращен к ней, Асоко не успевает переводить, если он вообще воспринимает, о чем речь. Переводчик с него плохой, и Влад просит позвать Аде, чтобы тот разъяснил суть проблемы. А суть такова – никто такую фантастическую цену платить не собирается!!!

Я снимаю наушники. В холле появляется Аде, через полминуты выходит также и хозяин дома, сеньор Абильо.

– Аде, мы вчера с тобой общались. Мы ведь оба знаем реальную цену жилья в Дили. Ты же сам говорил, что снять комнату на человека стоит 25\$ в месяц! Посмотри, что пишет твоя мама для нас! Пятьдесят долларов! В день!! – Влад показывает «Счет» Аде. – Откуда такая цена?! Или тут в комнате есть кондиционер, или есть интернет? Или я должен платить такую цену за холодный «душ» с ведром и черпаком и дыркой в полу? Или сюда

включены супер-туалетные удобства на заднем дворе с ручным смывом?? Здесь обычная комната без электричества, с кроватью и столом.

Аде смотрит на бумажку – невольно он стал участником большого спектакля. Он кивает и вроде бы соглашается, что цена тут написана странная. Он что-то говорит родителям, хозяйка что-то недовольно отвечает на тетуме и тоже, как мне кажется, о чем-то возмущается. Ее никто не удосужился перевести. Но куда ей переплюнуть Влада. Она обращается к мужу, сеньор более адекватен и не пытается спорить с Владимиром.

– Сеньор Абилю, это не просто чек, а плевок в нашу сторону, – Влад включает с. Абилю в разговор. Сеньор должен бы быть на работе в такое время, но, наверное, жена попросила его задержаться. – Всем понятно, что цена, написанная тут, нереальна. Мы обращаемся к вам с уважением. Мы не считаем себя выше вас и во всем относимся к вам, как к равным себе. А что делаете вы? Этим, – Влад протягивает ему листок, – вы проводите черту между нами, показывая, что ваше отношение к нам – как к тупым богатым туристам, не знающим, как потратить свою зелень! Как к господам, которые всю жизнь угнетали и унижали своих слуг, и когда последним представился шанс отплатить за все, они делают это уверенно и с наслаждением. Очень неприятно чувствовать такое отношение, и я не понимаю, чем это мы такое заслужили?! Этот счет – просто насмешка над нами, это прикрытая попытка нас обокрасть, не меньше. Мы не собираемся платить неадекватную цену! – Влад сует помятую бумажку в руку Асоко.

Сеньор ничего не возразил. Он что-то говорит жене, та ему что-то в ответ. По тону ясно, что она не удовлетворена. Хозяйка скрывается за занавеской в кухне. Асоко следует туда же.

Браво, Владимир! Это был достойный ответ. Ответ был резок и однозначен, ответ такой, что ни у кого больше не было сомнений и заблуждений насчет «тупых туристов». Стало однозначно понятно (даже мне), что желаемую сумму получить от нас не удастся. По меньшей мере, простым путем предъявления «счета-фактуры». Я далек от мысли, что счет, предъявленный нам, – плод коллективного творчества. Хранительница очага просто хотела прикупить побольше дров на поддержание огня, да еще – буквاريки и пару колпачков для своих Буратино.

- Вова, не слишком ли ты резко все это сказал? Обидеться могут! – спросил я Владимира, когда хозяева скрылись из виду.

- Нет, нормально. Так надо. Нас должны понять однозначно, и чтобы не было больше никаких иллюзий на наш счет.

Спорящие стороны разошлись по комнатам. Влад пошел допаковывать рюкзаки, а я снова одел наушники. Еще немного работаю. Очень скоро Pile-up иссяк, прохождение закончилось. Я встаю и выключаю трансивер. Финиш! Работа в Эрмере закончена.

К этому времени уже подошел Нико, переодетый во что-то спортивное: он надел футболку с нашитой эмблемой британского футбольного клуба «Челси», чем очень гордился. Как раз пришел вовремя. Мы все вместе – Нико, я, Влад, Ира и Асоко – идем снимать антенны. Дипольные системы на ВЧ-диапазоны висят на бамбуковой мачте возле

крыльца. Мачту развязываем и без проблем опускаем. Отвязываем антенны и аккуратно укладываем на полянке возле дома. Влад следит за тем, чтоб ничего не перепуталось. Если все будет правильно сложено, легче потом и распаковывать, меньше потеряешь времени. Он притормаживает резвых мальчишек – сыновей хозяев, кинувшихся нам помогать растягивать проволочные антенны по поляне. *Уймитесь, ребята! В упаковку антенн лучше вам не вмешиваться!* Достав из сумки миллион различного размера веревочек и проволочек для перевязки, Влад ловко сматывает антенны с кабелями и упаковывает в сумку. Через минут двадцать приходит черед большой 18-метровой мачты. Как флаг на флагштоке, за веревку осторожно опускаем все антенны от 160-метрового до 30-метрового диапазонов. Все оттяжки отвязываются и пакуются. То же происходит и с антеннами. Антенны пакует лично Владимир (ну и я немного помогаю): все должно быть плотно замотано, должны быть сохранены метки диапазонов.

Асоко приносит лестницу, и я с Нико лезем на крышу. Ира с Владимиром и Асоко развязывают стягивающие мачту веревки, я и Нико, находясь на краю крыши, удерживаем бамбук, поскольку он стоит под небольшим уклоном в сторону двора. Ребята внизу заносят основание мачты в направлении каменного забора, отделяющего двор от улицы. «Long John» встал под углом шестьдесят градусов, опершись о край крыши. Теперь самое сложное перед спуском бревна – мачту вначале надо «уложить» на крышу. Как-то поторопились ребята внизу, или я стоял далековато от края крыши – я еле успел поймать массивный ствол бамбука, больно ударивший меня по плечу. Тем не менее, удалось избежать падения мачты на крышу. Через пять минут восемнадцатиметровое чудо лежало возле дома хозяев. Ствол этот хозяева дома собирались вскоре порубать на несколько частей и расщепить – это хороший материал для ремонта забора. Жаль, хорошая была мачта, высокая. Ее я даже видел в объектив фотоаппарата, довольно четко, сидя на холме поблизости Миртуто, а от туда до Эрмера – километров шесть...

Вид на Эрмера с горного склона близ поселка Миртуто (расстояние ~6 км). В объектив камеры хорошо видны две бамбуковые мачты на фоне церкви

На часах 10.30 утра. К дому подъехал микролет. Мы же еще упаковываем антенны. Никакой спешки нет. В общем, мы не ограничены по времени. Этим утром звонили Саше в Дили, он готов нас встретить по приезду, но необходимо предварительно созвониться, когда будем на подъезде к городу. График работы офицера ООН не похож на обычный режим работы – эта работа не предусматривает выходных, но в затылок тебе никто не дышит – можно отклониться от рабочего расписания, например, чтобы встретить друзей. Хотя в арендуемом доме в Дили есть охрана, ребята жилье в свое отсутствие закрывают, ключи никому оставлять нельзя. Все это понятные меры безопасности.

Близко к одиннадцати утра все как будто собрано. Я время от времени забегаю в дом, чтобы взять, то нож, то изоленту, то раскрепить кабель, тянущийся от моей комнаты вдоль стены холла на улицу, к мачтам. Из кухни по-прежнему доносятся голоса: хозяйка дома с кем-то разговаривает. Разговор этот не назовешь спокойным, хотя накал страстей уже угас. Из всего потока речи мы можем улавливать лишь, когда в разговоре упоминаются какие-то цифры. Цифры необходимо знать, чтобы уметь спросить цену на рынке – женщины-торговки обычно не знают английского, и узнать цену будет проблемой, если нет знания ключевых вопросов и цифр на тетуме. Накануне днем, когда мы с Ирой сидели в холле и пили чай, а в кухне хозяйка что-то обсуждала с Асоко, Ира мне сказала, что сейчас в разговоре хозяйка называет какие-то цифры...

- Мне кажется, сейчас прикидывают цену, сколько с нас взять. И, по-моему, цифры какие-то «улетные»... Придется их немного разочаровать... - резюмировала Ира.

...Сейчас цифры в разговоре уже не упоминаются. Эта беседа похожа на жалобу подруге, на разочарование, на крушение надежд. Все это было ожидаемо. Не представляю, что *tia* себе вообразила и о чем думает сейчас... получила обратно свой нелепый «Счет...», столкнулась с резким негодованием обычно добродушного и общительного Владимира. В итоге – имеет ситуацию полную неопределенности, ведь денег ей никто так и не дал. Ни доллара. Ни цента. *«Мы не собираемся платить неадекватную цену!»*

Антенны и кабеля собраны. Рюкзаки упакованы. Остается все снести в автобус. Первым – черед генератора. Вчетвером мы с трудом выкатываем пятикиловатный генератор с заднего двора и грузим в микролет. В автобусике сидят двое мне не знакомых парней. Автобус мы наняли за ту же цену, что и микролет до Эрмера. И поскольку «все включено», то водитель или Нико – не знаю точно – предложили знакомым подбросить их до Дили. Ну, это не проблема.

Генератор занимает треть крошечного салона автобуса. Возле задней стенки салона ставим две 25-литровые пластиковые канистры с бензином – уже половина пространства занята!

* * *

...Накануне отъезда мы долго решали, брать ли с собой на остров генератор? Поскольку решение было принято в пользу генератора, то и топливо по логике вещей нужно также брать с собой. У хозяев дома были две вместительные пластиковые канистры, которыми они не пользовались, так как готовили все на дровах, а машина стояла во внутреннем дворе давно не на ходу. Мы попросили одолжить нам эти канистры

на время поездки на Атауро. Предложение было сделано Асоко. Он перевел нашу просьбу матери. Они немного переговорили между собой, и Асоко снова обратился к нам. Он улыбнулся и отрицательно покачал головой. Я стал было его уговаривать, аргументируя тем, что мы гарантируем возврат тары – ни к чему нам чужие вещи. К тому же, Нико едет с нами и вернется с вашими канистрами (куда же ему еще деваться!). Но это не убеждало. Тут Влад сказал решающую фразу, которая изменила минус на плюс, отказ на согласие.

- O'key, давай так, мы даем вам 10\$ в залог за эти две канистры. Когда Нико вернется с поездки с канистрами, он отдаст их вам, а вы отдадите ему десять долларов. Годится?

Асоко перевел для сеньоры. Опять короткий диалог на тетуме, и вот оно, чудо магической фразы! Канистры в нашем распоряжении! Я тут же отдаю деньги Асоко. Влад еще некоторое время объясняет суть «сделки» для Нико и Асоко – чтобы всем было все понятно: один отдает после поездки канистры, другой возвращает деньги, и эти деньги будут частью нашей платы ему, Нико, за его работу переводчиком в поездке. Наблюдая за происходящим, у меня возникли определенные сомнения насчет того, понял ли все Нико. И Асоко как-то странно и без эмоций все время улыбается. *Ну, то будут уже ваши проблемы, парни, если по тупости, кто-то из вас сделает что-то не так...*

* * *

В холл вынесены из комнат все рюкзаки. Я еще раз окидываю взглядом комнату – ничего ли не забыл? Осталось только самодельное локальное освещение – 60-ватная лампочка со шнуром на переходник – «подарок» местным. У входа стоит опустевший массивный стол, тетрадки и брошюры свалены на столе поменьше, стоящем у кровати. Я закрываю дверь в комнату. Мы начинаем выносить рюкзаки из дома в микролет, в салоне Нико и двое парней раскладывают все это добро по сиденьям. Напряжение в доме растет. Все кто был в доме вышли в холл, нависло тяжелое молчание. По правде говоря, я и сам напрягся.

– Вова, пора отдать им деньги. Наверное, думают, что мы вообще ничего не заплатим! – говорю я Владимиру, когда мы выносим рюкзаки.

– Да, сейчас, не волнуйся! Они все получают.

Когда остается последние два рюкзака, хозяйка не выдерживает и обращается к Владимиру. Асоко переводит.

– ...Мистер Владимир, не нужно платы за жилье! Ну, за питание вы хотя бы можете заплатить?!

Все, и я в том числе, замерли в ожидании ответа.

– Почему только за питание?! Если мы заплатим только за питание, это будет воровство уже с нашей стороны! Чем такой поступок будет лучше того, что было утром?! Мы заплатим и за жилье, но справедливую цену. Цену, которая не будет обидна никому.

Влад достает из кармана перегнутые пополам купюры и кладет на стол. Это триста долларов, которые, мы посчитали, будут справедливой платой за жилье и еду и за хорошее, по сути, к нам отношение и обслуживание. У меня остались от пребывания в

Эрмере только самые хорошие воспоминания. Это прекрасное место. А проблемы с оплатой – это не проблемы, а человеческий фактор, который надо учитывать и уметь владеть ситуацией. Хороший урок был этим утром!

Три купюры по сто долларов Влад накануне разменял на бумажки по пять, десять, двадцать долларов – обилие купюр в пачке производит благоприятное воздействие, денег кажется много.

Асоко берет деньги и пересчитывает, отдает матери. Та тоже их пересчитывает. По улыбкам на лицах я понимаю, что все в порядке, что их это устроило! Ну, слава Богу! Произносятся какие-то фразы в одобрительном тоне. Жизнь налаживается! А нам пора ехать. Мы берем последние рюкзаки и прощаемся. Жмем всем руки – хозяевам, Асоко, его двум младшим братьям, Соне, Азизе и Карле... Наступили трогательные минуты прощания.

- А где Аде? – спрашиваю я.

- Ему нужно было срочно ехать в Дили, и он уже уехал полчаса назад, - говорит Асоко.

Жаль, что-то поторопился он. Мы все равно доедем быстрее, чем он на рейсовом автобусике, набитом пассажирами.

В автобус заносим последние рюкзаки, все рассаживаются по местам – Ира и я садимся на переднем сидении рядом с водителем, Влад, Нико и двое парней устраиваются в салоне. Все готовы к поездке. Двери в салон микролета не закрывают – не принято. Водитель поворачивает ключ зажигания и автобус оживает. Мы медленно выезжаем с поляны на дорогу. Нам машут вслед обитатели дома, ставшим и нашим домом на незабываемые две недели.

Через пару мгновений дом скрылся из виду. Впереди – двухчасовая поездка по горным дорогам вниз, к океану.

Дорога в Дили

Алиса и все остальные в тревоге повскакали со своих мест. Лошадь, высунувшая голову в окно, оглянулась и спокойно сказала:

- Ничего страшного! Здесь ручеек, который нам надо перепрыгнуть.

Все тут же успокоились, только Алисе было как-то не по себе при мысли о том, что поезда здесь прыгают.

Льюис Кэрролл.
Алиса в Зазеркалье

Автобус подпрыгивает на разбитой дороге и неспешно выруливает к мосту через горную реку, протекающую бурным потоком в узком ущелье. Это условная граница поселка Эрмера. От тряски в салоне что-то падает, я чувствую запах бензина. Одна из канистр с горючим упала набок, и бензин чуть пролился через горловину пластикового бака, закрытую лишь целлофаном, завязанным у горлышка веревкой. Крышки не было.

Влад кричит водителю, чтобы тот остановился. Мы тормозим перед самым мостом через реку. Необходимо переложить все вещи заново, чтобы топливом не залило наш груз: ребята, складывавшие рюкзаки и ставившие канистры, сделали это довольно небрежно, и теперь эта куча вещей начинает сползать куда-то под колеса тележки с генератором. Влад ругается и лезет на кучу с вещами – надо все вынуть и заново переложить. Кому-то из парней даже приходится выйти из микролета, чтобы не мешать процессу.

Операция перепакровки вещей занимает несколько минут. Наконец, все лежит более-менее аккуратно. Снова трогаемся. Автобус минует мост и сворачивает налево, на дорогу, идущую вдоль ущелья. Этот участок дороги длиной километра два хорошо видно с моста, который мы только что миновали. Над дорогой метров на пятьдесят возвышается склон холма. Ниже – также метров пятьдесят – шумит река. Шум этот перекрывает музыка – водитель на приборной доске воткнул в разъем, напоминающий разъем прикуривателя, mp3-плеер и радуется себя игривыми мотивами местных исполнителей кантри. Мы обгоняем рейсовый автобус Эрмера – Дили, который обошел нас, пока мы перепаковывались. Из дверей зеленого микролета высунулись на две трети корпуса двое ребят. Рисковые парни! Они держатся только одной рукой за что-то в салоне и смотрят вперед. На дороге почти не встречается машин. Иногда из-за холма вырывается какой-нибудь грузовичек с людьми на борту. Людей на этой части дороги встречается мало. Лишь в тех местах, где с горы на дорогу спускается крутая тропа, может стоять придорожный магазинчик, пару домов, или какое-то подобие жилья. Время сейчас движется к полудню, и вдоль дороги иногда видны школьники младших классов, возвращающиеся с занятий. Они идут группами по три - пять человек, весело о чем-то общаются, а в руках несут сумки или портфели. Школьники одеты в белые рубашки – все равно, девочки или мальчики – на смуглой коже эта форма смотрится эффектно.

Мы подъезжаем к Глено. Я узнаю дорогу – третий раз по ней еду. На обочине дороги чаще видно детей, где-то поблизости, в горах, есть селения. Дорога начинает сильнее петлять, уклон дороги то едва заметен, то явно выражен. Слева от нас – пропасть, заросшая густым живописным лесом. Ущелье слева поросло сочной зеленью, с деревьев местами свисают лианы. Я смотрю сквозь окно слева от себя на всю эту красоту. Сколько ни всматриваюсь в зеленые склоны гор, не вижу никаких троп, никаких намеков на следы деятельности человека. Это буквально не тронутая часть земного рая, труднодоступный для человека клочок природы...

Водитель, который нас везет сегодня, не заморачивается на то, чтобы притормозить, когда я прицеливаюсь фотоаппаратом через боковое окно автобуса и хочу заснять красивый горный пейзаж. А снимать есть что! Поэтому многие кадры я тут же и удаляю – либо смазана резкость, либо объект съемки уже остался позади автобуса... «Да уж, тот асс маршрутки, что вез нас в Эрмеру, специально притормаживал, когда я фотографировал, а этот смотрит только на дорогу...», - мелькает у меня мысль. Вдруг водитель бьет по тормозам и резко подает руль влево, в сторону обрыва. Я чуть не влип лицом в переднее стекло... Господи!!!.. Мы чуть не убили девочку! Господи, этого только не хватало!.. Когда наш автобус вырывается за очередной выступ холма, из кустов на дорогу в паре метров от машины выпрыгнула девочка лет пяти-шести. Наш водитель просто каким-то чудом сумел среагировать, резко свернув влево. Это было действительно чудо! Мне показалось на миг, что случилось непоправимое. Но нет, Боже, кажется,

Школьники у дороги на подъезде к Глено.

Рынок в полдень в Глено.

Школьники на улице в Глено.

ребенок только слегка черкнул плечом борт микролета. Пронесшись мимо девочки, водитель затормозил и выглянул в окно – жива!! Девочка стояла там, где выпрыгнула на дорогу, и неподвижно смотрела на наш автобус. Без преувеличения, у этой девчушки сегодня второй день рождения. Взрослых на дороге тут нет, позади осталось несколько детей младшего школьного возраста и все... *Да, парень, да! Смотри лучше перед собой на дорогу! Никакая красота не стоит таких невинных жертв!*

Мы подъезжаем к Глено. У дороги встречается много старшеклассников, они сидят, стоят у обочины дороги и общаются. За плечами у ребят обычно небольшие рюкзаки. Школьницы предпочитают носить через плечо домотканые или фабричного изготовления сумки. Обуты они в легкие кроссовки или кеды. Темные, скорее черные, длинные волосы собраны на затылке в хвостик.

Через пять минут наш автобус въезжает по центральной улице в поселок. На улице много молодежи. Мы проезжаем медленно мимо рынка. У его входа торгуют даже подростки – не всем, наверное, нравится ходить в школу.

Глено, хоть и крупнее Эрмера, все равно поселок небольшой. Здесь находится администрация Суко «Эрмера» (то есть, Округа Эрмера). Сюда сеньор Абилю ездит на работу в какой-то офис Министерства Образования. Если кто сюда попадет впервые – не заблудится. Тут все постройки одноэтажные, улочки, пересекающие главную улицу, по которой мы едем, прямые, не петляют. Сердце поселка – рынок, дорогу к которому может указать даже школьник. Миновав рынок, переезжаем через небольшой мост и двигаемся вдоль длинной прямой дороги, с одной стороны которой стоят дома, с

другой – просто незаселенное пространство, равнина, на которой местами стоят какие-то постройки хозяйственного назначения. Это тоже район Глено, больше похожий на сельскую местность. Дома вскоре заканчиваются, и снова начинается дождевой лес, вся растительность которого зависит от обильных ливней, идущих тут почти ежедневно.

Вот и сейчас небо опять в грозовых облаках! Нет, еще по-прежнему светит солнце, но дождя сегодня, похоже, не избежать. Наша дорога постоянно петляет. Сквозь открытое окно в салон приятным потоком заходит влажный воздух. Мы едем по безлюдной дороге. С обеих сторон растут высокие деревья под тридцать - тридцать пять метров высотой, имеющие толстый белый ствол и развитую крону. Некоторые стволы могут обхватить лишь три человека. Верхушка такого дерева разрастается так, что занимает максимально возможную площадь, поглощая лучи солнца. Поэтому влага долго остается в почве. Мы едем по асфальтовой дороге, но там, где твердое покрытие заканчивается, видно невооруженным глазом влажный грунт. Местами дорога превращается в сплошное грязевое месиво. Но такой пустяк не может остановить движение по легендарному маршруту Эрмера – Дили.

Нас обгоняет лексус серебристого цвета. Ничего себе – такая машина и в таком месте! В салоне лексуса я вижу лишь одного водителя. Это единственное авто такой марки, которое я видел в течение всей поездки по стране. На дорогах встречаются, в основном, тойоты и митсубиси. Водитель лексуса идет быстро и легко обгоняет наш микролет.

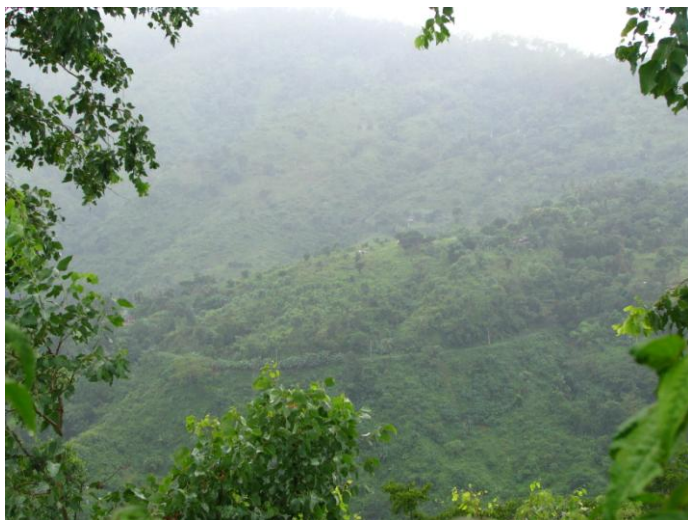
Хорошо, что наш автобус вообще хоть как-то едет. Его плюс – небольшой габарит и вес, что позволяет сравнительно легко преодолевать грязевые поля и промоины на дороге. В салоне нашего автобуса нет никакого изыска. Пространства мало. Я делю сиденье с Ирой. Мое правое бедро упирается в рычаг переключения скоростей, и с этим я ничего не могу поделать. Водитель время от времени переключает скорость, и я немного отодвигаюсь влево, чтобы не мешать управлять жизненно важным рычагом. Ира прижимается к двери, поездка ее «не вставляет»... Мы едем молча. Наш водитель - это парень лет двадцати пяти на вид, одет в полосатую футболку и рваные на коленях шорты: как-то не сильно похож он на водителя. *«Папик дал ключи и разрешил сгонять на рейсовом автобусе в Дили, отовариться, и вернуться до темноты обратно»*, - от этой дурацкой мысли мне стало весело. *«Сынок, и никаких девочек на заднем сиденье!»* - добавил бы я, будь я на месте отца...

Начинается дождь. Появился ветер, и капли косого дождя захлестывают сквозь открытое окно, возле которого сидит Ира. Она попробовала поднять стекло, но к нашему общему изумлению подъемник не работает: стекло не поднимается в принципе! Водитель покосился в нашу сторону, но ничего не сказал. Дело-то житейское! Влад полез на гору вещей в дальней части салона – где-то в моем рюкзаке сверху лежит клеенчатая плащ-накидка, сильно выручившая меня на Бали. Через минуту вещь найдена, и Ира спасена от ливня, идущего уже в полную силу и заливающего сиденье у открытого окна.

Автобус немного сбросил скорость – лобовое стекло хорошо заливает. Ливень стихает минут через пять, но полностью не прекращается. Дождь нам не помеха! Мы медленно и уверенно двигаемся по безлюдной дороге. С левой стороны от края трассы –

Вид на прибрежную полосу с места вынужденной остановки автобуса

Дорога вдоль горного склона, едва различимая с места съемки, огибает вытянутой дугой ущелье. Этот участок дороги нам еще предстоит проехать

Влад решил вздремнуть в салоне микролета, пока решается «вопрос» с пробитым колесом

склон горы, поросший кустарником и небольшими деревьями. Со стороны дороги, по которой мы двигаемся, уже видна прибрежная полоса. До океана приблизительно километров десять по прямой. Однако, прямых путей тут нет... Направление дороги диктует горный рельеф.

На одном из поворотов раздается сухой щелчок, и воздух пару секунд со свистом вырывается из пробитого колеса. Слышен звук шлепающей резины. Автобус останавливается. Ну надо же – мы пробили переднее правое колесо! Все выходим из автобуса – незапланированная остановка даже приятна: можно размяться и просто полюбоваться живописным видом, пока водитель будет менять колесо.

Небо пасмурное, и воздух просто пропитан влагой. Наш водитель смотрит на пробитое колесо и чешет затылок. На этом... все действие и заканчивается. Пилот микролета обменивается несколькими фразами с земляками, и возвращается в кабину. Снова начинается дождь.

- «Коллега», что сидим, почему бездействуем?! – вопрос обращен к водителю.

Из его объяснений становится понятно, что запаски у него нет, насоса в автобусе нет, связаться не с кем. *Интересно, а права вообще у него есть?* Единственный выход в этой ситуации – поймать еще один рейсовый автобус и попросить запасное колесо, или сообщить «на станцию», что нам требуется помощь. Где эта «станция» не совсем понятно. Никакого диспетчерского пункта, например, в Эрмере, нет.

Походив взад-вперед минут пять, все пассажиры микролета снова залазят в

салон – дождь снова начался. Водитель, ввиду очевидной безысходности ситуации, решил временно покинуть «мостик капитана» и переместился назад, в салон, где можно посвободнее раскинуться на сиденьях и поговорить с земляками. *Да уж, «шеф» хорошо устроился – не иначе, как упоает на самого Бога!* Я смотрю в салон – парни о чем-то весело беседуют, Влад прилег на сиденьях, оперся на рюкзак и спит.

Мимо нас проехало какое-то авто и остановилось в метрах десяти от нас. Наш водитель вышел из салона и подбежал к этой машине. Беседует с кем-то через опущенное стекло на переднем сиденье. Через минуту он снова возвращается. Нам парень сообщает, что это проезжал владелец транспортной компании, обслуживающей маршрут Эрмера – Дили, и что «он пришлет кого-нибудь сюда с запаской».

Снова сидим. По крыше микролета барабанит мелкий дождик. Проходит полчаса. Ничего не происходит. Я выхожу из кабины. Снаружи воздух очень влажный, но духоты нет. Рубашка быстро намокает и прилипает к телу. Я прошелся немного вдоль дороги, всматриваясь через заросли на едва заметный отрезок дороги, проходящий с противоположной стороны ущелья. Дорогу видно на несколько километров вперед. По ней сейчас никто не едет. Если повернуться на шестьдесят градусом от дороги, видна прибрежная полоса: мы совсем рядом от трассы, проходящей вдоль побережья. Близко, но преимуществ это никаких не дает. Все зависит от того, как скоро заменим мы это чертовое колесо...

Несколько раз мимо нас проносятся маршрутки. Не всех их тормозит водитель: мы стоим возле изгиба дороги, и, не пройдя вперед метров двадцать, из автобуса не видно, кто сейчас вынырнет из-за поворота. В первых двух остановленных автобусах запасного колеса нет. Когда дождь возобновился, водитель и вовсе спрятался в салоне, расслабился, и, кажется, решил вздремнуть, следуя примеру Владимира – чего нервничать, на все воля Всевышнего!

Проходит еще полчаса. Владимир просыпается и с удивлением видит, что мы стоим на прежнем месте. Парни в салоне автобуса, обсудив всевозможные темы, зевают и

собираются отойти ко сну... *Что за неподобство! Где тут главный?!* Водитель разводит руками – что, мол, могу поделать?

- Автобус надо ловить! Что вы, ночевать тут собрались?! – Влад берет плащ и выходит из автобуса.

Я тоже хожу где-то рядом, возле поворота. Автобус, если он появится, будет виден издалека. Но его не видно: дорога идет вдоль горного склона и просматривается на несколько километров.

Владимир караулит автобус на трассе

Я вижу лишь одинокий автомобиль, медленно движущийся вдоль ущелья. Когда он подъезжает к повороту, я поднимаю руку и пытаюсь его остановить. Из авто на меня смотрят удивленно двое мужчин – «малай» в горах! – и так и проезжают мимо, не притормозив. На дороге снова пустынно. Я хотел попросить насос. В общем, запаска у нас есть, но это запасное колесо спущено, и его нечем накачать.

Пока мы стережем транспорт на трассе, кто-то из парней принес велосипедный насос. Перед тем, как пробить колесо, мы проехали мимо двух или трех домов, расположенных прямо у дороги, метрах в двухстах от нашей стоянки. Кто-то из пассажиров сбегал туда и попросил насос...

Все столпились возле пробитого колеса. Водитель и еще один помощник снимают его и устанавливают запасное, спущенное колесо. Вскоре выясняется, что золотник велосипедного насоса ну совсем не стыкуется с ниппелем шины установленного колеса –

Кто-то раздобыл велосипедный насос, и надежда снова замаячила на горизонте

В остановленном микролете запасного колеса не оказалось. Насоса также нет – на все воля Всевышнего!

резьбы немного отличаются. Водитель не опускает руки, он лезет в кабину и достает оттуда... кусок целлофана. Этот целлофан он ловко наматывает на резьбу золотника и, уплотнив таким образом резьбу, снова пытается вкрутить «папу» в «маму». Немного помучившись, ему это удается. Бойкий парень, из числа незнакомых мне пассажиров, бодро схватился за насос и начал интенсивно качать. Действительно резво! Был бы это велосипед, колесо давно бы уже раздулось и рвануло. Но автобусный скат все также спущен. Делается еще несколько отчаянных попыток – к насосу приступает другой парень, хватается за рукоятку и неимоверно резкими движениями пытается вогнать требуемые атмосферы в спущенное колесо. Мне становится понятно, что результата не будет, все давление стравливается через неплотное резьбовое соединение. Внимание следует обратить на ловлю проходящего транспорта.

Я снова смотрю на дорогу с противоположной стороны ущелья. Минут через десять видно какое-то движение. Да, кажется, это микролет! Через несколько минут он уже приближается к повороту, возле которого стоим я и Влад. Я кричу парням возле автобуса, чтобы они готовились встретить микролет, поскольку нам могут и не остановить (машина ведь не

остановилась!). Когда маршрутный автобус поравнялся с нами, мы начали махать руками, прося остановки. Автобус сбавил скорость, как мне показалось, но проехал мимо меня. Тогда руками начали махать ребята возле нашего микролета. Автобус остановился. Водитель и Нико побежали к авто, но через минуту вернулись – в остановленном автобусе нет запаски! И насоса нет. Невероятно! Но таковы реалии. Приходится ждать следующего транспорта. Со вторым остановленным автобусом повезло больше – там есть запасное колесо и оно накачено. Водитель о чем-то договаривается с коллегой из автобуса «Дили – Эрмера». Потом он возвращается к своему микролету, что-то говорит парням и те живенько снимают спущенное колесо. Водитель хватается его и идет к остановленной маршрутке – производится обмен накачанного колеса на спущенное. Судя по всему, это и есть везение! Колесо установили и можно ехать! Удивляет то, что никакой помощи от хозяина маршрута, который проезжал ранее на авто, мы так и не дождались.

Дорога вдоль побережья океана, несколько километров к западу от Дили.

Небольшой камень на трассе – результат горной эрозии и обильных дождей, прошедших за последние дни

Мы тронулись в путь.

Вынужденная стоянка отняла у нас около двух с половиной часов. Но не беда, до заката еще далеко, и есть надежда сделать все необходимые дела еще сегодня.

Мы въезжаем в город, долго петляем по забитым транспортом улицам. На каком-то перекрестке высаживаем пассажиров. Я вскоре начинаю узнавать улицы – значит, мы уже совсем близко от дома наших друзей. Да именно так! Я говорю водителю, что сейчас будет поворот направо, который нам и нужен. Сказать то я сказал, но водитель все равно умудрился его проехать. Этот поворот не бросается в глаза, дорога направо зажата между заборами, там может проехать лишь одна машина, ну или пара байков. Микролет останавливается и немного сдает назад. Водитель выруливает направо, и автобус протискивается между заборами в требуемом направлении. Через двадцать метров – остановка. Мы приехали. Ворота открывает улыбчивый охранник. Он предупрежден о нашем визите. Через минуту мы выходим из микролета; мы во дворе дома, окруженного бетонным забором, верхняя кромка которого «украшена» битым стеклом. Время близится к четырем дня. Впереди – амбициозные планы покорения острова Атауро, и еще нерешенный

вопрос с лодкой. Известна только дата выезда – завтрашнее утро.

Мы выгружаем рюкзаки и генератор. Вещи складываем под стенкой в холле. Мы уставшие и довольные – основная часть экспедиции завершена. Впечатлений у меня выше крыши, и это еще не все! Не финал! Приключения продолжаются! И будьте уверены, через какой-нибудь час, я получу новую дозу адреналина, новые впечатления, о которых еще долго буду вспоминать, сидя за утомляющей рутинной ежедневной работы.